

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не претендует на то, чтобы представить читателю полную картину падения язычества. Не следует в ней искать и общих рассуждений, вскрывающих глубокие причины успеха восточных культов в Италии; мы не стремились показать здесь, каким образом их учениям, — представлявшим собой фермент гораздо более сильного растворяющего действия, чем теории философов, — удалось разложить на части те национальные верования, на которых покоилось Римское государство и вся античная жизнь, и как христианство окончательно довершило разрушение уже подточенного ими здания. Мы не беремся проследить здесь различные этапы борьбы, происходившей между идолопоклонничеством и возраставшим влиянием Церкви. Эта обширная тема, к которой мы еще когда-нибудь обратимся, не будет занимать нашего внимания в данной монографии; она затрагивает лишь частично этот решающий переворот: в ней мы пытаемся с наибольшей возможной точностью показать, каким образом и почему маздеистской секте не удалось при цезарях стать господствующей религией в империи.

Эллинистической цивилизации так никогда и не удалось укорениться на персидской почве, и римляне также не преуспели в том, чтобы подчинить парфян своему влиянию. Значительный факт, определяющий всю историю внутренней Азии, заключается в том, что иранский мир и мир греко-латинский всегда жестко сопротивлялись всякой взаимной ассимиляции, побуждаемые к этому как инстинктивным чувством отторжения, так и исконной враждой.

Тем не менее религия магов, представлявшая собой наивысшее выражение иранского божества, сумела в три этапа оказать влияние на западную культуру. В первую очередь, парсизм имел значительное воздействие на формирование иудаизма, и некоторые из его основных учений распространились благодаря посреднической роли еврейских колоний, образовавшихся по всему бассейну Средиземного моря, что впоследствии обусловило их принятие христианства.

Более непосредственное воздействие маздеизм оказал на европейскую мысль в то время, когда Риму удалось завоевать восточную часть Малой Азии. Здесь с незапамятных времен находились, не бросаясь никому в глаза, колонии магов, эмигрировавших из Вавилона, которые постепенно соединили свои традиционные верования с эллинистическими представлениями, вырабатывали в этих варварских областях весьма своеобразный, несмотря на свою многосоставность, культ. В начале нашей эры можно наблюдать его внезапное появление из тумана забвения и одновременное его проникновение в долины Дуная и Рейна и далее — до самого сердца Италии. Западные народы ясно ощутили превосходство маздеистского вероучения над их собственными старыми национальными культами, и целые толпы верующих направились к жертвенникам экзотического бога. Но дальнейшее продвижение этого завоевателя было остановлено, когда ему пришлось столкнуться на своем пути с христианством. Соперничающие религии с удивлением признали друг в друге целый ряд сближавших их черт сходства, так и не поняв причин их появления, и обе приписали козням божества лжи святотатственное пародирование их обрядов. Конфликт между ними был неизбежен, поединок их — яростен и непримирим, ибо ставкой в нем являлось мировое господство. Никто так и не оставил нам рассказа о перипетиях этой битвы, и лишь воображение может помочь нам представить себе неведомые драмы, которые потрясали души множества людей, колебавшихся в своем выборе между Ормуздом и Троицей. Нам известен лишь исход этой борьбы: митраизм был побежден, и, без сомнения, так и должно было случиться. Его поражение было обусловлено не одним только превосходством евангельской морали или проповеди апостолов над учением мистерий; он пал не только потому, что оказался перегружен обременительным наследием обветшалого прошлого, но также и оттого, что в его богослужении и теологии осталось слишком много азиатского,

чтобы латинский дух мог безропотно принять их. По совершенно иной причине такая же война, происходившая в ту же эпоху в Иране между этими двумя противниками, окончилась для христиан безуспешно, если не бесславно, и зороастризм в Сасанидских государствах никогда не позволял серьезно ущемить себя.

Но поражение Митры не уничтожило его власти. Его мистерии подготовили умы к принятию новой веры, как и они, пришедшей с берегов Евфрата и возобновившей военные действия, основанные на другой тактике. Манихейство явилось в качестве их преемника и продолжателя. Это было самое мощное наступление Персии на Запад, атака, более кровавая, чем какая-либо иная, но которой суждено было, в конце концов, разбиться о стену сопротивления христианской империи.

С помощью этого краткого наброска я надеялся пролить свет на то значение, которое имеет для нас история митраизма. Эта ветвь, отошедшая от старого ствола маздеизма, во многих отношениях сохранила черты древнего натуралистического культа иранских племен, и она позволяет нам путем сопоставления лучше понять явившиеся предметом многих споров вклад и значение авестийской реформы. С другой стороны, этот культ если и не явился вдохновителем, то, во всяком случае, внес свои уточнения в формирование некоторых доктрин Церкви, в частности, в представления касательно сил преисподней и конца света. Таким образом, и его истоки, и его упадок поясняют нам процесс складывания двух великих религий. Во времена своего полного расцвета он оказывал не менее значительное влияние на общество и правителей Рима. Вероятно, никогда, даже в эпоху мусульманских нашествий, Европа не была столь близка к тому, чтобы сделаться азиатской, чем в III в. нашей эры, и это был тот момент в ее истории, когда цезаризм чуть было не превратился в некий халифат. Уже не раз было отмечено сходство, которое двор Диоклетиана представлял с придворной жизнью Хосровов. Именно солнечный культ и, в частности, именно маздеистское учение явились проповедниками тех идей, на основе которых обожествляемые правители стремились построить здание монархического абсолютизма. Быстрое распространение персидских мистерий во всех слоях населения сослужило прекрасную службу политическим амбициям императоров. Внезапно нахлынувший поток иранских и семитских учений не сумел сокрушить всего того, что столь тщательно было создано греческим или римским гением, но когда он сошел, то оставил в народном сознании густой осадок восточных верований, которые так никогда и не уничтожились до конца.

Надеюсь, я уже высказал достаточно фактов для того, чтобы указать, почему затронутая мною тема заслуживает углубленного исследования. Хотя изучение ее во всех отношениях завело меня гораздо дальше, нежели я мог предвидеть это в начале, я не жалею о годах труда и поездок, которых оно мне стоило. Предпринятая мною работа постоянно наталкивалась на ряд определенных затруднений. С одной стороны, нам неизвестно, в какой мере Авеста и другие священные книги персов отражают маздеистские идеи Запада; с другой, — лишь этим комментарием мы располагаем для интерпретации значительной массы скульптурных памятников, постепенно собранных нами. Одни только надписи являются для нас всегда надежным руководством, но их содержание, в целом, весьма скудно. Мы находимся примерно в том же положении, в какое попали бы, если бы нам надлежало описать историю Церкви в Средние века, опираясь только на свидетельства древнееврейской Библии и на скульптурные останки романских и готических порталов. Поэтому мы зачастую лишь с большей или меньшей степенью правдоподобия можем истолковывать митраистские изображения. Я не претендую на то, что мне всегда удавалось абсолютно точно расшифровать эти иероглифы, и не хочу придавать своим оценкам большего значения по сравнению со значением поддерживающих их аргументов. Тем не менее надеюсь, что я с достаточной точностью установил общий смысл священных изображений, украшавших митраистские подземелья. Что касается деталей их изысканной символики, — они с трудом могут быть истолкованы, и нередко требуется умелое владение искусством неведения.

Эта небольшая книга воспроизводит главу «Заключение», которой завершается первый том моей работы «Тексты и скульптурные памятники, относящиеся к мистериям Митры». Эти страницы, снабженные примечанием и подтверждающими ссылками, ограничиваются лишь кратким обзором и сопоставлением всех имеющихся у нас сведений об истоках и характерных чертах митраистской религии. Их будет достаточно пытливому читателю для того, чтобы ори-

ентироваться в данном вопросе. Недостовверные данные и лакуны в традиции не позволили нам придать равную основательность всем сторонам нашей реконструкции. Тем, кто пожелает испытать прочность подведенных под нее оснований, придется обратиться к критическим замечаниям, приведенным в моем «Введении», целью которых было установить значение и ценность письменных документов и в особенности скульптурных памятников, попавших в мое собрание.

В процессе длительной подготовки этой работы мне не раз доводилось воспользоваться поддержкой солидарности, объединяющей по всему миру людей науки, и редко случалось, чтобы я взывал к ней безрезультатно. Желание помочь мне моих преданных друзей, многих из которых уже больше нет, часто даже опережало мои просьбы и неожиданно предлагало мне многое такое, о чем я не осмелился бы просить. В основной части этой книги я попытался воздать должное каждому из них. Я не хочу перечислять всех тех, кто сотрудничал со мною, и, расточая им обычные благодарности, делать вид, что оплатил мои долги перед ними. Но с чувством глубокой признательности я вспоминаю о тех щедрых услугах, которыми я пользовался в течение более чем десяти лет, и, придя к завершению своего труда, думаю о всех тех, кто помог мне осуществить его.

1 декабря 1899 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Подготавливая это третье издание, мы были вынуждены принять во внимание, в той мере, в какой позволяло нам наше краткое изложение, те открытия и публикации, которые появились за двенадцать лет. Все главы и приложение, таким образом, претерпели ряд изменений и получили порой пространные дополнения.

Чтобы исполнить пожелание некоторых наших корреспондентов, мы, как и во втором немецком издании, добавили к тексту перекрестные ссылки, которые позволят читателю легко и быстро обращаться к тем доказательствам, на которые опираются наши утверждения. Эти «тексты и памятники» можно найти в нашем первом издании. Те из них, которые были обнаружены или указаны с 1900 г., кратко перечислены в приложении с целью сообщить о них. Таким образом, эта небольшая книга может в некоторой степени послужить приложением к нашему корпусу митраизма. С той же целью мы внесли в число иллюстраций несколько новых изображений, статуй или барельефов, открытых в последнее время. В карте были сделаны уточнения, мы смогли внести в нее немалое количество новых названий. Мы надеемся, что эта работа, хотя и незначительная по объему, способна, таким образом, дать адекватное представление о результатах, полученных во все умножающихся исследованиях по рассматриваемой теме. В тот момент, когда я начал заниматься ею, один опытный археолог отговаривал меня от того, чтобы я приступал к такому неблагоприятному исследованию. Сегодня я с удовлетворением могу констатировать растущий интерес, который вызывают эти долгое время пребывавшие в забвении памятники.

Я считаю своим долгом поблагодарить здесь авторов критических публикаций, которые оценили с благожелательностью, за которую я им признателен, мою работу о мистериях Митры, и выразили готовность признать, что данная реконструкция исчезнувшей религии опирается на объективные интерпретации, сполна охватывающие источники. В суждениях по такому до сих пор не ясному вопросу неизбежно проявилось некоторое расхождение во мнениях, и мои заключения, местами поспешные, могли показаться кому-то ошибочными в некоторых отношениях. Я во многом учитывал эти высказанные сомнения в моем пересмотре данной работы; если я не всегда считал нужным изменить свое мнение, то не потому, что не взвесил возражений моих противников, но лишь оттого, что в данной небольшой книге, где всякая пространная дискуссия была бы неуместной, я не всегда имел возможность оправдать свою точку зрения. Признаю, что несколько рискованно публиковать без ученого и подробного комментария рассуждения, требующие такого рода обоснования, пояснения и умеренности, однако, надеюсь, что читатель не слишком остро ощутит этот недостаток, неизбежный при всяком синтезе.

Тем не менее должен указать на один существенный вопрос, по которому в настоящее время я склонен изменить свое мнение. Я признавал, что астрономические истолкования священных изображений представляли собой лишь экзотерическую символику, разъясняемую

массе верующих, в то время как высшим посвященным раскрывались персидские учения о происхождении и конце человека. В данное время я более склонен полагать обратное: маздеистские или анатолийские легенды, вероятно, являлись теми верованиями, которые служили пищей наивной душе народа, тогда как ученые теории «халдеев» составляли теологию более просвещенных умов. Так, к примеру, они, видимо, заменили в мистериях традицию, согласно которой умершие верующие уносились, подобно Митре, на колеснице Солнца над Океаном. Однако более научная эсхатология требовала признания того, что души поднимались на небеса через планетарные сферы, — т. е. чисто астрологической доктрины. На самом деле, нам всегда будет трудно понять, каким образом жрецам удавалось согласовать две религиозные системы, в действительности несовместимые. Мы, пытаясь без веры проникнуть в тайны святилища, всегда будем сталкиваться с такими трудностями, которые не останавливали адептов былых времен.

Брюссель, январь 1913 г.

Франц Кюмон. Мистерии Митры. СПб.: Евразия, 2000.

© Евразия, 2000.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОКИ

В ту неведомую эпоху, когда предки персов еще составляли одно целое с предками индусов, они уже поклонялись Митре. Гимны Вед точно так же прославляют его имя, как и гимны Авесты, и, несмотря на все различие двух теологических систем, отраженных в этих книгах, ведийский Митра и иранский Митра сохраняют в них так много общих черт, что никто не усомнился бы в общности их происхождения. И та, и другая религия видят в нем божество света, почитаемое наряду с небом, которое с одной стороны носит имя Варуны, с другой — Ахуры; в нравственном плане обе они признают его хранителем истины и соглашений, антагонистом лжи и заблуждения. Однако священная поэзия Индии сохранила о нем лишь полустертое воспоминание. Ему непосредственно посвящен лишь довольно невыразительный отрывок. По большей части его имя возникает случайно, в сравнениях, которые выступают свидетельством его бывшего величия. Тем не менее, хотя его облик в санскритской литературе не столь ярко очерчен, как в зендских писаниях, эта расплывчатость черт не способна скрыть изначальной целостности его образа.

Согласно одной из последних теорий, этот бог, которого не знают европейские народы, даже не принадлежал к древнему пантеону ариев. Пара Митра-Варуна и пятеро других Адитьев, воспетые Ведами, также как и Митра-Ахура и Амеша Спенты, которые, согласно авестийским верованиям, окружают Творца, представляли собой ни что иное как солнце, луну и планеты, культ которых был заимствован индо-иранцами «у соседнего народа, превосходившего их в своих познаниях о звездном небе» — то есть, по всей видимости, у аккадцев или семитских народов, населявших Вавилонию. Но эту смелую гипотезу, вероятно, опровергает одно значительное открытие. Клинописные документы из Каппадокии показывают, что индоиранские боги Митра, Варуна, Индра и Насатья к XIV веку до н. э. уже почитались соседним с хеттами народом, митанийцами, обосновавшимися, несомненно, на севере Месопотамии. Итак, мы видим, что арии, с момента их первого появления на сцене истории, уже поклонялись Митре, и можем утверждать, что захватившие Иран племена неизменно продолжали отправлять этот культ с начала своего политического усиления и вплоть до обращения в ислам.

В Авесте Митра предстает божеством небесного света. Он появляется перед восходом солнца на скалистых вершинах гор; в течение дня он пересекает пространство небесного свода на своей колеснице, запряженной четверкой белых коней, и, когда наступает ночь, он все еще озаряет поверхность земли мерцающим отблеском, — «вечно бодрствующий, вечно бдительный». Он — ни солнце, ни луна, ни звезды, но своими «тысячью ушей и десятью тысячами глаз» он следит за всем в мире. Митра все слышит, все видит, он всеведущ и неподвластен обману. В моральном отношении благодаря естественной трансформации он сделался божеством истины и верности, которого призывают во время клятвы и который скрепляет договор и наказывает нарушивших свое слово.

Свет, разгоняющий тьму, возвращает на землю радость и жизнь; сопровождающее его тепло оплодотворяет природу. Митра — «хозяин широких пастбищ», которые он делает плодородными. «Он подает приумножение, он подает изобилие, он подает стада, он подает потомство и жизнь». Он разливает воды и заставляет произрасти растения; тому, кто почитает его, он приносит телесное здоровье, полноту богатства и одаренное благом потомство. Ведь он не только податель материальных благ, но и душевных достоинств. Он благодетельный друг, вместе с процветанием дарующий душевный покой, мудрость и славу и утверждающий согласие между своими верными. *Дэвы*, населяющие тьму, наряду с бесплодием и страданиями распространяют по земле все пороки и все нечистое. Митра, «бодрствующий неусыпно, защищает творение Мазды» от их происков. Он без усталости сражается с духами зла, и дурные люди, которые им служат, на себе испытывают страшные последствия его гнева. С высот своей небесной обители он зорко следит за своими противниками; обладающий всем оружием, он обрушивается на них, рассеивает их и побивает. Он опустошает и разоряет дома порочных людей, он уничтожает племена и народы, ему враждебные. Напротив, для тех, кто ему верен, он является могучим союзником в их военных предприятиях. Удары их врагов «не достигают цели, поскольку разгневанный Митра отражает их», и он обеспечивает победу тем, кто, «свято принявшие наставление во Благое, благоговейно почитают его и приносят ему жертвенные возлияния».

Этот образ бога, покровительствующего войскам, который начинает преобладать в Митре с эпохи Ахеменидов, сложился, скорее всего, в те смутные времена, когда иранские племена еще воевали между собой; но он является лишь развитием более древнего представления о борьбе между днем и ночью. В целом представленный в Авесте образ древнеарийского божества, как мы уже говорили, близко напоминает то изображение, которое в менее определенных чертах рисуют нам Веды; и, следовательно, маздеизм никак не изменил свою первоначальную основу.

Тем не менее, если зендские гимны еще позволяют проследить истинную природу этого древнего светоносного божества, то система зороастризма в процессе усвоения его культа заметно снизила его значение. Для того, чтобы быть включенным в авестийский пантеон, он должен был подчиниться его законам. Теология подняла Ахура Мазду на вершину небесной иерархии, и с той поры не могла более признавать никого ему равным. Митра не вошел даже в число шести Амеша Спента, помогающих верховному богу управлять вселенной. Вместе с большинством древних природных божеств он был причислен к сонму низших божеств — *язатов*, сотворенных Маздой. Митра был поставлен в связь с некоторыми обожествленными персонифицированными силами, которым персы привыкли поклоняться. В качестве защитника воинов он получил себе в сподвижники Веретрагну, олицетворяющего Победу; как хранитель истины — оказался связан с благочестивым Сраошей, Послушанием божественному закону, с Рашну, Справедливостью, и с Арштат, персонификацией Чести и Правдивости. Как божество, ведающее благосостоянием, он призывается вместе с Аши-Ванухи, Богатством, и с Паренди, Изобилием. Сопровождаемый Сраошей и Рашну, он защищает душу праведного от демонов, которые стремятся низвергнуть ее в преисподнюю, и вершит суд, чтобы позволить ей перейти опасный мост Чинват и подняться на небеса. Это верование иранцев породило представление об осуществляемом Митрой искуплении, которое мы обнаружим впоследствии в развитой форме на Западе.

В то же время его культ подчиняется строгому церемониалу, соответствующему маздеистскому богослужению. Ему следует приносить в жертву «мелкий скот, и крупный скот, и пернатых». Этим жертвоприношениям должны предшествовать или они должны сопровождаться обычными возлияниями сока Хаомы и произнесением ритуальных молитв с пучком прутьев (*барсман*) в руке. Но прежде, чем получить позволение приблизиться к жертвеннику, верующий должен очистить себя многократным омовением и бичеваниями. Эти строгие предписания напоминают обряд освящения и телесные испытания, которым подвергались участники римских мистерий перед посвящением.

Таким образом, Митра был введен в теологическую систему зороастризма, ему было определено соответствующее место в божественной иерархии, с ним стали связывать спутников, отличающихся наибольшей ортодоксальностью, и ему отправлялся культ, аналогичный

культам других божеств. Но его сильная индивидуальность лишь с трудом подчинялась налагаемым на нее узким ограничениям, и в священном тексте мы находим черты более древнего представления, согласно которому он занимал в иранском пантеоне гораздо более высокое положение. К нему часто взывают наряду с Ахурой в одном и том же молении: оба бога образуют пару, поскольку небесный свет и светлое небо неразделимы по своей природе. В другом месте, когда говорится, что Ахура создал Митру, как и все на свете, то упоминается, что он создал его столь же великим, каковым был сам. Митра, разумеется, — *язата*, но он самый сильный, самый прославленный из *язатов*. «Ахура-Мазда поставил его хранить весь движимый мир и неусыпно его оберегать». Именно с помощью этого всегда победоносного воина Высшая Сущность уничтожает демонов и заставляет трепетать даже самого Духа зла Ахримана.

Сопоставим эти тексты со знаменитым отрывком из Плутарха, где он излагает дуалистическую доктрину персов: Оромазд пребывает в вечном свете «столь же высоко над солнцем, насколько солнце удалено от земли», Ахриман царит в ночи нижнего мира, а Митра занимает между ними промежуточную позицию. В начале «Бундахиш» представлено полностью похожее учение, только вместо Митры между Ормуздом и Ахриманом помещен Ветер (Вайю). Несоответствие лишь терминологическое, поскольку, согласно представлениям иранцев, ветер неразрывно связан со светом и, как считается, поддерживает последний. Так, верховное божество восседает в эмпирее под звездами, где царит вечный покой; под ним находится деятельный бог, его посланник, возглавляющий небесные воинства в их постоянной борьбе с Духом тьмы, который из глубин преисподней посылает на землю своих *дэвов*, — таково религиозное учение, гораздо более простое, чем учение зороастризма, каковое, по-видимому, и было в целом распространено среди подданных Ахеменидов.

То, что за Митрой в религии древних персов признавалась выдающаяся роль, подтверждается массой свидетельств. В надписях Артаксерксов рядом с призывами к Ахура Мазде содержатся и призывы к Митре, в сопровождении обращения лишь к еще одной богине — Анахите. Великие Цари, безусловно, особо почитали его и считали своим личным покровителем. Именно его они призывали свидетелем своему слову, именно к нему обращались в момент вступления в битву. Несомненно, его считали приносящим победу монархам: признавалось, что он низводит на них тот мистический свет, — Хварно, — который, по маздеистским поверьям, является достоянием царей, освящает их власть и служит залогом постоянного успеха.

Знать следовала примеру государя. Значительное число теонимов, составленных с использованием имени Митры, которые носила знать с глубокой древности, служит подтверждением тому, что в данной среде этот бог был объектом всеобщего поклонения.

Митра занимал важное место в официальном культе. В календаре ему был посвящен седьмой месяц и, разумеется, также шестнадцатый день каждого месяца. Во время посвященного ему праздника, если верить Ктесию, царь имел привилегию совершать в его честь обильные жертвенные возлияния и исполнять священные танцы. Безусловно, этот праздник считался благоприятным для торжественного жертвоприношения и пышных церемоний. *Митракань* были знамениты по всей внутренней Азии и, став впоследствии праздником *Михраган*, вплоть до нынешних времен должны были справляться в мусульманской Персии в начале зимы. Слава Митры простиралась до самых берегов Эгейского моря: это единственный иранский бог, имя которого пользовалось известностью в Древней Греции, — этот факт сам по себе мог бы служить свидетельством тому, насколько сильно он почитался народами огромной соседствующей с ней империи.

Религиозный культ, отправляемый монархом и всей аристократией, помогавшей ему править огромной территорией его владений, не мог остаться в границах лишь нескольких провинций его государства. Нам известно, что Артаксеркс Ох возводил статуи богини Анахиты в различных столицах, — как в Вавилоне, Дамаске и Сардах, так и в Сузах, в Экбатанах и в Персеполе. В особенности Вавилон, где помещалась зимняя резиденция государей, населяло многочисленное официальное духовенство — «маги», имевшие превосходство над местными жрецами. Официально предоставленные им привилегии не были направлены на то, чтобы предохранить их от влияния сильной жреческой касты, существовавшей рядом с ними. Изощренная и систематическая теология халдеев наложилась на ранний маздеизм, который представлял собой, скорее, совокупность традиционных представлений, нежели свод хорошо разработанных

ных учений. Мифологии обеих религий постепенно оказались сближены, их божества отождествлены, и семитская астролатрия — извращенный плод давнишних научных наблюдений, — возобладала над натуралистическими представлениями иранцев. Ахура Мазда был сопоставлен с Белом, царящим на небесах, Анахита ассимилировалась с Иштар, правящей на планете Венера, а Митра сделался Солнцем, богом Шамашем. Последний, как и Митра в Персии, являлся в Вавилонии богом справедливости, так же, как и Митра, появлялся на востоке, на вершинах гор, и совершал ежедневно свой на сияющей колеснице, так же, как и тот, наконец, приносил победу воинам и считался защитником царей. Трансформации, которые персидские верования претерпели под влиянием семитских учений, были столь глубокими, что уже много столетий спустя, в Риме, подлинной родиной Митры признавали нередко берега Евфрата. Согласно Птолемею, этот могучий солнечный бог почитался во всех областях, простиравшихся от Инда до Ассирии.

Вавилон был лишь этапом на пути распространения маздеизма. Еще в глубокой древности маги через Месопотамию достигли сердца Малой Азии. Уже при первых царях династии Ахеменидов они, по-видимому, массово расселились в Армении, местная религия которой постепенно оказалась вытеснена вводимым ими вероучением, и в Каппадокии, где возжигаемые ими огни еще пылали во множестве во времена Страбона. В весьма отдаленную эпоху они продвинулись до самого Понта, до Галатии и Фригии. Даже в Лидии при Антонинах их потомки распевали еще гимны на варварском языке в святилище, строительство которого приписывалось Киру. Эти общины, по крайней мере, в Каппадокии, сохранились, должно быть, и после победы христианства и просуществовали до V в. н. э., бережно передавая из поколения в поколение свои обычаи, нравы и культ.

Примечательно то, что этих колонистов называли «магузеями», — что является точной греческой транскрипцией семитского названия с окончанием во множественном числе. Их литературным языком и, возможно, языком богослужения был не персидский, но арамейский, который уже при Ахеменидах сделался языком дипломатических и торговых отношений во всех странах к западу от Тигра. Ничто не может послужить лучшим свидетельством тому, насколько глубоким оказалось влияние «халдеев» на этот анатолийский маздеизм.

Казалось бы, падение империи Дария должно было пагубно сказаться на этих рассеянных в далеких краях колониях, которые отныне оказались оторванными от своей родины. В действительности случилось, скорее, обратное, — маги нашли в диадохах чуть ли не столь же заботливых покровителей, каковыми были для них Великий царь и его приближенные. После распада империи Александра можно видеть, как в Понте, в Каппадокии, в Армении и в Коммагене устанавливаются династии, с охотой возводившие свои генеалогии к Ахеменидам. Независимо от того, действительно ли эти семейства являлись иранскими или нет, — их предполагаемое происхождение обязывало их почитать богов своих мнимых предков. В противоположность греческим правителям Пергама или Антиохии, они воспроизводили древние традиции как в религиозной, так и в политической сфере и облекали себя своего рода аристократическим достоинством, чтобы во всем походить на древних властителей Азии. Феодальная аристократия, управлявшая страной, также принадлежала или претендовала на принадлежность к древней нации завоевателей. Главы кланов, по крайней мере, в пределах Армении сохранявшие в процессе всех преобразований и перемен вплоть до Юстиниана наследственный титул «сатрапов», гордо соблюдали и старинную веру своих пращуров. Не выказывая никакой враждебности к иным религиозным культам, отправляемым в их государстве, эти правители и сановники из их окружения оказывали, тем не менее, особое покровительство храмам маздеистских божеств. Они все еще отдавали дань поклонения Оромазду (Ахура Мазде), Оманосу, (Воху Мане), Артагнесу (Веретрагне), Анаит (Анахите) и другим богам. Особенной их благосклонностью пользовался Митра; монархи питали к нему в некотором смысле личное расположение, о чем свидетельствует имя Митридат, часто встречающееся во всех династиях. Очевидно, Митра оставался для них, как и для Артаксерксов и Дариев, богом, дарующим победу государю, выражающим и поддерживающим законную власть. Это почтительное отношение к обрядовой практике персов, унаследованной от легендарных предков, идея благочестия, как опоры трона и условия всякого успеха, ясно прослеживается в высокопарной надписи, высеченной на монументальном надгробии, которое Антиох I Эпифан из Коммагены (69-34 гг. до н. э.) повелел

воздвигнуть себе на отроге Тавра, откуда открывается вид вдаль на долину Евфрата. Барельеф изображает правителя в торжественном облачении с высокой тиарой на голове, держащим в левой руке скипетр и пожимающим правую руку Митры; чело его украшает нимб с лучами в напоминание о союзе, который он заключил с этим богом. (Рис.1) (Рис.1. Митра и царь Антиох). Правитель Коммагены, со стороны матери являвшийся потомком Селевкидов из Сирии и возводивший свой род по отцу к Дарию, сыну Гистаспа, сливает воедино память о своем двойном происхождении и ставит в один ряд персидских и эллинских божеств и обряды точно так же, как в его роду имя Антиох перемежалось с именем Митридат.

Подобным же образом, в соседних областях правители и иранское духовенство в разной степени подверглись влиянию греческой цивилизации. При Ахеменидах любой народ, проживавший между Понтом Эвксинским и Тавром, благодаря терпимости центральной власти имел возможность сохранять свои местные культы, равно как и свой язык и свои собственные обычаи. Но во время великой смуты, вызванной крушением персидской империи, все политические и религиозные барьеры исчезли, разнородные расы внезапно вынуждены были войти друг с другом в соприкосновение, и, в результате, внутренняя Азия прошла через этап синкретизма, аналогичный тому, который мы можем более ясно наблюдать в Римской империи. Сближение всех теологий Востока и всех греческих философских систем породило самые неожиданные сочетания, и соперничество между этими разнообразными учениями сделалось чрезвычайно активным. Многие из магов, расселившихся по территории от Армении до Фригии и Лидии, разумеется, отбросили в то время всякую былую сдержанность, занялись оживленной пропагандой, и, так же, как и евреям в ту эпоху, им удалось объединить вокруг себя некоторое количество прозелитов. Позднее, преследуемые христианскими императорами, они, так же, как и знатоки Талмуда, были вынуждены возвратиться к своей былой односторонности, замыкаясь во все более неприступном ригоризме.

Безусловно, именно в период нравственного и религиозного брожения, вызванного македонскими завоеваниями, митраизм обрел более или менее определенную форму. К времени своего распространения в Римской империи он уже вполне сформировался. Его догматическая система, равно как и традиции богослужения, должны были иметь уже вполне устоявшийся вид с самого начала его проникновения сюда. К сожалению, мы не можем точно установить в каком регионе и в какой момент маздеизм приобрел те черты, которые отличают его в Италии. Наше полное неведение относительно религиозных движений, потрясавших Восток в эпоху Александра, почти полное отсутствие прямых свидетельств по истории иранских сект на протяжении первых трех столетий до нашей эры служит основным препятствием к получению верного представления о развитии парсизма. Мы можем лишь попытаться выделить основные факторы, вызвавшие трансформацию культа малоазийских магов, и попытаться показать, как различные влияния в разных регионах по-своему изменяли его характер.

В Армении маздеизм слился с местными национальными верованиями и с некоторыми семитскими элементами, пришедшими из Сирии. Митра оставался одним из главных божеств в этой синкретической теологии, сложившейся под таким тройным влиянием. Как и на Западе, одни видели в нем божеств огня, другие идентифицировали его с Солнцем, и с его именем связывались иноземные легенды. Рассказывали, что он родился от инцестуальной связи Ахура Мазды со своей собственной матерью или даже, что его породила на свет простая смертная женщина. Мы не возьмемся настаивать на этих отдельных мифологемах, так же, как и на иных, аналогичных им. Особая смесь никак не связанных между собою доктрин, каковую представляет собой религия армян, по всей видимости, не имеет никакого отношения к митраизму, кроме частичной общности их происхождения.

В остальной части Малой Азии изменения, произошедшие в маздеизме, были гораздо менее глубокими, чем в Армении. Никогда не переставала ощущаться вражда между местными культами и той религией, адептам которой было угодно возводить себя к иранским корням. То чистое учение, носителями которого являлись огнепоклонники, вряд ли могло быть совмещено с оргиями, справляемыми в честь возлюбленного Кибелы. Тем не менее, в течение долгих столетий, которые маги-пришельцы прожили в мире среди автохтонных племен, некоторое сближение религиозных учений двух народов, разумеется, должно было произойти. В Понте Митра изображается на коне, как Мен, лунный бог, почитавшийся на всем полуострове. В дру-

гом месте его облачают в анаксириды (anaxurides — брюки) с широким вырезом, напоминающие об увечье Аттиса.[\[45\]](#) В Лидии пара Митра-Анахита превратилась в Сабазия-Анаит.[\[46\]](#) Других местных богов удобно было отождествить с могучим *язатом*. По-видимому, жрецы этих малокультурных краев были вынуждены приводить свои народные божества в соответствие с теми богами, которым поклонялись правители и знать; но мы слишком мало знаем о религиях тех областей, чтобы иметь возможность установить, что дали они парсизму и что от него заимствовали. Поэтому мы лишь констатируем факт взаимного их влияния, не берясь измерить его глубины. Это влияние, сколь поверхностным ни желали бы его представить.[\[47\]](#) Несомненно, подготовило почву для того тесного союза между мистериями Митры и Великой Матери богов, который должен был впоследствии осуществиться на Западе.

Когда в результате походов Александра греческая цивилизация распространилась на всю внутреннюю Азию, она вплоть до отдаленных уголков Бактрии пределах всей Бактрии заставила маздеизм считаться с собою. Тем не менее, *иранизм*, — если мы можем употребить такой термин, — никогда не сдавал позиций перед лицом эллинизма. Сам Иран довольно скоро вновь обрел как политическую независимость, так и свою моральную автономию. В целом, эта сила сопротивления персидских традиций, противодействующая всякой ассимиляции, в других местах легко достигаемой, является одной из выдающихся черт в истории взаимоотношений Греции с Востоком.[\[48\]](#) Малоазийские маги, тем не менее, оказались значительно ближе к очагам западной культуры, чей отблеск и задел их гораздо в большей степени. Их культы, устоявшие против того, чтобы быть поглощенными религией иноземных завоевателей, вошли в сочетание с нею. Для того, чтобы согласовать варварские верования с эллинистическими идеями, прибегли к испытанному методу отождествлений.[\[49\]](#) Была сделана попытка перенести обитателей Олимпа на маздеистские небеса: Ахура Мазда, в качестве Высшего Божества, был отождествлен с Зевсом; победоносный герой Веретрагна — с Гераклом; Анахита, которой посвящался бык, — слита с Артемидой Таврической; пошли даже на то, чтобы сделать маздеистские храмы местом действия мифа об Оресте.[\[50\]](#) Митра, уже признанный в Вавилоне равным Шамашу, естественным образом был сближен с Гелиосом; но он никогда не занимал рядом с ним подчиненного положения, и его персидское имя в богослужении никогда не заменялось переводным, как имена других божеств, которым поклонялись в мистериях.

Эта попытка установить синонимию между именами, на самом деле никак не связанными друг с другом, не осталась на уровне простого жонглирования мифологическими системами. Ее важным следствием стало то, что неотчетливые персонификации, сложившиеся в воображении Востока, заимствовали и обрели те же конкретные формы, в которые греческие мастера облакали своих олимпийских богов. Возможно, прежде их никогда не представляли антропоморфно, либо, если даже существовали какие-либо их изображения, то, наподобие ассирийских идолов, они были причудливы и грубы. Пленительная форма эллинистического идеала, в которой воплотились маздеистские герои, неизбежно изменила их внутреннюю природу, — в них был смягчен экзотический элемент, и они сделались более приемлемыми для западного мира. Таким образом, одно из обязательных условий успеха иноземной религии в римском мире было достигнуто именно тогда, когда около II в. до н. э. скульптор пергамской школы изваял патетическую группу, изображавшую таврохтонного Митру, за которым отныне закрепилось по общему обычаю почетное место в апсиде гротов (spelaea).[\[51\]](#)

Искусство не только смягчило все то, что в этих грубых мистериях могло смутить дух, воспитанный греческой школой. Философия также стремилась примирить выраженное в них мировоззрение с собственными учениями или, скорее, само азиатское духовенство взялось найти в своих священных традициях нечто подобное теориям философских школ. Никакая из этих школ не проникалась расположением к объектам народного поклонения столь же охотно, как школа стоиков, поэтому, именно эта секта оказала глубокое влияние на формирование митраизма. Один из древних мифов, воспетых магами, дошел до нас в передаче Диона Хризостома.[\[52\]](#) Поскольку этот миф рассматривали в качестве аллегии стоической космологии; наряду с ним и другие персидские представления были сходным образом приспособлены к пантеистическим взглядам последователей Зенона. Мыслители все более приучались отыскивать в догматах и ритуальных обычаях Востока смутные отражения античной мудрости, и такая тенденция столь удачно сочеталась с претензиями и интересами маздеистского духовен-

ства, что последнее не могло не приветствовать ее всеми своими силами.[\[53\]](#)

Приписывая верованиям магов излишнюю значительность, которой та не в коей мере не обладала, философская спекуляция, тем не менее, проявляла в целом больше консерватизма, нежели новаторства. Одним уже тем, что она придавала наивным, зачастую, легендам символическое значение и нелепым с виду ритуальным традициям предлагала рациональное объяснение, она выражала стремление к их упрочению. Если теологические основания этой религии подверглись существенным модификациям, то ее богослужebная сфера оставалась относительно стабильной, и изменение догмата сочеталось тут с почтительным отношением к ритуалу. Суеверный формализм, который обнаруживают подробные предписания Вендидада, несомненно, свойственен времени, предшествовавшему эпохе Сасанидов. Жертвоприношения, которые совершали во времена Страбона осевшие в Каппадокии маги, во всех деталях напоминают авестийское богослужение. Это те же монотонно произносимые моления с пучками прутьев (*барсман*) в руках перед жертвенным огнем, те же возлияния молока, масла и меда, те же предосторожности, принимаемые для того, чтобы дыхание служителя не осквернило божественное пламя.[\[54\]](#) Надпись Антиоха из Коммагены в предписываемом ею уложении отражает не меньшее усердие этого правителя в сохранении верности древним иранским обычаям. Царь увенчивает себя славой, преданно поклоняясь богам своих предков согласно древним традициям персов и греков; он желает, чтобы служители в новом храме носили те же персидские жреческие облачения, и чтобы они совершали богослужение в точном соответствии с древним священным обычаем. Шестнадцатый день каждого месяца, празднуемый исключительно образом, является не только днем рождения царя, но и днем, который во все времена был особо посвящен Митре. Значительно позже другой коммагенец, Лукиан из Самосаты, очевидно, взяв за образец те отправления культа, с которыми был знаком у себя на родине, высмеивает в одном пассаже многократные очистительные обряды, нескончаемые песнопения и длинное одеяние служителей зороастрийской секты.[\[55\]](#) В другом месте он упрекает их в том, что они не знают греческого и бормочут нечто на совершенно непонятном жаргоне.[\[56\]](#)

Консерваторский дух каппадокийских магов, заставлявший их придерживаться исконных обычаев, передаваемых из поколения в поколение, не сошел на нет и после победы христианства, и Василий Великий[\[57\]](#) все еще отмечает в конце IV в. его неизбывное упорство. Даже в Италии иранские мистерии, безусловно, всегда сохраняли значительную часть тех религиозных форм, которые маздеизм с незапамятных времен приобрел в Малой Азии.[\[58\]](#) Основное новшество состояло в замене персидского или арамейского языков, как языков богослужения, на греческий и позднее, возможно, на латынь. Такая реформа подразумевает наличие священных книг, и вполне вероятно, что, начиная с эпохи Александра, молитвы и гимны, передававшиеся изначально в устной форме, стали записываться магами, опасавшимися утраты памяти о них.[\[59\]](#) Однако, эта необходимая в новых условиях мера не помешала митраизму до самого конца сохранять по существу своему персидский церемониал.

Греческое название «мистерии», которое авторы применяют этой религиозной практике, ни в коей мере не должно вводить в заблуждение. В тайных обществах, создаваемых ее адептами, не было никакого намека на подражание эллинистическим культам, и ее эзотерическое учение открывалось лишь в процессе последовательных посвящений. Даже в Персии маги составляли замкнутую касту, которая, по-видимому, внутри подразделялась на несколько иерархических классов[\[60\]](#). Те маги-переселенцы, которые обосновались в иноземной среде с чужим языком и чуждыми им нравами, еще более ревностно скрывали от непосвященных унаследованную ими веру. Знание тайных ритуалов порождало в них самих ощущение собственного морального превосходства и служило подтверждением их особо престижного положения в среде окружающего их невежественного населения. Возможно, право на принадлежность к маздеистскому жреческому сословию в Малой Азии, так же, как и в Персии, первоначально являлось привилегией одного из племен и передавалось от отца к сыну. Позднее это сословие согласилось открыть свои тайные догматы и чужакам, прошедшим обряд посвящения, и таких прозелитов постепенно допускали к различным церемониям культа. Иранская *диаспора* в этом отношении, как и во многих других, сопоставима с общиной евреев. Такая практика привела вскоре к образованию ряда категорий неофитов, стоящих на разных ступенях посвящения, и в конце концов сложилась определенная иерархия. Однако, полное посвящение во все священ-

ные догматы и таинства всегда было достижимо лишь для немногих избранных, и это мистическое знание представлялось тем более ценным, чем более оно сохраняло свой закрытый характер[61].

Все изначальные обряды, характерные для митраистского культа у римлян, без сомнения, восходят к азиатским корням: переодевание в животных, практикуемое в некоторых церемониях, является пережитком когда-то весьма распространенного доисторического обычая, который полностью не исчез и в наши дни; обычай посвящать богу пещеры в горах, безусловно, представляет собой наследие тех времен, когда еще не умели строить храмы; жестокие испытания, которым подвергались посвящаемые, напоминают те кровавые увечья, которые наносили себе и друг другу служители Ма и Кибелы. Также и легенды, героем которых выступает Митра, могли сложиться лишь в скотоводческую эпоху. Эти древнейшие традиции, отражающие еще первобытную и грубую цивилизацию, продолжали существовать в мистериях наряду с тонко разработанной теологией и высокоразвитой моралью.[62]

Анализ элементов, составляющих митраизм, подобно геологическому срезу почвы, демонстрирует многослойность этого массива, сложенного из налегающих друг на друга пластов. Основанием этой религии, ее нижним, первоначальным слоем, служит вера древнего Ирана, в которой она берет свое начало. Поверх этого маздеистского основания в Вавилонии наложился толстый осадок семитских учений, затем к нему добавилось несколько аллювиальных слоев местных верований Малой Азии. Наконец, на этой плодородной почве произросла пышная растительность эллинистических идей, отчасти скрывшая от нашего испытующего взора свое истинное начало.

Этот составной культ, в котором слилось воедино столько разнородных элементов, адекватно отражает ту многослойную цивилизацию, которая в эпоху Александра процветала в Армении, в Коммагене, Каппадокии и в Понте[63]. Если бы Митридат Эвпатор смог воплотить свои честолюбивые мечты, этот эллинизированный парсизм без сомнения стал бы государственной религией огромной азиатской империи. Но ему была уготована иная доля по причине поражения этого великого противника Рима. Остатки понтийской армии и флота, гонимые войной беглецы и беженцы со всего Востока распространили иранские мистерии среди морских разбойников, возраставших в своей мощи под укрытием гор Киликии. Митра прочно обосновался в этом краю, и Тарс еще поклонялся ему даже в конце эпохи империи. (Рис.2)[64](Рис. 2. Таврохтонный Митра. Медальон из Тарса). Поддерживаемая своей воинственной религией, эта республика авантюристов осмелилась оспаривать у римского колосса право на господство над морями. Разумеется, она сочла себя народом-избранником, призванным добиться торжества культа непобедимого бога. Воодушевленные его покровительством, дерзкие моряки беспощадно разграбляли самые почитаемые святилища Греции и Италии, и латинский мир впервые услышал тогда имя варварского бога, который должен был вскоре принять от него дань поклонения.

ГЛАВА II. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МИТРАИЗМА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В целом можно сказать, что Митра никогда так и не был принят в орбиту эллинского мира. Древние греческие авторы упоминают о нем лишь как об иноземном боге, которому поклоняются цари Персии. Даже во времена Александра он так и не сошел с малоазиатской возвышенности к побережью Ионии. Во всех областях, омываемых Эгейским морем, лишь поздняя посвятельная надпись из Пирея и, возможно, надпись из Афин[2] напоминают о его существовании, и напрасным трудом было бы отыскивать его имя среди имен многочисленных экзотических божеств, почитавшихся на Делосе во II в. до н. э. Вторгшись в латинский мир, он своего рода рикошетом попал в Архипелаг: преторианцы воздвигли грот на острове Андрос в честь Септимия Севера и его сыновей[3]. При власти Империи также обнаруживаются святилища Митры, установленные в некоторых портах на побережьях Финикии и Египта, близ Арада, в Сидоне, в Александрии[4]; но эти отдельные памятники лишь заранее указывают на отсутствие всяких следов мистерий Митры во внутренних областях страны. Недавнее открытие храма Митры в Мемфисе[5] представляется исключением, подтверждающим правило, по-

скольку сей маздеистский бог, вероятно, проник в этот античный город только при римлянах. До той поры он не упоминается здесь ни в одной египетской или сирийской надписи, и ничто не подтвердило еще того, что ему возводились жертвенники даже в столице Селевкидов. В этих полу-восточных империях мощная организация местного духовенства и пылкая приверженность населения своим национальным идолам и культам, по-видимому, задержала дальнейшее продвижение сюда этого чужака и парализовала его влияние.

Одна характерная деталь показывает, что иранский *язат* так никогда и не завоевал популярности в эллинских или эллинизированных областях. Греческая ономастика, дающая нам целый ряд теонимов, отражающих популярность здесь фригийских и египетских божеств, не может противопоставить этим Менофилам и Метродотам, Исидорам и Серапионам ни одного *Митриона*, *Митроклеа*, *Митродора* или *Митрофила*. Все производные от Митры имена имеют морфологию варварских языков.^[6] В то время, как фракийская Бендида, анатолийская Кибела, александрийский Серапис и даже сирийский Баал были один за другим благосклонно приняты в греческих городах, последние не выказали никакого гостеприимства в отношении бога-охранителя своих старых врагов.

То, что Митра всегда пребывал вдали от крупных центров античной цивилизации, объясняет и его запоздалое пришествие на Запад. В Риме с 204 г. до н. э. отправлялся официальный культ Великой Матери богов из Пессинунта; Исида и Серапис появились здесь в I в. до н. э., хотя уже задолго до этого они собрали вокруг себя целую массу почитателей в Италии. Храм карфагенской Астарты существовал в столице с конца пунических войн, каппадокийской Беллоны — с эпохи диктатуры Суллы, «Сирийской богини» из Гиерополя — с начала эпохи империи^[7], в то время как персидские мистерии были здесь еще совершенно не известны. Хотя упомянутые боги являлись кумирами всего лишь одного народа, либо одного города, тогда как владения Митры простирались от Инда до Понта Эвксинского.

Но эти владения даже в эпоху Августа почти полностью находились еще за пределами империи. Центральная возвышенность Малой Азии, долго не поддававшаяся эллинизации, еще более чуждалась римской культуры. Этот край степей, лесов и пастбищ, рассеченный крутыми склонами впадин, с более суровым, чем в Германии, климатом, не привлекал к себе жителей побережья Средиземного моря, и местные династии, удержавшиеся еще у власти при первых цезарях, несмотря на свое ограниченное положение вассалов, сохраняли свою исконную замкнутость. На самом деле, Киликия стала римской провинцией с 102 г. до н. э., но империя в ту эпоху заняла лишь несколько пунктов на побережье, и завоевание этой области было завершено только около двух столетий спустя. Каппадокия была присоединена уже при Тиберии, западная часть Понта — при Нероне, Коммагена и Малая Армения — окончательно при Веспасиане.^[8] Лишь тогда установились постоянные и непосредственные связи этих удаленных областей с Западом. Решение задач администрирования и обороны, замена управителей и чиновников, смена прокураторов и лиц, ведающих сбором налогов, набор рекрутов в войска пехоты и конницы, размещение вдоль проходившей по Евфрату границы трех легионов, — все это вызывало постоянные перемещения людей, обмен продуктами и взаимное распространение идей между этими до сих пор изолированными горными районами и европейскими провинциями. Затем настали времена великих походов Траяна, Луция Вера и Септимия Севера, подчинение Месопотамии и учреждение в Осроене и вплоть до Ниневии многочисленных колоний, которые словно звенья цепи соединили Иран со Средиземноморьем. Эти последовательные завоевания цезарей послужили первой причиной распространения религии митраизма в латинском мире. Она начала проникать сюда в правление Флавиев и развила свой успех при Антонинах и Северах, также, как и другой культ, практиковавшийся наряду с ней в Коммагене — культ Юпитера Долихена, который одновременно с нею обошел империю.^[9]

Согласно Плутарху^[10], Италия, в действительности, гораздо раньше познакомилась с Митрой. Римляне были посвящены в его мистерии киликийскими пиратами, над которыми Помпей одержал победу в 67 г. до н. э. В этих сведениях нет ничего неправдоподобного: мы знаем, что еврейская община, расположившаяся за Тибром, в значительной мере состояла из потомков тех пленных, которых тот же самый Помпей привел после взятия Иерусалима (63 г. до н. э.).^[11] В силу таких особых обстоятельств, следовательно, вполне возможно, что с конца периода республики персидский бог обрел нескольких почитателей в среде смешанного пле-

бейского населения столицы. Однако, потерянная в толпе своих собратьев, отправлявших иноземные культы, маленькая группа его адептов не привлекала внимания. *Язат* разделил участь презрения, с которым относились к поклонявшимся ему азиатам. Влияние членов его секты на население в целом было почти столь же ничтожным, как влияние буддистских обществ в современной Европе.

Лишь в конце I в. н. э. Митра постепенно заговорить о себе в Риме. Когда Стаций писал первую песнь «Фиваиды», около 80-х годов н. э., ему уже были знакомы типичные изображения таврохтонного героя [12], он, также, опирался на свидетельство Плутарха, писавшего о том, что в его время (46-125 гг. н. э.) маздеистская секта пользовалась некоторой известностью на Западе. [13] Этот вывод подтверждается эпиграфическими документами. Наиболее ранняя надпись, посвященная Митре, которой мы располагаем, — это двуязычная надпись одного вольноотпущенника Флавиев (69-96 гг. н. э.). [14] Вскоре затем один из рабов Тиберия Клавдия Ливиана, бывшего префектом претория при Траяне, в 102 г. посвятил Митре мраморную скульптурную группу (Рис. 3) [15] (Рис. 3. Таврохтонный Митра. Мраморная группа из Британского музея). Примерно в то же время непобедимый бог проник в Центральную Италию: в Нерсах (Nersae) в стране эквов обнаружен текст, датированный 172 годом, в котором говорится о святилище Митры, «рухнувшем от ветхости». [16] Появление этого вторженца на севере империи произошло почти в то же самое время. Нет никакого сомнения в том, что в начале правления Веспасиана XV-й легион принес мистерии в Карнунт на Дунае, и мы можем констатировать, что к 148 г. они получили распространение среди войск в Германии. [17] При Антонинах, особенно со времен правления Коммода, во всех областях множатся свидетельства их присутствия. В конце II в. их справляли в Остии по меньшей мере в четырех храмах. [18]

Мы не беремся перечислить все города, в которых водворился этот азиатский культ, и выяснить все причины, которые в каждом случае способствовали его введению. Несмотря на обилие эпиграфических текстов и скульптурных памятников, они лишь скудно проливают свет на локальную историю митраизма. Нам невозможно проследить ход его распространения, выделить влияние различных соперничающих с ним церквей, произвести наблюдение за тем, как от одного города к другому, от провинции к провинции происходило обращение его адептов. Все, что мы можем — это в общих чертах указать, в каких районах распространилось новое верование, и кем, в основном, были проповедавшие его апостолы.

Главным источником его распространения была, безусловно, армия. Религия митраизма — это прежде всего религия солдат, и не случайно посвящаемым на одной из ступеней присваивалось имя «воинов». Такое действие армии могло бы показаться довольно трудно объяснимым, принимая во внимание, что при императорах легионы размещались в постоянных лагерях, и что по меньшей мере со времен Адриана каждый легион набирал рекрутов в той провинции, в которой располагался. Но существовала масса исключений из этого общего правила. Так, в Далмации и Мезии личный состав войск довольно долго и в значительном объеме формировался за счет выходцев из Азии, и то же самое в течение некоторого периода происходило в войсках в Африке. Более того, солдат, который лет двадцать прослужил в родной провинции и был произведен в центурионы, обычно переводился на чужбину, и по мере того, как он продвигался в званиях на этом поприще, его зачастую переводили в новый гарнизон, — с тем, чтобы состав центурионов всякого легиона представлял собой «нечто наподобие микрокосма империи». [19] Именно в этом коренился мощный фактор влияния, так как уже само положение этих офицеров низшего ранга обеспечивало им значительный моральный авторитет среди новобранцев, которых они были поставлены обучать. Помимо такой индивидуальной пропаганды, ход которой мы почти не способны проследить, временные или окончательные переводы подразделений или даже целых воинских частей в крепости или лагеря, зачастую, весьма отдаленные, способствовали сближению и смешению людей всех национальностей и всех вероисповедований. Наконец, повсюду наряду с легионерами можно видеть римских граждан, принадлежавших к равным, если не большим по численности иноземным вспомогательным войскам, которые, в отличие от первых, не обладали привилегией проходить службу на родине. Напротив, во избежание мятежей, этих чужеземцев стремились отослать подальше от их родных краев. Так, в правление Флавиев туземные алы и когорты составляли минимальную часть вспомогательных войск, охранявших границы на Рейне и Дунае. [20]

Среди тех, кого призывали на службу извне, взамен отсылаемых национальных рекрутов, немалый контингент составляли выходцы из Азии и, возможно, никакая другая сравнимая по территории провинция Востока не поставила в Рим больше рекрутов, чем Коммагена, в которой митраизм уже пустил глубокие корни. Помимо набора в конницу и легионы, из этой области, вероятно, с самого времени ее присоединения к империи, набирали по меньшей мере шесть крылатых когорт. Немало было также солдат-выходцев из Каппадокии, из Понта и Киликии, не говоря уже о сирийцах всех племен, и цезари, ничтоже сумняшеся, вербовали свои летучие эскадры даже из парфянской конницы, боевые качества которой им довелось испытать на себе.[\[21\]](#)

Римский солдат обычно был набожен и даже суеверен. Опасности, с которыми всегда была связана его профессия, побуждали его бесконечно взывать к защите небес, и неисчислимое количество посвященных надписей несут в себе свидетельства не только пылкости его веры, но и разнообразия исповедуемых им вероучений. В особенности выходцы с Востока, на двадцать лет и более отправляемые в страну, где все для них было чужим, благочестиво сохраняли память о своих национальных богах. При всякой возможности они непременно собирались, чтобы совершить им поклонение. Они испытывали потребность умиловить этого Господа (*Ba'al*), страшиться гнева которого они научились еще детьми. К тому же, это представляло для них случай встретиться и среди унылой северной непогоды вспомнить о своей далекой родине. Однако, они не ограничивали свой круг только своими собратьями; они охотно принимали в свою среду товарищей по оружию любого происхождения, — тех, чьи запросы не удовлетворяла официальная религия армии, и кто надеялся обрести у этого богачужестранца более действенную помощь в сраженьях, либо, если они погибнут, — более счастливую долю в иной жизни. Затем эти неопиты, которых по служебной надобности или по причине войны переводили в другие гарнизоны, из новообращенных сами превращались в проповедников и образовывали вокруг себя новое ядро прозелитов. Именно так мистерии Митры, принесенные в Европу рекрутами-полуварварами из Каппадокии и Коммагены, весьма быстро распространились здесь до самых пределов античного мира.

На всем протяжении древней границы римской империи, от Черного моря до гор Шотландии и до песков Сахары, в изобилии встречаются митраистские памятники. По мере того, как археологические изыскания продвигаются дальше вглубь внутренней Мёзии, в недавнем прошлом еще совершенно не исследованной, здесь все более заметны следы распространенности азиатского культа, — что вовсе не удивительно, поскольку мы знаем, что недостающий состав восточных контингентов восполняли за счет рекрутов, поставляемых из этой провинции. Легионеры практиковали персидские религиозные культы, помимо порта Тома, — в Эгизе (*Aegysus*), в Тресмисе (*Troësmis*), в Дуросторуме (*Durostorum*), в Присте, в Новах, в Утуме (*Utum*) и в Еске (*Oescus*) на берегах Дуная, также как и в "Трояновом трофее", который недавно сделало знаменитым открытие памятника из Адамкисси. Во внутренней части страны они проникли в Монтану и Никополь, заселенный Траяном выходцами с Востока, и в более мелкие поселения этого района. Безусловно, именно из этих северных городов митраизм, преодолев Балканы, перешел на север Фракии, в частности, распространился вокруг Сердики (Софии) и Панталии (Кюстендила) до окрестностей Бессапары и Филиппополя в долине реки Гебр, великого соединительного пути между Азией и Европой. С другой стороны, поднявшись вверх по течению Дуная, он вступил в пределы таких пунктов, как Альм (*Almum*), Ратиария (*Ratiaria*), Аквы и Виминакий (*Viminacium*), столицы верхней Мёзии, где один из ветеранов отстроил заново посвященный Митре храм.[\[22\]](#) Однако, мы не способны определить, какого распространения он достиг в этих еще мало изученных краях.[\[23\]](#) Военная флотилия, курсировавшая по великой реке, была набрана из числа peregrini и даже возглавлялась ими, и она, разумеется, занесла экзотическую религию во все порты, в которые заходила[\[24\]](#), так же, как с неменьшим успехом делали это солдаты в фортах, охранявших проход в эту реку.

Мы лучше осведомлены об обстоятельствах его проникновения в Дакию. Когда Траян присоединил это варварское царство к империи, этот край, истощенный шестью годами упорной борьбы, представлял собой лишь пустыню. Для заселения его император, как повествует нам Евтропий[\[25\]](#), массово отправлял туда колонистов "со всего римского мира". Во втором веке население этой области было еще более смешанным, чем в наши дни, когда она является

предметом столкновения и споров всех народов Европы.^[26] Помимо остатков древнего населения даков, здесь можно одновременно обнаружить иллирийцев, паннонцев, галатов, карийцев и выходцев из Азии, уроженцев Эдессы и Пальмиры и представителей других народов, каждый из которых начинал отправлять свой родной культ. Но ни один из этих культов не достиг тут такого процветания, как мистерии Митры, и можно лишь удивляться тому необычному развитию, которое они получили за сто шестьдесят три года римского владычества в этом регионе (с 107 до 270 гг. н. э.). Они процветали не только в столице провинции Сармизгетузе и в городах, выросших рядом с военными лагерями, таких, как Потаисса (Potaissa) и в особенности Апулум (Apulum), но и на всей захваченной территории. В то время как в Дакии, насколько нам известно, не отмечено ни малейших следов христианской общины, в местностях от крепости Сзамос-Уджвар (Szamos-Ujvar) на северной границе до Ромулы в Валахии была обнаружена масса надписей, скульптурных изображений и уцелевших от разрушения жертвенников из святилищ Митры. Эти останки в наибольшем количестве встречаются в центре страны, вдоль великого пути, проходившего по долине Мароша, главной артерии, через которую римская цивилизация получала доступ в окрестные горы. В одной лишь колонии Апулуме (Apulum) насчитывалось, определенно, четыре храма персидского бога, а в недавно раскопанном гроте в Сармизгетузе содержались еще и фрагменты порядка пятидесяти барельефов или других (посвятительных изображений), которые посвящали ему благочестивые почитатели.^[27]

Подобным же образом, в Паннонии иранская религия утвердилась в хорошо укрепленных городах, расположенных вдоль Дуная, — Риттиуме (Rittium), Кусуме (Cusum), Интерцисе (Intercisa), Аквинке (Aquincum), Бригетии (Brigetio), Карнунте, Виндобоне (Vindobona)^[28] и даже в поселениях во внутренних частях страны.^[29] Особенную силу она приобрела в главных городах этой двойной провинции — в Аквинке и Карнунте, и причины ее возвышения в том и в другом городе довольно легко установить. Первый из них, в котором в III в. мистерии справлялись, по меньшей мере, в пяти храмах, расположенных по всей занимаемой им площади^[30], являлся главной ставкой второго Вспомогательного легиона, сформированного в 70 г. Веспасианом из моряков равеннской флотилии. Среди этих вольноотпущенников, обращенных в кадровых военных, значительную долю составляли выходцы из Азии^[31], и, возможно, уже с самого начала в этом нерегулярном легионе насчитывалось немало адептов митраизма. Когда этот легион около 120 г. до н. э. был размещен Адрианом во внутренней Паннонии, он, несомненно, принес туда с собою восточный культ, которому сохранял верность, по-видимому, до самого конца своего существования. Первый Вспомогательный легион, имевший подобную же историю создания^[32], вероятно, точно так же заронил плодоносные семена этого культа в Бригетии, когда его лагерь был переведен туда при Траяне.

С еще большей точностью мы можем установить, как персидский бог попал в Карнунт: в 71 или 72 годах н. э. Веспасиан вновь разместил в этой важной стратегической позиции 15-й Аполлонов легион, который в течение восьми или девяти лет до этого вел сражения на Востоке. Посланный в 63 г. на Евфрат для усиления армии, с которой Корбулон шел против парфян, этот легион с 68 по 70 гг. принимал участие в подавлении восстания евреев и затем сопровождал Тита в Александрию. Потери в личном составе, которые он нес в ходе этих кровавых войн, безусловно, восполнялись из числа рекрутов, набираемых в Азии. Именно эти новобранцы, бывшие, вероятно, по большей части выходцами из Каппадокии, отправленные вместе с прежним контингентом на Дунай, в первую очередь принесли там жертвы иранскому богу, до тех пор еще неизвестному в северной части Альп. В Карнунте была найдена посвяtitельная надпись Митре, оставленная одним солдатом Аполлонова легиона носившим характерное имя Барбарус.^[33] Первые почитатели этого Непобедимого Солнца посвятили ему на берегу реки полукруглый грот, который в третьем веке был, вероятно, восстановлен из обломков одним римским воином, и весьма раннее происхождение которого очевидно из его совершенно особого расположения.^[34] К тому времени, как, примерно, через сорок лет после перевода пятнадцатого легиона на Запад, Траян вновь отослал его на Евфрат, персидский культ уже успел пустить в столице верхней Паннонии глубокие корни. Не только четырнадцатый Сдвоенный Марсов легион, заменивший в этом месте легион, отправленный в Азию, но и десятый и тринадцатый Сдвоенные легионы, некоторые подразделения которых были, по-видимому, присо-

единены к первому, оказались подвержены чарам мистерий Митры и имели в своих рядах посвященных. Вскоре одного храма уже было недостаточно, и Митре отстроили второй, который, что весьма знаменательно, прилегал к храму Юпитера из Коммагены.[\[35\]](#) По мере разрастания муниципия, образовавшегося рядом с военным лагерем, увеличивалось и число принявших обращение в митраизм, и здесь, вероятно, к концу II в. был возведен третий храм, по размерам превосходящий все аналогичные строения, обнаруженные до сих пор.[\[36\]](#) (Рис. 4) (Рис. 4. Восстановленный вид большого святилища Митры, найденного в Карнунте). Правда, он был надстроен Диоклетианом и его соправителями, с которыми тот разделил свою власть, когда в 307 г. они собрались держать совет в Карнунте.[\[37\]](#) Таким образом они хотели публично засвидетельствовать свое благоговение перед Митрой в этом священном городе, в котором находились, вероятно, самые древние на Севере святилища маздеистской секты.

Этот военно-стратегический пункт, наиболее важный во всем регионе, видимо, сделался, также, религиозным центром, из которого иноземный культ распространил свое влияние на все окрестные поселения. Стикс-Нёйзидль, в котором этот культ отправляли с середины II в.[\[38\]](#), являлся лишь зависимым от крупного города поселком. Но расположенный далее на юг храм в Скарбантии (Scarbantia) лишь в малой степени был обязан своим убранством декуриону колонии Карнунта.[\[39\]](#) На востоке, на территории Эквиноктия (Aequinoctium) известна посвятельная надпись на «заложенном в основание камне»[\[40\]](#), а еще дальше в Виндобоне (Вене) солдаты десятого легиона[\[41\]](#) научились справлять мистерии, без сомнения, у своих товарищей по оружию из соседнего лагеря. Даже в Африке обнаруживаются следы того влияния, которое этот крупный паннонский город оказал на развитие митраизма.[\[42\]](#)

В нескольких километрах от Вены, перейдя за границы Норика, мы находим поселок Коммагены, названием своим, по всей вероятности, обязанный тому, что в нем размещалась некая ала, состоящая из жителей Коммагены. Поэтому нет ничего удивительного в том, что здесь был обнаружен барельеф таврохтонного бога.[\[43\]](#) Тем не менее, в данной провинции, также, как и в Реции, армия, похоже не приняла столь же деятельного, как в Паннии, участия в распространении этой азиатской религии. На всю эту область, лишь в одной поздней надписи некоего разведчика из первого Норикского легиона[\[44\]](#) есть упоминание о солдате, и в целом в долине у верховьев Дуная, где главным образом были сконцентрированы войска, памятники, относящиеся к мистериям Митры, встречаются крайне редко. Количество их возрастает лишь по другую сторону Альп, и эпиграфические данные из этого региона не позволяют считать причастными к их появлению военных.

Напротив, в обеих Германиях митраизм обязан своим чрезвычайным распространением именно мощным армейским соединениям, защищавшим эту всегда находившуюся под угрозой территорию. Здесь найдена надпись, сделанная одним центурионом, примерно, в 148 н. э., посвященная Непобедимому Солнцу-Митре, и вполне вероятно, что в середине II века в римских гарнизонах здесь уже имелось значительное число обратившихся к почитанию этого бога. Все воинские части, казалось, были охвачены эпидемией: легионы восьмой Августов, двенадцатый Изначальный и тридцатый Ульпиев, вспомогательные когорты и алы, также, как элитные добровольческие войска граждан. Такой всеобщий характер распространения иноземного культа не позволяет определить, с какой стороны он проник в эту область. Тем не менее, можно признать, не опасаясь ошибиться, что, за исключением некоторых местностей, в которые он, скорее всего, был занесен непосредственно с Востока вспомогательными частями войск, этот культ пришел в Германию через посредство дунайских гарнизонов[\[45\]](#), и, если мы пожелаем до конца уточнить его источник, — можно сделать небезосновательное предположение о том, что восьмой легион, в 70 г. н. э. переведенный из Мёзии в верхнюю Германию, первым начал практиковать религиозный культ, который вскоре должен был стать здесь преобладающим.[\[46\]](#)

В действительности, именно Германия является тем местом, где открыто больше всего святилищ Митры; именно здесь найден барельеф самых больших размеров и с наиболее полными изображениями,[\[47\]](#) (Рис. 5) (Рис. 5. Большой барельеф из Геддернгейма. В центре таврохтонный Митра с группой, изображающей льва, кратер и змею (с. 117). Вверху знаки Зодиака. По углам — Митра, стреляющий из лука. Вверху — Митра, едущий на колеснице Солнца; колесница Луны. В четырех углах (медальоны) — бюсты Ветров; по бокам — бюсты четырех

Времен года, между ними сцены из мифов о Митре.) и, безусловно, ни один языческий бог не нашел здесь больше ревностных почитателей, чем Митра. Декуматские поля, выполнявшие роль военных границ империи[48], и в особенности передовые посты, располагавшиеся между Майном и пограничным земельным валом более всего изобилуют чрезвычайно интересными открытиями. На север от Франкфурта, около деревни Геддернгейм, в прошлом — древнее поселение обитателей Тавна, были раскопаны один за другим три значительных храма[49] (Рис. 6) (Рис. 6. Барельеф, найденный в Штокштадте. Митра, несущий быка.); три других находились во Фридберге в Гессене, еще один — в Висбадене (Аквы Маттиацэ), а в прилегающем районе в ходе археологических разработок Пограничного вала встречается все больше замков, близ которых располагалось, по меньшей мере, по одному святилищу, к которому гарнизон приходил совершить поклонение.[50] Известны святилища в Штокштадте (Рис. 6) и в Гросс-Кроценбурге на Майне, в Оберфлорштадте на Нидде, в Буцбахе, в Заальбурге и в Альтебург-Гефтрихе в горах Тавна[51]. Этот край в самом сердце Германии, — передовая цитадель Римского государства, — в действительности, также представлял собой оплот маздеизма. С другой стороны, по всему берегу Рейна, начиная от Аугста (Раурика) около Базеля до Ксантена (Ветера), через Страсбург, Майнц, Нейвид, Бонн, Кёльн и Дормаген[52], встречается целая серия памятников, указывающих на то, как эта новая религия, постепенно распространяясь, словно эпидемия охватила даже варварские племена убиев и батавов.

Влияние митраизма среди войск, скопившихся на рейнской границе, сопоставимо и с его распространением во внутренних районах Галлии. Один солдат восьмого легиона посвятил жертвенник Непобедимому Богу в Женеве[53], которая находилась на военном пути, соединявшем Германию со Средиземноморьем, обнаруживаются и другие следы восточного культа в нынешней Швейцарии и во французской Юре. В Саарбурге (Мост Саравы), в конце прохода в Вогезах, через который Страсбург сообщался и сообщается до сих пор с жителями бассейнов Мозеля и Сены, не так давно был раскопан грот, относящийся к III веку.[54] Другой грот, главный барельеф которого, вырезанный в живой скале, сохранился до наших дней, находится в Шварцердене, между Мецем и Майнцем.[55] Можно было бы лишь удивляться тому, что в таком крупном городе, как Трир, сохранилось лишь несколько остатков надписей и статуй[56], если бы то значение, которое приобрел этот город при преемниках Константина, не объяснило бы нам причины почти полного исчезновения отсюда языческих памятников. Наконец, в долине р. Маас, недалеко от дороги, соединяющей Кёльн и Баве (Багак), были обнаружены любопытные следы мистерий.

Из Баве эта дорога вела не запад в Булонь (Гезориак), порт приписки Британского флота. Две, очевидно, высеченные на месте, статуи факелоносцев, которые были найдены там[57], безусловно, являлись подношением Митре, сделанным какими-нибудь иноземцами-моряками или офицерами флота. Этот важный морской пункт, скорее всего, поддерживал постоянную связь с расположенным напротив большим островом и в особенности с Лондоном, который, начиная с этого времени, стало посещать множество торговцев. Существование святилища Митры в главном торговом и военном пакгаузе Бретани не должно нас удивлять (Рис. 7)[58]. (Рис. 7. Барельеф, найденный в Лондоне (пам. 267). В центре группа: таврохтонный Митра с факелоносцами, окруженные двенадцатью знаками Зодиака; в нижних углах — бюсты Ветров; в верхних углах — Солнце на своей квадриге и Луна, правящая упряжкой быков. Надпись читается как: "Ульпий Сильван, второго Августова легиона, вышедший на заслуженный отдых в Аравсионе, исполнил обет" (то есть, вышедший в отставку в Оранже). В целом, ни в какой другой области иранский культ не сохранялся столь определенно, как здесь, в районе, окруженном форпостами. Помимо Йорка[59] (Эбурак), где размещалась главная ставка войск этой провинции, он распространился лишь на запад, в район современного Уэльса, в Карлеон (Иска) и в Честер (Дэва)[60], где располагались лагеря войск, сдерживавших племена силуров и ордовичей, и далее — до самой северной границы своего влияния — вдоль вала Адриана, защищавшего территорию империи от вторжений пиктов и каледонцев. Во всех «пунктах» этой насыпи, по-видимому, имелся собственный митраистский храм, в котором местный коммендант (префект) демонстрировал своим подчиненным пример богопочитания.[61] Таким образом, очевидно, что азиатский бог, вслед за войсками, продвинулся даже в эти северные районы, но мы не способны определить ни то, в какой момент это произошло, ни вместе с какими частями он

проник туда. Тем не менее, мы имеем основание полагать, что ему поклонялись здесь с середины II в., и что Германия послужила в этом деле посредницей между далеким Востоком и Британцами, во всей стране раздробленными постоянно между собой.

На другом конце римского мира эти мистерии также справлялись солдатами. Имелись их приверженцы в III легионе, лагерь которого помещался в Ламбезе, и на военных постах, охранявших ущелья Ауреса (Aures) или расставленных на границе Сахары.^[62] Однако, на юге Средиземноморья они, по-видимому, не приобрели такой же популярности, как в провинциях Севера, и распространение их приняло здесь особый характер. Относящиеся к мистериям памятники, в основном, довольно поздние, обязаны своим появлением здесь в большей степени офицерам или, по крайней мере, центурионам, многие из которых были выходцами из иных земель, нежели простым солдатам, состав которых почти полностью набирался в тех областях, которые они должны были защищать. Легионеры Нумидии сохранили свою приверженность местным, пуническим или берберским богам, и лишь в редких случаях принимали верования своих товарищей по оружию, с которыми их сводило общее воинское ремесло. Таким образом, в Африке персидский культ практиковали, главным образом, по-видимому, те, кого воинская служба призывала сюда извне, и сообщества верных в большинстве своем состояли если не из выходцев из Азии, то, по крайней мере, из рекрутов, прибывших из дунайских провинций.

Наконец, в Испании, в которой, по сравнению со всеми странами Запада, памятники митраизма представлены наиболее скудно, связь их с размещенными там гарнизонами не менее очевидна. На всем пространстве этого огромного полуострова, на котором скопилось масса многонаселенных городов, они почти отсутствуют даже в наиболее значительных городских центрах. Эти памятники с трудом находятся лишь в столицах Лузитании и Таррагоны — Эмерите и Тарраконе.^[63] Но в диких долинах Астурии и Галисии был учрежден культ иранского бога.^[64] Можно было бы непосредственно связать этот факт с продолжительным пребыванием в этой долгое время непокорной области восьмого легиона Сдвоенного. Возможно, в сообщества посвященных входили, также, ветераны из испанских когорт, которые в качестве вспомогательных частей войск несли службу на Рейне и Дунае, и вернулись к своим очагам принявшими маздеизм.

В действительности, армия внесла свой вклад в распространение восточных культов не только за счет того, что соединяла в своих рядах бок о бок людей, — граждан или чужестранцев, — всего римского мира, сообразно требованиям момента без конца перемещала офицеров, центурионов и даже корпуса из одной провинции в другую и устанавливала, таким образом, на всех границах сеть постоянных сообщений. Выйдя в отставку, солдаты продолжали по возвращении домой исполнять ту обрядовую практику, которая стала для них привычной в армии, что приводило вскоре к появлению вокруг них подражателей. Часто бывало, что они поселялись недалеко от своего последнего гарнизона, в тех муниципиях, которые постепенно заменили собой располагавшиеся вблизи лагерей лавки маркитантов. Нередко они, также, избирали своим местом жительства какой-нибудь крупный город в той области, где несли службу, чтобы провести остаток своих дней в обществе старых собратьев по оружию: Лион всегда насчитывал в своих пределах значительное число таких старых легионеров из Германии.^[65] и автором единственной надписи-посвящения Митре, которая обнаружена в Лондоне, является некий отслуживший срок воин из войск Бретани. Случалось, также, что император отправлял таких освободившихся от службы солдат в те или иные назначенные для них территории для создания там колонии: Элуза в Аквитании, вероятно, узнала эту азиатскую религию благодаря ветеранам с Рейна, которых поселил здесь Септимий Север.^[66] Часто рекруты, которых военное командование отправляло на самые дальние границы империи, сохраняли в душе любовь к родной земле, с которой они не прекращали поддерживать связи; но когда, освободившись от службы после двадцати или двадцати пяти лет дежурств на посту и сражений, они возвращались к себе на родину, к богам своего города или своего племени, они все равно предпочитали им иноземного покровителя, почитать которого в тайных обрядах научил их вдали от дома какой-нибудь товарищ по палатке.

Тем не менее, распространение митраизма в городах и пригородах невоинственных провинций, главным образом, происходило за счет действия иных факторов, нежели благодаря влиянию армии. Опираясь на свои последовательные победы в Азии, Рим подчинил своей вла-

сти многочисленные семитские народы. С того времени, как образование империи обеспечило в ней мир и сделало безопасной торговлю, эти новые ее подданные, благодаря специфическим способностям, присущим их расе, мало помалу сконцентрировали в своих руках всю торговлю на Ближнем Востоке. Как прежде — финикийцы и карфагеняне, сирийцы заселили тогда своими колониями все средиземноморские порты.[\[67\]](#) В эпоху эллинизма они в значительном количестве обосновались в торговых центрах Греции, в частности, на Делосе. Часть этих торговцев хлынула теперь в окрестности Рима, в Путеолы и Остию. Они затевали свои дела, по видимому, во всех приморских городах Запада. Их можно обнаружить в Италии, в Равенне, в Аквилее, в Тергесте, в Салонах, в Далмации и даже в Малаге в Испании. Торговый интерес привлекал их даже глубоко во внутренние области, во все те места, где они могли рассчитывать реализовать какую-либо выгоду. По дунайской низменности они добрались даже до Сирмия в Паннонии. Особенно густо эти выходцы с Востока заселяли Галлию; через Жиронду они переправились в Бордо и поднялись вверх по Роне до Лиона. Освоившись на берегах этой реки, они заполнили оттуда весь центр провинции, и особенно массово притекали в великую северную столицу — Трир. Они в самом деле наводнили собой весь римский мир. Набеги варваров не способны были умерить их предпринимательский пыл. При Меровингах они еще говорили на своем семитском наречии в Орлеане. Лишь когда сарацины полностью нарушили навигацию в Средиземном море, это смогло остановить их наплыв.

Сирийцы во все времена выделялись своим ревностным усердием в богопочитании. Никакой иной народ, даже египтяне, с таким неистовым пылом не защищали от христиан своих идолов. Когда они основывали колонию, их первая забота состояла в том, чтобы организовать отправление своих национальных культов, и мать-родина иногда даже снабжала их денежными субсидиями, чтобы помочь им исполнить этот долг. Именно так божества Бейрута, Гелиополя и даже Дамаска проникли, в первую очередь, в Италию.[\[68\]](#)

Слово Сириец в общем употреблении имело весьма расплывчатое значение. Это слово, как сокращенная форма от Ассириец, очень часто смешивалось с последним и служило для обозначения в целом всех семитских народностей, подчиненных в древности царям Ниневии и проживавших на территориях вплоть до Евфрата и даже далее.[\[69\]](#) Таким образом, к ним причислялись и члены секты Митры, расселившиеся в долине этой реки, и по мере того, как Рим победоносно продвигался в этом направлении, последних становилось все больше среди «сирийцев», населявших латинские города.

В то же время, торговцы, основывавшие свои торговые дела на Западе, в большинстве своем были служителями семитских Ваалов, а тех, кто поклонялся Митре, представляли, главным образом, азиаты, пребывавшие в более скромном положении. Первые храмы, которые были построены в честь этого бога на западе империи, безусловно, посещали в основном рабы. В Восточных провинциях работоторговцы охотнее всего наживались на торговле людьми. Они приводили в Рим из глубин Малой Азии караваны зависимых крестьян, проданных им крупными землевладельцами Каппадокии и Понта, и это привозное население в конце концов, по выражению одного древнего автора, образовало своего рода отдельные города в столице.[\[70\]](#) Но эта торговля не удовлетворяла растущего спроса в опустевшей Италии. Помимо торговцев, крупным поставщиком невольников была война. Когда мы видим, что Тит за одну свою кампанию в Иудее обратил в рабство девяносто семь тысяч евреев[\[71\]](#), наше пораженное воображение рисует нам толпы невольников, которых поставляли на рынки Запада нескончаемые войны с парфянами и, в частности, завоевания Траяна. Поселения их обнаруживаются в целом ряде портов Средиземного моря. Выше мы уже отмечали их присутствие в Сидоне в Финикии и в Александрии в Египте. Что касается Италии, то даже если в Путеолах и его окрестностях, включая Неаполь,[\[72\]](#) встречается сравнительно мало памятников, представляющих собой следы мистерий, это объясняется лишь тем, что во II в. этот город перестал исполнять роль великой кладовой, в которой Рим запаса́л для себя продовольствие, ввозимое с Ближнего Востока. Тирская колония в Путеолах, доселе мощная и богатая, в 172 г. уже жалуется на то, что численность проживающих в ней сократилась до совсем небольшого количества горожан.[\[73\]](#) После огромных работ, произведенных Клавдием и Траяном в Остии, этот город унаследовал долю от процветания своего кампанийского соперника. Все азиатские религии также вскоре уже обзавелись в нем каждая своим святилищем и сообществом своих собратьев

по вере, но ни одна из них на была принята там с такой очевидной благосклонностью, как религия иранского бога. Начиная со II в., здесь располагались четыре или пять посвященных ему гвота; один из них, построенный, самое позднее, в 162 г. и сообщавшийся с термами Антонина, находился прямо в том месте, где причаливали приходившие из-за моря корабли (Рис. 8)[74] (Рис.8. План святилища Митры, открытого в Остии. ВВ, боковые скамьи, — С, входные ворота — D, Выход, ведущий в термы Антонина — E, Хоры на возвышении, украшенном священными изображениями — F, Лестница — G, Боковое помещение — НН, Ниши для статуй — М, Несущие стены — Пол вымощен мозаикой с надписью: "Луций Агрий сделал подношение Непобедимому Солнцу Митре, а другой прилегал к метроон, святилищу, в котором отправляли официальный культ Великой Матери.[75] На юге небольшой городок Анций (Порто д Анцио) последовал примеру своего могучего соседа[76], и в Этрурии Руселлы (Гроссето) и Пиза[77] также оказали теплый прием маздеистскому божеству.

На востоке Италии по числу найденных митраистских надписей выделяется Аквилея.[78] Не являлась ли она прежде, подобно нынешнему Триесту, тем рынком, на который придунайские провинции свозили свои продукты в обмен на товары с юга? Пола на границе Истрии, острова Арба и Браттия, а также прибрежные Далматы, Сенция, Иадер (Iader), Салоны Нарона, Эпидавр и даже Диррахий в Македонии сохранили более или менее достоверные и довольно многочисленные следы влияния непобедимого бога и, в некотором смысле, подобно векам наметили для нас путь, которым он следовал, продвигаясь к торговой столице Адриатики.[79]

Можно проследить и его путь в западном Средиземноморье. На Сицилии, в Сиракузах и Палермо[80]; на всем протяжении африканского побережья, в Эи (Оеа), Карфагене, Русикадах (, Икосии), Цезарее[81], на противоположном испанском берегу, в Малаге и Таррагоне[82] мы наблюдаем, как в смешанной среде плебеев, занесенных сюда морем из всех краев, одно за другим возникают митраистские сообщества, и, далее к северу, даже гордая римская колония — Нарбон в Лионском заливе не сделалась в этом смысле исключением.[83]

Особенно ярко отмеченная нами связь популярности мистерий с распространением восточной торговли проявляется в Галлии. Здесь она в равной мере была сосредоточена между Альпами и Севеннами или, если быть еще точнее, в бассейне Роны, являвшейся наиболее важным для нее путем продвижения вглубь страны. В Секстанции близ Монпелье и в Эксе в Провансе мы находим в одном — эпитафию, посвященную одному отцу (наставнику) посвященных, в другом — вероятнее всего, митраистское изображение Солнца в квадриге.[84] Далее, вверх по реке, обнаруживаем в Арле статую львиноголового Кроноса, почитавшегося в этих мистериях[85], в Буг-Сент-Андреоле около Монтелимара — изображение таврохтонного бога, высеченное в живой скале рядом с источником[86]; в Вэзоне, недалеко от Оранжа, — посвященную надпись, сделанную по случаю принятия посвящения[87], во Вьенне — грот, из которого, наряду с другими памятниками, был извлечен до сей поры уникальный в своем роде барельеф.[88] Наконец, в Лионе, связи которого с Малой Азией хорошо изучены в истории христианства, персидский культ, безусловно, достиг значительного успеха.[89] В верховьях Роны присутствие его обозначено, с одной стороны — в Женеве[90], с другой — в Мандере (Эпамантодурум) на р. Ду[91], и далее на востоке — в Антрене (Интаранум) в департаменте Ньевр, возможно, — в Сент-Обэне в Эндре и в местечке Алезия, знаменитом, благодаря осаде Цезаря.[92] Таким образом, непрерывная череда святилищ, несомненно, поддерживавших между собою постоянные связи, соединяет побережье Средиземного моря с воинскими лагерями в Германии. Оставив позади процветающие города долины Роны, этот иноземный культ проник и распространился до самых гор в провинциях Дофинэ, Савойя и Бужай. Лабатия близ Гапа, Люксеи, недалеко от Беллея, и Вье-ан-Валь-Ромей[93] сохранили для нас надписи, храмы и статуи, посвященные почитателями Митре. Как мы уже говорили, восточные торговцы не ограничивались устройством своих факторий в морских или речных портах. В надежде на более прибыльные дела, они устремились во внутренние области, в города, где конкуренция была не столь сильной. Еще более обширными были пределы расселения рабов из Азии: стоило им сойти с корабля, их судьбу по случаю решали торги, рассылая их по всем направлениям, так, что мы обнаруживаем их в самых разных местностях выполняющими самые различные функции.

В Италии — стране крупных владений, пестрящей скоплением античных городов, — они вскоре пополняли собой армии рабов, возделывавших именные угодья римских аристократов, и порой, в этих случаях, сделавшись управляющими (*actor, villicus*), они становились хозяевами тех, с кем прежде делили их печальную судьбу; иногда их приобретал какой-нибудь муниципий, и они в качестве общественных рабов исполняли приказания магистратов, либо входили в административные службы. Легко можно представить себе, насколько быстро восточные религии могли таким образом проникнуть в те регионы, которых они, казалось, никогда не могли бы достигнуть. Из двойной надписи, найденной в Нерсах, в самом сердце Апеннинских гор, мы узнаем, что в 172 г. н. э. некий раб, городской казначей, восстановил здесь святилище Митры, разрушавшееся от ветхости.[\[94\]](#) В Ветузе греческая посвятельная надпись Солнцу Митре оставлена управляющим делами одного богатого горожанина; имя управляющего — Сагарис — указывает как на его подневольное положение, так и на азиатское происхождение.[\[95\]](#) Можно было бы привести еще ряд примеров. Разумеется, вовсе не эти безвестные служители иноземного божества явились той главной силой, которая создала популярность мистериям не только в предместьях Рима или в отдельных крупных городах, но и по всей Италии от Калабрии до Альп. Мы находим следы этой культовой практики одновременно — в Грументе (*Grumentum*) в центре Лукании[\[96\]](#); затем, как мы уже говорили, в Ветузе в Апулии и в Нерсах в стране эквов, также как и в Авейе (*Aveia*), в краю вестинов[\[97\]](#); далее — в Умбрии, вдоль Фламандского пути, в Интерамне (*Interamna*), в Сполете, где можно видеть украшенный росписью грот, и в Сентине, в котором был обнаружен список покровителей сообщества митраистов[\[98\]](#); также — в Этрурии, где эта религия прошла по Кассии (*Cassia*) и утвердилась в Сутрие, в Больсене, возможно, в Ареццо и во Флоренции.[\[99\]](#) На севере Апеннинских гор ее следы менее значительны и прослеживаются с трудом. Они появляются спорадически — в Эмилии, где на территории Болоньи, Модены и, вероятно, Реджо сохранилось несколько интересных фрагментов[\[100\]](#), а также в плодородной долине По. Здесь, по-видимому, лишь Милан, как известно, быстро достигший процветания в эпоху империи, оказывается тем единственным местом, где эта экзотическая религия была принята с большой благосклонностью и пользовалась официальным покровительством.[\[101\]](#) Несколько фрагментов надписей, найденных в Тортоне, в Индустрии и Новаре, не говорят еще о том, что она достигла широкого распространения в остальной части страны.[\[102\]](#)

Безусловно, примечательным является то, что в диких ущельях Альп нам встречается более обширная информация, нежели на плодородных равнинах верхней Италии. Жертвенники, посвященные непобедимому богу, есть в Интроббио в Валь-Сассине, к востоку от озера Комо, в Валь Каммоника, на берегах реки Ольо.[\[103\]](#) Но в самом большом изобилии посвященные ему памятники обнаруживаются по берегам Адидже и ее притоков, вблизи от крупного соединительного пути, который в античные времена, как и в наши дни, проходил и проходит через перевал Бреннер или Пусцер-Тхал (*Pusster-Thal*) и выводит на противоположный склон Альп в Реции или в Норике: в Тренто найдено святилище Митры, расположенное около водопада; недалеко от Сан-Дзено (*San-Zeno*) — барельеф, извлеченный из раскопок в скалистом ущельи; в Кастелло ди Туенно — фрагменты посвященного изображения, выделанного с обеих сторон; на берегах Изарка — посвятельная надпись Митре и Солнцу и, наконец, в Мауло (*Mauls*) — знаменитая плита с барельефом, найденная в XVI в. и хранящаяся сейчас в Венском музее.[\[104\]](#)

Распространение митраизма в этом горном районе не остановилось в пределах Италии. Если, следуя нашим путем по долине Дравы, мы станем разыскивать оставленные им следы, мы тотчас обнаружим их в Теврине[\[105\]](#) и в особенности в Вирунуме, наиболее значительном городе Норика, где в III в. н. э. для посвященных были открыты по меньшей мере два храма. Третий был устроен неподалеку в пещере посреди леса.[\[106\]](#)

Религиозной столицей этой римской колонии, несомненно, являлась Аквилея, чье влиятельное духовенство распространяло свое влияние на все эти края. Все, почти без исключения, города, выросшие вдоль дорог, ведущих из этого порта, через Паннонию, к укрепленным центрам на Дунае, охотно приняли к себе иноземного бога: Эмона (*Emona*), Латобичи (*Latobici*), Невиодун (*Neviodunum*) и в особенности Сисция (*Siscia*) на берегу реки Савы; затем, далее к северу, Атранс (*Atrans*), Целея (*Celeia*), Петовио (*Poetovio*), где недавно были раскопаны два митраистских храма, — все эти центры отнесли к нему с исключительным благорасположением.[\[107\]](#) Так, его адепты, тем или иным образом продвигавшиеся с берегов Адриатики в Мё-

зии — к Карнунту, были приняты у своих единоверцев на всех этапах своего пути.

Если в этих регионах, как и на юге Альп, восточные рабы также играли роль миссионеров митраизма, то условия, в которых происходила эта их деятельность, были в значительной мере иными. Они не имели в этой области такого распространения, как в итальянских поместьях, где они выполняли функции сельскохозяйственных рабочих или муниципальных служащих. Общее сокращение населения не сказалось столь же сильно на этих местностях, как на странах старой цивилизации, и здесь для возделывания полей и благоустройства городов не требовались привозные рабочие руки. Не частные лица и не общины, а именно государство сделалось тут основным импортером людских ресурсов. Прокураторы, налоговые чиновники, интенданты имперских владений или, как в Норике, — настоящие губернаторы имели под своим началом целый штат сборщиков налогов, всяческого рода служащих, рассеянных по находившимся в их ведении территориям, и как правило эти подчиненные не были от рождения свободными. Помимо того, крупные предприниматели, бравшие в аренду разработку шахт и каменоломен или таможенные сборы, использовали в своем хозяйстве многочисленный штат работников, являвшихся от рождения или по приобретенному статусу — невольниками, которых они ввозили извне. Должностные наименования как раз такого рода — представителей имперских уполномоченных или откупщиков, — чаще всего возникают в митраистских надписях в Паннонии и южном Норике.[\[108\]](#)

Во всех провинциях скромные служащие имперских ведомств сыграли значительную роль в распространении заморских культов. Помимо того, что эти наемные работники центральной власти представляли политическое единство империи в противовес региональному партикуляризму, они, вдобавок, проповедовали вселенские религиозные вероучения перед лицом местных культов. Они образовывали как бы вторую армию в руках правителя, и влияние их на развитие язычества было аналогично влиянию первой. Так же, как и солдат, их в большом количестве набирали из Азии и в азиатских странах; они, как и те, постоянно меняли место жительства по мере их повышения по службе, и кадровый состав их служб, так же, как и личный состав легионов, формировался из людей всех национальностей.

Так дело административного управления переходило из рук в руки вместе с писцами и с теми, кто ведал обрядами мистерий. Характерно, что в чисто латинском форте — в каппадокийской Цезарее, — именно раб, вероятно, туземного происхождения, казначей управляющего Августа, преподнес Митре изображение Солнца.[\[109\]](#) Во внутренних областях Далмации, в которых памятники персидского бога встречаются довольно разрозненно, поскольку в этой провинции с давних пор не размещались никакие легионы, тем не менее, в большинстве посвященных надписей фигурируют имена служащих налогового ведомства, почт и таможен.[\[110\]](#) В пограничных провинциях должно было находиться особенно много финансовых служащих цесарей, — не только на предмет сбора пошлины за ввоз товаров, но и потому, что самой весомой статьей расходов имперской казны являлись расходы на содержание войск. Естественно, поэтому, что в митраистских текстах Дакии и Африки упоминаются управляющие, сборщики налогов, прокураторы и аналогичные им должностные наименования.[\[111\]](#)

Таков, следовательно, другой путь, которым иранский бог мог проникнуть в поселения, соседствующие с военными лагерями, где, как мы видели, ему поклонялись солдаты восточного происхождения. В целом, легионеры и интендантская служба во всех гарнизонах поощряли ввоз общественных и частных рабов, и нужды этой вновь и вновь восполнявшейся массы, в то же время, привлекали сюда торговцев из всех краев. С другой стороны, как мы уже говорили, ветераны нередко поселялись в портах и крупных городах, где с ними встречались рабы и торговцы. Когда мы указываем, что культ Митры тем или иным образом утвердился в том или ином районе, то это сделанное в общем утверждение очевидно не может претендовать на абсолютную точность. В процессе распространения этих мистерий разнородные причины смешивались и сочетались друг с другом, и бесполезной тратой сил стала бы попытка разобрать по нитям этот спутанный клубок. Руководствуясь, как мы это слишком часто делаем, исключительно надписями с неточной датировкой, в которых рядом с именем бога значится лишь имя посвященного или жреца, мы не можем в каждом отдельном случае установить те обстоятельства, которые способствовали успеху новой религии. Попутные влияния почти полностью ускользают от нашего внимания. Имело ли сколько-нибудь долговременные по-

следствия длительное пребывание в Италии верных почитателей Солнца[112] — сирийских войск, переведенных сюда в правление Веспасиана? А новая армия, приведенная Александром Севером в Германию, которая, по словам Лампридия[113], была «очень сильна за счет своих армян, своих осроенцев и своих парфян», — не дала ли она нового импульса к проповеди митраизма на берегах Рейна? Не случилось ли тем высокопоставленным чиновникам, которых Рим ежегодно посылал на границу на Евфрате, принять вероисповедание тех, кто находился у них под началом? И разве не могли каппадокийские жрецы, по примеру служителей Сирийской богини[114], отправляться морем на Восток в надежде пожить за счет легковерия толпы? Еще в эпоху республики «халдейские» астрологи бродили по главным дорогам Италии[115], а во времена Ювенала прорицатели из Коммагены и Армении уже произносили свои пророчества в Риме[116]. Все эти вспомогательные средства, которыми обычно пользуются восточные религии, могли быть взяты на вооружение и культом Митры. Но самым действенным фактором его распространения являлись, безусловно, солдаты, рабы и торговцы. Помимо всех деталей, приведенных нами в подтверждение тому, данный факт можно установить уже на том основании, что памятники этого культа обнаруживаются в военных и торговых местах, в тех областях, в которые направлялся широкий поток миграции из Азии.

Достаточно ясно это показывает и отсутствие их в других районах. Отчего в Азии, Вифинии, в Галатии и Пафлагонии, — в провинциях, расположенных по соседству с теми, где эти культы отправлялись веками, мы не находим никаких следов персидских мистерий? Оттого, что эти края производили больше, чем могли потребить, а внешняя торговля здесь находилась в руках греческих судовладельцев, и оттого, что они напротив, — занимались вывозом людей, а не привлечением их со стороны, и что, по крайней мере, со времени Веспасиана ни один легион не был направлен сюда для защиты или обуздания этих народов.[117] Грецию от вторжения иноземных божеств уберегала свойственная ее народу надменность и то культовое поклонение своему славному прошлому, которое стало самой характерной чертой общественного сознания в ней под властью империи. В то же время, отсутствие здесь солдат и рабов из экзотических стран отнимало у нее всякую возможность впасть в соблазн. Наконец, митраистских памятников почти лишены центральные и западные части Галлии, испанский полуостров, юг Бретани, они редко встречаются даже во внутренних районах Далмации. Там также не размещалась постоянно никакая армия, нуждавшаяся в притоке выходцев из Азии, что могло бы, одновременно, сделать эти районы очагами распространения международной торговли.

Напротив, город Рим, более чем любая другая провинция, плодovито снабжает нас всякого рода находками. Действительно, нигде в другом месте в подобной степени не могли совеститься все благоприятные для успеха Митры условия: в Риме стоял значительный гарнизон, состоявший из солдат, собранных со всех краев империи, и ветераны, по получении почетной отставки, в значительной массе поселялись именно тут. Здесь же проживала богатая аристократия, и в их дворцах, также, как и во дворцах императора, имелись тысячи рабов.[118] Этот город являлся средоточием центральной администрации, и те же самые рабы заполняли их учреждения. Наконец, все те, кого нищета или страсть к приключениям толкала пуститься на поиски счастья, стекались в этот «вселенский постоялый двор»[119] и вводили здесь свои обычаи и свои культы. Вдобавок, присутствие в Риме мелких князьков из Азии, которые, в качестве заложников или беженцев, жили здесь вместе со своими семьями и со своей свитой[120], могло послужить поддержкой пропаганде маздеизма.

Как и для большинства чужеземных богов, первые храмы Митре строились за пределами померия[121]. Многие из памятников митраизма найдены вне этого пространства, в частности, недалеко от Преторианского Лагеря; но еще до 181 г. н. э. этот культ перешагнул священную черту и утвердился в самом сердце города. К сожалению, невозможно шаг за шагом проследить путь его продвижения по огромной столице. Датированные документы, происхождение которых несомненно, встречаются слишком редко, чтобы можно было восстановить локальную историю развития персидской религии в столице. Мы в состоянии лишь в общем констатировать, что она достигла здесь высокой степени процветания и пышности. О ее популярности тут свидетельствуют не менее сотни надписей, более семидесяти пяти фрагментов скульптурных изображений и целый ряд храмов и мелких святилищ, располагавшихся во всех кварталах города и в пригороде. Наиболее знаменитым из таких святилищ может по праву

считаться грот, еще в эпоху Возрождения существовавший в одной из пещер Капитолия, из которого был извлечен большой боргезский барельеф, в настоящее время хранящийся в Лувре. (Рис. 9) [\[122\]](#) (Рис. 9. Большой боргезский барельеф (Музей Лувра). Таврохтонный Митра с факелоносцами. Вверху Солнце и Луна на своих колесницах). Он восходит, по-видимому, к концу II в.

В эту эпоху Митра вышел, наконец, из той полутени, в которой пребывал до сих пор, и сделался одним из божеств-фаворитов аристократии и двора. Мы видели, что он прибыл сюда с Востока в качестве презренного бога азиатов, приезжавших или, чаще, привозимых в Европу. Несомненно, что первые симпатии к себе он завоевал среди низших классов общества, — и это весьма существенный факт: митраизм долгое время оставался религией обездоленных. Наиболее древние из надписей красноречиво свидетельствуют об этом, поскольку все они, без исключения, обязаны своим появлением рабам или бывшим рабам, солдатам или бывшим солдатам. [\[123\]](#) Но нам известно, какой высоты положения могли добиваться при Империи вольноотпущенники, а сыновья ветеранов или центурионов зачастую становились зажиточными горожанами. Таким образом, благодаря естественной эволюции религия, перенесенная на латинскую почву, должна была богатеть и набирать силу и вскоре могла причислить к своим сторонникам в Риме влиятельных чиновников в муниципиях, высочайших особ и декурионов. В правление Антонинов литераторы и философы начинают проявлять интерес к догматам и обрядам этого своеобразного культа. Лукиан остроумно пародирует его богослужебную практику [\[124\]](#), и Цельс около 177 г. в своем «Истинном слове» противопоставляет их учение учению христиан [\[125\]](#), в то время как христианские апологеты сражаются с этим ставшим опасным врагом [\[126\]](#). Примерно в ту же эпоху некий Паллас посвятил ему специальный труд, а позднее Евбулий, современник Порфирия, опубликовал в нескольких томах «Исследования по митраизму» (?) [\[127\]](#). Если бы эти труды не были безвозвратно утеряны, мы без сомнения нашли бы в них немало историй о войсках, от солдата до высокопоставленных легионеров перешедших в веру исконных врагов империи, и о крупных вельможах, обращенных в эту религию домашней прислугой. В памятниках, рядом с именами свободных людей, часто упоминаются имена рабов, и именно они иногда обладают самой высокой степенью среди посвященных [\[128\]](#). В этих сообществах, во всяком случае, по видимости, последние часто становились первыми, а первые — последними.

Из всего, что мы в подробностях рассмотрели, следует один главный вывод. Вывод о том, что распространение персидских мистерий должно было происходить с чрезвычайной быстротой. Они, практически, одновременно появляются в самых отдаленных друг от друга местах: в Риме, в Карнунте на Дунае, в Декуматских полях. Мы бы сказали — это похоже на внезапно вспыхнувший пороховой след. Реформированный маздеизм совершенно очевидно обладал в глазах общества II в. могучей притягательной силой, и мы сегодня лишь отчасти способны вскрыть причины такого его воздействия.

Но к его естественной привлекательности, побуждавшей толпы пасть к ногам таврохтонного бога, добавился вскоре один внешний и весьма действенный элемент: имперское покровительство. Лампридий сообщает [\[129\]](#), что Коммод принял посвящение и участвовал в кровавых обрядах богослужения, и надписи служат подтверждением тому, что благосклонное отношение монарха к жрецам Митры имело огромный резонанс. [\[130\]](#) С этого момента мы наблюдаем, как высшие сановники империи начинают следовать примеру своего суверена и становятся почитателями иранского культа. Трибуны, префекты, легаты, а позднее — самые лучшие и самые славные часто фигурируют в посвященных надписях в качестве их авторов, и аристократия до самых последних дней язычества сохраняла приверженность солнечному боже-ству, долгое время пользовавшемуся расположением правителей. Однако, для того, чтобы прояснить их политику и причины такого благожелательного отношения к этому культу, нам следует соотнести учение митраизма с доктриной императорской власти и выявить ее связь с теократическими претензиями цезарей

Глава III. МИТРА И ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ

Благодаря тому, что мистерии Митры получили сравнительно позднее распространение, они счастливо избежали тех гонений, которые выпали на долю опередивших их в Риме восточных культов, и, в частности, культа Изиды. Возможно, некоторые из тех астрологов или «халдеев», которых при первых императорах периодически высылали из Италии [1], причисляли себя к поклонникам персидского бога, но эти бродячие прорицатели, вновь и вновь появлявшиеся в столице вопреки всем столь же беспомощным, сколь и строгим сенатским решениям, не имели ничего общего с духовенством хотя бы уже потому, что не проповедовали определенную религию. Когда в конце первого века митраизм распространил свое влияние на Западе, недоверчивая осторожность или даже явная враждебность, долгое время сквозившие в политике Рима по отношению к иноземным жрецам, начали уступать место благосклонной терпимости, если даже не открытому покровительству [2]. Уже Нерон пожелал принять посвящение в маздеистский ритуал от магов, которых привез к нему армянский царь Тиридат, — этот последний почитался в качестве воплощения Митры [3].

К несчастью, мы не располагаем прямыми свидетельствами в отношении юридического положения сообществ почитателей непобедимого Солнца Митры. Ни один из текстов не дает пояснений на счет того, считалось ли существование этих объединений первоначально только допустимым, или, будучи признаны государством, они с самого начала получили право на свои владения и самоуправление. Тем не менее вряд ли можно предположить, что государство стало бы долго терпеть религию, не имеющую определенного статуса, особенно если учитывать то, что она всегда насчитывала в рядах своих приверженцев немало административных и военных лиц. Возможно, для того чтобы оставаться на законном положении, эти сообщества создавали похоронные коллегии, что позволяло им пользоваться привилегиями, предоставляемыми такого рода корпорациям [4]. Однако, как нам кажется, они имели возможность прибегнуть к более эффективному способу. С того самого времени, как мы можем зафиксировать присутствие персидского культа в Италии, мы всегда обнаруживаем его тесную связь с культом Великой матери из Пессинунта, который еще за три века до того был торжественно признан римлянами. Более того, кровавый ритуал тавроболии (принесение в жертву быка), воспринятый в культе фригийской богини под влиянием маздеистских верований, вероятно, уже со времени Марка Аврелия пользовался особой поддержкой, заключавшейся в предоставлении гражданских льгот [5]. Безусловно, мы еще не имеем сведений о том, было ли это сообщество двух божеств освящено решением сената или императора. В последнем случае наш странствующий бог тотчас же приобрел бы права гражданства в Италии и сделался бы римским божеством в той же мере, в какой ими стали Кибела или Беллона из Команы. Но даже при отсутствии определенного решения гражданских властей мы можем с полным основанием полагать, что Митра, как и Аттис, с которым тот отождествлялся, составил пару Великой Матери, и на него так или иначе распространялось оказываемое ей официальное покровительство. Тем не менее его жрецы, по всей видимости, не получали никаких постоянных пожертвований из казны, хотя налоговое ведомство или муниципальные кассы могли в виде исключения одаривать их некоторыми суммами [6].

В конце второго века более или менее осторожная снисходительность, которую проявляли цезари к иранскому культу, внезапно сменилась активной поддержкой. Коммод возжелал быть принятым в число его адептов и участвовал в их тайных обрядах [7]. Открытие многочисленных посвященных надписей с благими пожеланиями этому правителю, либо просто датированных временем его правления, уже позволяют предположить, какой импульс должно было дать пропаганде митраизма это обращение императора. С того момента, как последний из Антонинов порвал таким образом со старыми предрассудками, новой религии, как представляется, было уже твердо обеспечено покровительство его преемников. С первых лет III века во дворце Августов имелся ее представитель [8], и ее приверженцы своими подношениями и благими пожеланиями славили Северов, а позднее — Филиппа. Аврелиан, учредивший неофициальный культ поклонения Непобедимому Солнцу [9], не мог иначе чем с симпатией относиться к божеству, считавшемуся идентичным тому богу, которому он заставлял поклоняться своих жрецов. В 307 году Диоклетиан, Галерий и Лициний во время своей встречи в Карнунте по общему согласию посвятили Митре храм как покровителю своей власти (рис. 10), и Юлиан «Отступник», последний язычник, восседавший на троне цезарей, был горячим приверженцем

этого бога-охранителя, культ почитания которого он не замедлил установить в своем дворце в Константинополе[10].

Такое постоянное покровительство этой религии, оказываемое монархами весьма разными по своему духу и склонностям, не могло являться результатом быстро преходящей моды или чисто личного пристрастия. Оно должно было иметь более глубокие причины. Если властители империи в течение двух сотен лет демонстрировали такое явное расположение к этой иноземной религии, родившейся в стане врагов, с которыми римляне вели непрекращающиеся войны[11], их, очевидно, побуждали к этому какие-то государственные соображения. Действительно, они находили в ее учении опору для своей личной политики и основания для своих претензий на аристократизм, которым они старались себя облечь.

Хорошо известны те медленные перемены, которые мало-помалу происходили в принципате, некогда учрежденном Августом, и которые постепенно превратили его в монархию, освященную божественным правом[12]. Император, право на власть которого теоретически исходило от народа, изначально являлся не более чем первым должностным лицом Рима. Уже одно это положение наследника трибунов и верховного жреца делало его лицо неприкосновенным и наделяло его образ священными чертами. Но в той же мере как его власть, первоначально ограниченная законом, раз за разом посягая на эти границы, в конце концов обратилась в абсолютизм, так и сам император, правивший по мандату народа, в результате одновременного процесса сделался наместником бога на земле и сам по себе — богом (*dominus et deus* — господином и богом). Вскоре после битвы при Акции мы наблюдаем развитие движения, совершенно противоположного мнимому демократизму правления цезарей: азиатские города усердно начинают воздвигать храмы Августу и посвящают ему отдельный культ. Среди населения этих провинций весьма живы еще были воспоминания о монархии. Эти народы ничего не смыслили в тех тонких различиях типологии власти, которыми пыталась обмануть себя Италия. Для них правитель всегда оставался царем (*βασιλεύς*) и богом (*θεός*) [13]. Эта метаморфоза императорской власти — победа восточного духа над духом римским и торжество религиозной идеи над юридическим понятием.

Многие историки в подробности изучили процесс складывания этого культа императоров и осветили его политическое значение. Однако они, похоже, не увидели столь же ясно его теологического основания. Совершенно недостаточно было бы просто констатировать тот факт, что в определенную эпоху правители не только стали обретать статус божества после смерти, но облекли им себя даже на время своего царствования. Следует пояснить, каким образом подобное обожествление живого человека, этот новый апофеоз, противоречивший как здравому смыслу, так и римской традиции, тем не менее, снискал в итоге почти всеобщее признание. Глухое сопротивление общественного мнения было побеждено именно тогда, когда азиатские религии завоевали симпатии масс. Они распространяли в их среде догматы, возвышавшие монарха над всем человеческим родом, и если эти религии получили такую поддержку со стороны цезарей и, в частности, со стороны тех, кто желал абсолютной власти, то лишь оттого, что они представляли для последних догматическое оправдание их деспотических претензий. Старый демократический принцип был замещен верой разума в сверхъестественные силы. Мы теперь попытаемся показать, какую роль сыграл митраизм в этой существенной трансформации, которую наши исторические источники освещают лишь весьма поверхностно.

Некоторые внешние черты позволили бы предположить, что римляне заимствовали все эти идеи из Египта. Египет, институты которого во многих отношениях послужили образцом для административных реформ в империи[14], мог предоставить ей и совершенную модель теократического правления. Согласно древним верованиям этой страны, царский род не только вел свое происхождение от Солнца—Ра, но и душа каждого правителя являлась двойником-посланцем Солнца-Гора. Таким образом, все фараоны поочередно являлись воплощениями дневного светила. Они были не только представителями этого божества, но и живыми богами, почитавшимися наравне с ним, пересекавшим небесный свод, и их знаки отличия были похожи на его атрибуты[15].

Ахемениды, став хозяевами долины Нила, а вслед за ними и Птолемеи, унаследовали эту честь поклонения, отдаваемую древним царям, и, очевидно, что Август и его преемники, тщательно соблюдавшие все религиозные обряды страны как собственную политическую тради-

цию, позволили своим подданным возвести себя в этот статус, который трехсотлетняя традиция признавала за властителями Египта[16].

Из Александрии, в которой это теократическое верование было принято даже греками, оно распространилось далеко вглубь империи. Жрецы Изиды считались в Италии вполне влиятельными миссионерами. И прозелиты из высших сословий общества, обращенные ими, должны были проникнуться этой верой. Императоры, для которых такая проповедь служила бальзамом, умащавшим их подспудные или осознанные амбиции, вполне открыто ее поддерживали[17]. Тем не менее, хотя их политика могла получить преимущества в результате распространения египетских вероучений, они не склонны были принимать их целиком. Уже в первом веке н. э. они позволяли своей домашней челяди и канцелярии, состоявшей наполовину из выходцев с Востока, называть себя *deus noster* (наш бог)[18]; тогда они еще не осмеливались ввести это именование в число своих официальных титулов. Начиная с этого периода, некоторые цезари, такие, как Калигула и Нерон, могли уже мечтать о том, чтобы занять на мировой сцене то же положение, которое занимали в своем царстве Птолемеи; они были способны убедить себя в том, что самые различные боги могли бы возродиться в их лице[19], но все просвещенные римляне негодовали по поводу таких причуд. Дух латинян восставал против этого чудовищного вымысла, созданного восточным воображением. Апофеоз царствующего правителя сталкивался с решительными противниками этого и гораздо позднее, в среде последних язычников[20]. Для того чтобы побудить все окружение в целом принять это положение, требовалась теория, менее грубо сколоченная, нежели александрийская эпифания. И такую теорию обеспечил им митраизм.

Персы, как и египтяне, простирались ниц перед своим господином, но при этом не считали его богом. Если и существовал культ поклонения «даймону» царя, как, например, в Риме поклонялись гению цезаря (*genius Caesaris*), то таким образом почиталась лишь та частица божества, которая присутствует в каждом человеке и составляет часть его души[21]. Величие монархов было священным исключительно потому, что оно досталось им от Ахура-Мазды, воля которого возвела их на престол. Они царствовали милостью Творца неба и земли. Иранцы представляли себе таковую милость в качестве сверхъестественного огня, сияющего ореола, «славы», облекающей, в первую очередь, богов, но озаряющей также и правителей, и освящающей их власть[22]. *Хварно*, как именует этот огонь Авеста, озаряет законных монархов и отстраняется от узурпаторов и нечестивых правителей, которые вскоре теряют вместе со своими владениями и корону, и саму жизнь. Напротив, те, кто достойны получить и сохранить в своих руках власть, бывают наделены неизменным процветанием, великой славой и им даруется победа над всеми врагами.

Ничего подобного этому абсолютно своеобразному представлению персов не имелось ни в каких других мифологиях, и другие народы достаточно неточно ассоциировали маздеистскую Славу с Судьбой: семиты отождествляли ее со своим божеством, именуемым *Гад*[23], греки нарекли ее именем *Тюхе*. Различные династии, которые после падения Ахеменидов пожелали возвести свою генеалогию к одному из отпрысков этого древнего царственного рода, естественно, принялись поклоняться этому особому божеству *Тюхе*, покровительство которого служило и следствием, и подтверждением законности их власти. Можно обнаружить, что *Хварно* одновременно и по тем же самым причинам почитали цари Каппадокии и Понта и правители Бактрии[24], а Селевкиды, долгое время господствовавшие над Ираном, также считались избранниками Судьбы, посланной верховным божеством[25]. Антинох из Коммагены в посвященной ему надгробной надписи, как кажется, даже отождествлен с этой богиней[26]. Маздеистские представления о монаршей власти распространились, таким образом, в западной Азии одновременно с митраизмом.

Но, как и последний, они «обросли» некоторыми семитскими идеями. Верование в то, что царская корона подается и отнимается предопределением свыше, появляется уже у Ахеменидов[27]. Или, по представлениям халдеев, судьба бывает неизбежно определена вращением звездных сфер, и лучезарная планета, повелевающая своими спутницами, была признана по преимуществу царским светилом[28]. Также и непобедимое Солнце, отождествляемое с Митрой, во времена Александра всеобщее почиталось в качестве подателя *Хварно*, которое обеспечивает победу. Тот монарх, на которого снизошла это божественная милость, возвышался над всеми людьми и почитался подданными наравне с бессмертными богами.

После упразднения азиатских царств то поклонение, которое предназначалось династиям их правителей, было перенесено на римских императоров. Восток тотчас приветствовал в их лице божественных избранников, которым Фортуна царей даровала всевластие. По мере того как сирийские культы и, главным образом, мистерии Митры получали распространение в Риме, древнее маздеистское учение, в некоторой степени окрашенное колоритом семитских верований, находило все больше сторонников в официальных кругах. Мы можем наблюдать, как оно сперва лишь робко заявляет о себе, но затем все более отчетливо утверждается среди религиозных институтов империи и в числе императорских титулов, которым лишь оно одно было способно придать значимость.

Со времен республики в Риме под различными наименованиями почиталась «Фортуна римского народа»[29]. Этот старый национальный культ с ранних пор впитал в себя верования Востока, где не только всякая страна, но и каждый город поклонялся своей божественной судьбе «Тюхе города» (Τύχη πόλεως), которая определялась в момент его основания так же, как и судьба отдельного человека при его рождении. Когда Плутарх говорит о том, что Тюхе покинула ассирийцев и персов, чтобы, пройдя через Египет и Сирию, перенестись на Палатин[30], эта метафора верна еще и в ином смысле, помимо того, в котором он ее употребляет. Точно также императорам, в подражание своим азиатским предшественникам, легко удалось ввести наряду с почитанием этой богини — покровительницы государства, культ поклонения богине, ведавшей их собственной персоной. Фортуна Августа (Fortuna Augusti) появляется на монетах со времени Веспасиана[31], и подданные цезарей, как прежде подданные диадохов, отныне должны были присягать Фортуне правителей[32]. Суеверная преданность этих последних своей покровительнице была столь велика, что по крайней мере во II веке они постоянно имели подле себя, даже во время сна или путешествий, позолоченную статуэтку этой богини, которую они передавали, умирая, своим преемникам, и которой молились под именем «царской Фортуны» (Fortuna regia), что является переводом греческого «Тюхэ царя» (Τύχη βασιλεύς). Практически, когда эта охранительница покидала их, они были обречены на смерть или по крайней мере на невзгоды и бедствия; пока же они хранили ее, им были ведомы лишь успех и процветание[33].

Со времен правления Коммода, на которое выпадает момент триумфа восточных культов и, в частности, митраистских мистерий в Риме, можно заметить, что императоры официально принимают титулы «благочестивый, счастливый, непобедимый»[34], которые с III века уже составляют обычную часть протокола. Эти эпитеты были порождены особенным фатализмом, воспринятым Римом у стран Востока. Монарх «благочестив», поскольку лишь его набожность может сохранить для него оказанное ему покровительство небес; он является счастливым или, скорее, благополучным (*) именно потому, что он отмечен божественным Благом[35], наконец, он непобедим, ибо поражение врагов империи служит самым неопровержимым знаком того, что это охраняющее его Благо все еще сопутствует ему. Законная власть дается не правом наследования или по избранию сената, но богами, и она проявляется в победах[36].

Все это вполне соответствует древним маздеистским представлениям, и использование последнего эпитета еще более явно выдает влияние астрологических теорий, которые оказались примешаны к парсизму. Invictus (непобедимый) — это обычные наименования звездных божеств, воспринятых с Востока, и прежде всего Солнца, которое каждое утро приходит восторжествовать над ночью[37]. Императоры явно избрали для себя подобный титул с тем, чтобы приблизиться к небесному божеству, представление о котором он тотчас вызывал. Доктрина о том, что участь государств, как и судьба людей, связана с движением светил, в качестве своего неизбежного следствия породила идею о том, что управляющий планетами глава является хозяином судьбы царей. Именно он возводил их на трон или низвергал с него, обеспечивал им триумф или приводил к разгрому. Солнце считалось спутником (comes) императора и его личным охранителем (conservator)[38]. Мы уже видели, что Диоклетиан почитал в лице Митры покровителя своей власти.

Принимая на себя титул «непобедимых», цезари таким образом заявляли о тесном союзе, заключенном ими с Солнцем, и они стремились быть отождествленными с ним. Те же самые соображения заставляли их принять более амбициозный эпитет «вечных», который долгое время существовал в общем употреблении и в III веке был наконец введен в состав официаль-

ной формулы. Этот эпитет, как и первый, прилагался, главным образом, к солнечным божествам Востока, культ которых распространился в Италии в начале нашей эры. В применении к правителям этот титул еще более ясно, чем предыдущий, свидетельствовал о том, что те, пребывая в близком родстве с Солнцем, сливаются с ним благодаря общности их природы[39].

То же убеждение проявляется и в обычаях двора. Небесный огонь, вечно сияющий в святилах, неизменно побеждающих тьму, символически изображался неугасающим огнем, который горел во дворцах цезарей и который несли перед ними во время официальных церемоний. Этот постоянно горящий очаг уже для царей Персии служил образом неизменности их власти, и вместе с мистическими идеями, выражением которых он являлся, он перешел по наследству к диадохам, а затем и к римлянам[40]. Помимо того, окруженная лучами корона, которую императоры, начиная с Нерона, приняли, в подражание Селевкидам и Птолемаем, в качестве знака своего господства[41], явилась новым подтверждением этих политико-религиозных тенденций. Будучи символом сияния Солнца и испускаемых им лучей, она, казалось, объединяла образ монарха с образом бога, блеск которого нестерпим для нашего взора[42].

Какую же священную связь устанавливали между лучезарным диском, освещающим небо, и его подобием в облике человека, который был его представителем на земле? В подобном обожествлении ни в коей мере не сохранилось верноподданнического рвения восточных народов. Цари династии Сасанидов, как когда-то фараоны, провозгласили себя «братьями Солнца и Луны»[43], и цезари сделали приблизительно то же самое, когда были приняты в Азии за сменяющие поочередно друг друга аватары Гелиоса. Некоторые самодержцы благосклонно согласились с таким отождествлением их с этим божеством, и повелели возвести себе статуи, представлявшие их с его атрибутами[44]. Они даже позволяли почитать в своем лице эманацию Митры[45]. Но эти безрассудные претензии были отвергнуты строгим здравым смыслом латинских народов. Как мы уже говорили, на Западе избегают таких категорических утверждений. Здесь довольствуются метафорами: любят сравнивать правителя, управляющего всем обитаемым миром, от которого не может ускользнуть ничто происходящее, с небесным светом, который озаряет вселенную и правит ее судьбами. Предпочитают использовать туманные выражения, которые допускают разные толкования. Признают, что правитель связан с бессмертными некоей родственной связью, но не уточняют ее характер[46]. Тем не менее, представление о том, что Солнце охраняет императора, и о том, что сверхъестественные токи исходят от одного к другому, мало-помалу приводило к признанию в них единой сущности.

Кроме того, искусственная в мистериях психология снабжала это представление о единстве сущности рациональным объяснением и давало ему почти научное обоснование. Согласно этим учениям, души изначально пребывают в эмпирее и, спускаясь к земле, дабы оживить тело, в которое они хотят быть заключенными, они проходят через сферы планет и получают от каждой какие-либо ее качества[47]. Для всех астрологов Солнце, как мы уже упоминали, являлось царской планетой, и, следовательно, именно оно давало своим избранникам достоинства правителя и призывало их на царство[48].

Сразу же бросается в глаза, насколько эти теории отвечали претензиям цезарей. Они воистину являлись властителями по праву рождения («рожденный богом и господином — *deus et dominus natus*»)[49], поскольку носили в себе некоторые частицы Солнца и были, таким образом, его преходящим воплощением. Спустившиеся из небесных звездных сфер, они вновь взойдут к ним после своей смерти для вечного пребывания там среди равных богов. Обывательский ум доходил даже до того, что представлял себе, как умершего императора, так же, как Митру в конце его пути, увозит Гелиос на своей блистающей квадриге[50].

Таким образом, догматика персидских мистерий сочетала в себе две теории различного происхождения, стремившиеся, как одна, так и вторая, возвысить правителя над человеческим родом. С одной стороны, старое маздеистское представление о Хварно превратилось в «Фортуна царя», освящающую его милостью небес и приносящую ему победу. С другой стороны, мысль о том, что душа монарха в тот момент, когда Фортуна заставляет ее ринуться вниз, получает от Солнца его властное могущество, позволяла поддерживать представление о нем, как о носителе частицы божества этой планеты и как о представителе этого божества на земле.

Эти верования могут сегодня показаться нам абсурдными и почти противоестественными. Тем не менее, они в течение столетий внушались миллионам самых разных людей, кото-

рых они объединяли в рамках единого монарха. Если просвещенные слои общества, в которых литературная традиция всегда поддерживала некоторые остатки прежнего республиканского духа, сохраняли еще в себе запас скептицизма, то чувства народа с радостью откликались на эти теократические химеры и отдавались им во власть на все то время, пока еще продолжало существовать язычество. Можно даже сказать, что они пережили свержение идолов, и что народное поклонение так же, как и придворный церемониал, никогда не утрачивали своего представления о сверхчеловеческой сущности, заключенной в персоне правителя. Аврелиан сделал попытку учредить религию, имеющую весьма общий характер, которая могла бы вместить в себя все культы, отправлявшиеся в его государствах, и которая, как у персов, послужила бы оправданием и поддержкой императорскому абсолютизму. Эта попытка провалилась главным образом из-за непримиримого сопротивления христиан. Но союз трона и алтаря, о котором мечтали цезари в III веке, осуществился в другой форме и, по странному стечению обстоятельств, именно Церковь призвана была стать опорой всему строению, основы которого она некогда поколебала. Та миссия, которую подготавливали жрецы Сераписа, Ваала и Митры, завершилась без них и против них; но тем не менее они первыми на Западе выступили с проповедью идеи о божественности царей и, таким образом, явились родоначальниками движения, отголоскам которого суждено было длиться до бесконечности.

Глава IV. УЧЕНИЕ МИСТЕРИЙ

В течение трех столетий культ Митры отправлялся в самых отдаленных друг от друга римских провинциях и в самых различных условиях. Трудно было бы допустить, что за весь этот долгий период его сакральные традиции остались неизменными, и что философские течения, одно за другим овладевавшие умами, или даже политическая и социальная обстановка в империи не оказали на них никакого влияния. Но хотя эти мистерии претерпели на Западе очевидные изменения, недостаток имеющихся в нашем распоряжении документов не позволяет нам ни проследить этапы их развития, ни четко выделить представленные в них локальные различия^[2]. Все, что мы способны сделать, — это набросать общие контуры проповедуемых в них учений, отмечая местами те добавления и поправки, которые они, по-видимому, получили. Впрочем, произошедшие в них перемены были, в целом, поверхностными. Идентичность изображений и священных формул, наблюдаемая в те самые времена даже в наиболее удаленных местах, свидетельствует о том, что теологическая система этого реформированного маздеизма вполне сложилась еще до эпохи его проникновения в земли латинян. В отличие от древнего греко-римского язычества, представлявшего собой собрание никак логически не связанных верований и культовых практик, митраизм действительно имел настоящую теологию, — систему догматов, заимствовавшую свои основополагающие принципы из науки.

В целом, по-видимому, господствует мнение о том, что Митра был единственным иранским богом, культ которого восприняли на Западе, и что все непосредственно не относящееся к нему в этом культе является случайными и более поздними добавлениями. Это совершенно ошибочное и безосновательное предположение: Митру в его странствиях сопровождала значительная часть маздеистского пантеона, и если в глазах его адептов он являлся главным героем в культе той религии, которой он дал свое имя, то он вовсе не был в ней верховным божеством.

На самую вершину божественной иерархии теология митраизма — наследница учений магов-зерванистов, теории которых были знакомы уже ученику Аристотеля Евдему Родосскому^[3] — помещала бесконечное Время (Зерван акарана), делая его главным первоначалом. Его иногда называли «веком» (Saeculum), иногда Кроносом или Сатурном^[4], но эти наименования были условными и случайными, поскольку оно представлялось невыразимым и, в качестве такого, — безымянным, равно как и бесполом, и бесстрастным. Его изображали, имитируя восточный прототип^[5], в виде человека-чудовища с головой льва, тело которого обвивала змея (рис. 11)^[6], (рис. 12). Обилие атрибутов, которыми чрезмерно украшены эти статуи, говорит о неопределенности его характера. Оно, как верховное божество, держит в руках скипетр и молнию, и часто в каждой руке у него изображается по ключу, как у хозяина небес, двери которых

он отпирает. Полураскрытая львиная пасть, открывающая взгляду его грозные челюсти, служит указанием на разрушительную мощь всепоглощающего Времени. Крылья символизируют быстроту его движения, обвивающая его кольцами змея образует аллюзию на извилистый путь солнца в эклиптике, знаки Зодиака, вырезанные на его теле, и сопутствующие им эмблемы времен года напоминают о земных и небесных явлениях, служащих приметами непрестанной смены текущих лет. Оно все создает и все разрушает, оно — обладатель и проводник четырех элементов, составляющих вселенную, и оно потенциально соединяет в себе могущество всех богов, которых лишь оно одно породило[7]. Иногда его отождествляют с неизбежностью судьбы[8], в иных случаях в нем видят первозданный свет или огонь, — и та и другая концепция позволяют сблизить его с высшей Причиной стойков, со всепроникающим теплом, образующим все, которое в ином своем проявлении рассматривалось в качестве судьбы Εἰμαρμένη.

Жрецы Митры пытаются разрешить великую проблему начала мироздания с помощью представления о серии последовательных порождений. Согласно древнему поверью, которое обнаруживается также в Индии и Греции, великое первоначало породило первичную пару — Небо и Землю, и последняя, оплодотворенная своим братом, дала рождение Океану, равному по мощи своим родителям, и составившему вместе с ними, по-видимому, верховную триаду митраистского пантеона[9]. Связь этой триады с Кроносом, или Временем, порождением которого оно является, отчетливо не установлена, и звездное Небо, движение которого по поверью определяет ход всех событий, видимо, нередко смешивалось с вечной Судьбой.

Эти три космические божества персонифицированы в образах, носящих менее прозрачные имена. Небо представляло собой не кого иного, как Оромазда или Юпитера, Земля отождествлялась со Спента Армаити или Юноной, а Океан именовали также Апам-Напатом или Нептуном[10]. Так же, как и греческие теогонии, митраистские традиции доносят сказания о том, что Зевс принял на себя управление мирозданием вслед за Кроносом, царем изначальных времен. Барельефы изображают этого маздеистского Сатурна, передающего своему сыну молнию — знак верховного могущества[11]. Отныне Юпитер вместе со своей супругой Юноной должен был воцариться над всеми другими богами, которые были обязаны ему своим рождением.

Действительно, все олимпийские божества появились на свет от брака небесного Юпитера с земной Юноной. Их старшей дочерью была Фортуна (первородная Фортуна), подающая своим почитателям все телесные, а наипаче — душевные блага. Ее всегда готовая выступить на помощь доброта противостоит Ананке, олицетворяющей неотвратимую и суровую неизбежность[12]. Фемида, или Закон, и мойры, или участи, являлись другими персонификациями Судьбы, проявляющей в своих разных обликах свою чуткую природу нескончаемого становления. Верховная чета, помимо того, произвела на свет не только Нептуна, который сделался равным им, но и весь род бессмертных божеств[13]: Артагнаса, или Геркулеса, чьи героические деяния воспеваются в священных гимнах; Шаревара, или Марса, повелителя металлов, поддерживавшего благочестивых воинов в сражениях; Вулкана, или Атара, божество огня; Меркурия, посланника Зевса; Вакха, или Хаому, персонификацию растения, из которого добывали священный напиток; Сильвана, или Дрваспа, покровителя лошадей и сельского хозяйства; затем Анахиту, богиню воды и плодородия, отождествляемую с Венерой и с Кибелой, которая призывалась также под именем Минервы, как направляющая ход войн; Диану, или Луну, производившую медовый напиток, использовавшийся в очистительных церемониях; Вананти, или Нике, подающую царем победу; Ашу, или Арете, высшую Добродетель, и других. Эта неисчислимая масса божеств обитала на блистающих вершинах Олимпа, и изображения их можно видеть на барельефах, где они окружают трон Юпитера, образуя его небесное придворное собрание[14].

Светлому дню, в котором пребывает сияющее своим блеском верховное божество, противостоит область тьмы, расположенная в подземных глубинах. Ахриман (Ариманий), или Плутон, порожденный, как и Юпитер, бесконечным Временем[15], царит в ней вместе с Гекатой, управляя зловредными чудовищами, появившимися в результате их нечистого соития[16].

Демоны — приспешники царя преисподней, пошли войной на небеса и пытались свергнуть с престола преемника Кроноса. Но, подобно греческим Титанам, эти мятежные монстры

были разгромлены главой богов и низвергнуты назад в их бездны, из которой они выбрались для набега (рис. 13)[17].

Тем не менее они еще могут выходить из нее и бродить по земле, распространяя по ней бедствия и учиняя всяческую порчу. Эти «анти-боги» (*) под командованием Властителя тьмы сражаются с небесными духами, посланцами или «ангелами» верховного божества[18]. Свирепые и коварные, они порождают все бедствия, которыми переполнен мир, и разжигают дурные страсти в сердцах людей; чтобы отвратить грозящие им несчастья, эти последние вынуждены утихомиривать порочных духов принесением кровавых жертв, которые те пожирают. Посвященные также умеют с помощью соответствующих обрядов и силою заклинаний заставлять их служить своим замыслам и направлять их против недругов, которых они задумали погубить[19].

Боги более не замыкаются в эфирных сферах, которые назначены им в удел. Если теогония представляет их объединенными в собрание на Олимпе вокруг их отца и повелителя, то космология раскрывает иной их аспект. Их энергия заполняет мир, и они предстают действующими началами всех изменений в нем. Огонь, который олицетворяет Вулкан[20], — это наиболее возвышенная из таких природных стихий, и ей поклоняются во всех ее проявлениях, будь оно огнем светил или блеском молний, оживляет ли оно все живое, вызывает ли рост растений или скрывается в лоне земли. Этот огонь неугасимо горел на алтарях в глубине подземных святилищ, и поклонявшиеся ему страшились осквернить его чистоту[21] кощунственным прикосновением.

Адепты этого учения простодушно полагали, что огонь и вода являются братом и сестрой, и относились к обоим с одинаково суеверным почтением. Они в равной мере поклонялись соленой волне, наполняющей глубокое море, которую точно также могли называть Нептуном или Океаном[22], источникам, бьющим из недр земли, рекам, текущим по ее поверхности, и озерам, раскинувшимся по ней чистыми гладями. Невдалеке от храмов тек неиссякающий родник[23], которому посетители поклонялись и приносили дары. Этот вечный источник[24] был одновременно образом материальных и нравственных даров, которыми неисчерпаемая доброта бесконечного Времени оделяет все мирозданье, и отображением духовного обновления, которое даруется преображенным душам в блаженстве вечности[25].

Земля, производящая и питающая, — Земля-Мать, оплодотворяемая небесными водами, также занимала довольно значительное место если не в ритуале, то во всяком случае в самом учении[26]. К четырем главным Ветрам, которые были поставлены в связь с обожествленными персонификациями Времен года, обращались в молитвах как к гениям, то благоприятствующим, то грозным (рис. 14)[27].

Помимо того, что к ним обращались с жалобами, как к своевольным судиям, приносящим холод или тепло, затишье или бурю, увлажняющим или иссушающим по очереди воздушную среду, дающим народиться весенней зелени и заставляющим увидеть осеннюю листву, их почитали также в качестве различных проявлений Воздуха, первоосновы всякой жизни[28].

Иными словами, митраизм обожествлял четыре стихии, из которых, согласно древней физике, составлялась вселенная. Часто воспроизводимая аллегорическая композиция, в которой лев символизировал собой огонь, кратер — воду и змея — землю[29], изображала борьбу противостоящих друг другу и вечно пожирающих друг друга стихий, из чьих нескончаемых превращений и бесконечно разнообразных сочетаний происходят все явления природы (см. рис. 5). Змея часто ползет к чаше или даже взбирается на нее, обвивая снизу ее основание или ручку, явно для того, чтобы выпить ее содержимое. Лев, в свою очередь, часто лежит перед змеей и наблюдает за ней, в других композициях он угрожающе направляется к кратеру или кладет на него обе лапы, чтобы завладеть им, либо приседает на задних лапах, готовый броситься на противника, дабы отобрать у него пищу[30].

Гимны со странной символикой воспевают метаморфозы, порождаемые в мире противопоставлением этих четырех первоначал[31]. Верховный бог правит колесницей, запряженной четверкой скакунов, которые вечно несутся по неизменному кругу. Первый из них, несущий на своей блистающей коже знаки планет и созвездий, — резв и силен, и он с величайшей скоростью скачет по внешнему краю обозначенного пространства. Второй, менее сильный и не такой быстрый, имеет темную масть, и один бок его освещен лучами солнца; третий бежит еще

медленнее, и четвертый, грызя медные уздечки, поворачивается вокруг своей оси, в то время как его спутники движутся вокруг него, словно вокруг столба. Эта квадрига долгое время кружит без помех, равномерно проделывая свой неизменный путь; но в какой-то определенный момент от жгучего дыхания первого коня загорается великолепная грива четвертого, затем его сосед, выбившись из сил, орошает его обильным потом. Наконец происходит еще более чудесное явление: вид упряжки преображается, кони меняют свою природу, причем таким образом, что сущность всех переходит к самому горячему и сильному среди них, подобно тому, как скульптор, вылепив фигурки из воска, стал бы отрывать от одной кусочки его, чтобы дополнить остальных, и закончил бы тем, что слил бы все их в одну. Тогда конь — победитель в этой божественной битве, сделавшись всемогущим благодаря своему триумфу, сливается даже с божеством, правящим колесницей. Первый конь служит воплощением огня или Эфира, второй — воздуха, третий — воды и четвертый — земли; напасти, которые обрушиваются на этого последнего, символизируют пожары и наводнения, вечно причиняющие горе нашему миру, а победа первого является образом финального мирового пожара, который разрушит существующий порядок вещей.

Космическая квадрига, которой правит не познаваемая чувствами Причина, никогда не изображалась в священной иконографии. Последняя всегда ставила во главе этой символической упряжки видимого бога. Члены секты Митры, как и древние персы, поклонялись Солнцу, которое каждый день пересекало на колеснице пространство небесного свода и в сумерках спускалось, чтобы погасить свои огни в океане. Когда оно появлялось на горизонте, его светлые лучи обращали в бегство духов тьмы, и оно очищало творение, которое возвращало к жизни своим сиянием [32]. Именно поэтому его почитали под именем «Восходящего Солнца» [33]. Подобным же образом поклонялись Луне, которая проезжала в высших сферах на повозке, влекомой белыми быками. Это сельскохозяйственное животное-производитель в целом было соотнесено с данной богиней, которая ведала произрастанием растений и рождением живых существ [34].

Таким образом, стихии не являлись единственными природными объектами, обожествляемыми в мистериях. Светоносные боги, оплодотворяющие природу, в меньшей степени почитались в них, так же, как и в первоначальном маздеизме, но те представления, которые арии с ними связывали, претерпели глубокие изменения под влиянием халдейских учений.

Как мы уже говорили, старые верования персов подверглись в Вавилоне сильному влиянию научной, по внешнему своему виду, теологии, и большинство иранских богов было отождествлено со светилами, которым поклонялись в долине Евфрата. Таким образом, они восприняли новый характер, совершенно отличный от их первоначальной природы, и даже их божественные имена получили и сохранили, придя на Запад, двойное значение. Магам так и не удалось согласовать эти новые доктрины со своей старой религией, так как семитская астрология во многом была несовместима с иранскими натуралистическими представлениями, равно как и с греческим язычеством. Но, рассматривая эти противоречия лишь с точки зрения простых различий в уровне познания единой истины, жрецы позволяли лишь избранной элите приобщиться к маздеистским учениям о происхождении и конце мира и человека, тогда как остальной массе приходилось довольствоваться ослепительным внешним символизмом, навеянным мировоззрением халдеев. Астрономические аллегории скрывали от любопытства профанов истинное существо священных понятий, и надежда на полное просвещение, откладываемое на долгий срок, поддерживала пылкость веры гипнотическим соблазном тайны [35].

Наиболее могучими из этих звездных божеств, которых призывали преимущественно и которым предназначалась большая часть приношений, были Планеты. В соответствии с астрологическими учениями, за ними признавались такие свойства и отношения, основания для которых зачастую ускользают от нас. Каждая из них правила одним днем недели, каждой был посвящен свой металл, каждая находилась в связи с определенным уровнем посвящения, и число их придавало цифре «семь» особую религиозную силу [36]. Согласно поверью, души, нисходя с небес на землю, получали от каждой по очереди ее качества и ее страсти. Их часто изображали на памятниках — либо в виде символов, которые ассоциировались со стихиями, составлявшими тот или иной образ, или с жертвами, приносимыми в их честь, либо в облике бессмертных, заседающих в собрании на греческом Олимпе, — Гелиоса, Селены, Ареса, Гермеса,

Зевса, Афродиты, Кроноса[37]. Однако эти изображения имеют здесь совершенно иную ценность, по сравнению с той, что признавалась за образами Ахура Мазды, Зервана и других маздеистских богов. Их не рассматривали более в качестве олицетворений Неба или бесконечного Времени, но видели в них лишь сияющие звезды, чей путь через созвездия можно было проследить. Такая двойная система интерпретаций применялась, в частности, к солнцу, которое либо отождествлялось с Митрой, либо воспринималось вне связи с ним. В действительности в мистериях существовало два солярных божества, одно — иранское, унаследовавшее Хварно персов, другое — семитское, заместившее собой вавилонского Шамаша, отождествляемого с Митрой[38].

Наряду с планетарными богами, еще сохранявшими двойственный характер, существовали и чисто звездные божества, которым также воздавалась дань поклонения. Двенадцать знаков Зодиака, которые в своем каждодневном вращении подвергают все сущее воздействию разнородных влияний, были представлены во всех святилищах Митры в их традиционном виде (рис. 15)[39].

Каждый из них, разумеется, являлся объектом особого поклонения в те месяцы, над которыми они властвовали, и их любили изображать, группируя по три знака вместе, в соответствии с Временами года[40], к которым они принадлежали, и культ которых был связан с их культом. Митраисты, по-видимому, действительно, в соответствии с астрологическими доктринами, поклонялись не только Времени, осознаваемому в качестве первичной Причины, но и всем формам его проявления, — Векам, Годам, Временам года, Месяцам, Дням и Часам, — за которыми подобным же образом признавалась божественная сила[41].

Знаки Зодиака были не единственными созвездиями, которые жрецы ввели в свою теологическую систему. Астрокосмический метод интерпретации, единожды принятый в мистериях, был распространен на всех без исключения пригодных для этого персонажей. Не было такого объекта или животного, которого нельзя было так или иначе рассматривать в качестве образа астрологической группы. Так, ворон, кратер, собака, лев, которые обычно окружали тавроктонного Митру, были с легкостью соотнесены с созвездиями, носящими те же названия[42]. Обе небесные полусферы, проходящие поочередно над и под земной поверхностью, также были персонифицированы и слились с Диоскурами, которые, согласно эллинскому сказанию, оживляют и умерщвляют попеременно[43]. Мифология смешивалась с обширной эрудицией: гимны описывают героя, похожего на греческого Атланта, который неустанно держит на своих плечах купол небесного свода, и в котором видели изобретателя астрономии[44]. Но эти полубоги были оттеснены на задний план; планеты и знаки Зодиака всегда неоспоримо сохраняли свое первостепенное положение, поскольку именно они, по мнению астрологов, в первую очередь управляли жизнью людей и всем ходом вещей.

Это основное учение, которым Вавилон наделил маздеизм: вера в Неизбежность, понятие неотвратимой Судьбы, которая направляет ход событий в этом мире и связана с круговоротом звездного неба. Эта судьба, отождествляемая с Зерваном, сделалась Верховным божеством, породившим и управляющим всем мирозданием. Развитие последнего подчинено неизменным законам, и его различные части связаны между собой внутренней общностью. Расположение Планет, их каждое мгновение меняющееся взаимоотношение и энергия порождают череду земных явлений. Астрология, для которой эти постулаты служили догматическими основами, безусловно, отчасти обязана своим успехом пропаганде митраизма[45], а сей последний, таким образом, в некоторой степени повинен в том, что эта псевдонаука, сопровождаемая целым шлейфом ошибок и страхов, все же одержала победу на Западе[46].

Жесткая логика ее умопостроений обеспечивала этой величайшей химере более полную власть над мыслящим духом, нежели вера в силы преисподней и в заклинания, но эта последняя оказывала большее действие на легковерие толпы. Признание независимой власти за злым началом в маздеизме давало оправдание всем его оккультным практикам. Некромантия и онейромантия (толкование снов), вера в сглаз и в талисманы, в порчу и в заговоры, все эти детские или злонамеренные суеверия древнего язычества находили свое оправдание в деятельности, приписываемой демонам, которые беспрестанно вмешиваются в людские дела. Наиболее тяжкий упрек, который можно инкриминировать персидским мистериям, состоит в том, что они потворствовали, а возможно, и наущали всем этим предрассудкам. Не случайно

обывательский ум сделал из наименования «маг» синоним слову «колдун»[47].

Ни концепция о суровой необходимости, неутомимо толкавшей род человеческий к неведомому исходу, ни даже боязнь зловредных духов, добивающихся его гибели, не были способны привлечь массы к алтарям митраистских богов. Суровая жестокость этих мрачных учений смягчалась верой в спасительные силы, сочувствующие страданиям смертных. Даже планеты, в противоположность мнению, выраженному в дидактических трудах теоретиков-астрологов, не были теми космическими силами, чье благоприятное или пагубное влияние усиливалось или ослабевало, следуя изгибам установленного пути всей вечности. Они, согласно учению древней халдейской религии, были божествами, которые способны видеть и слышать, радоваться или печалиться, чей гнев можно было смягчить и чьего благорасположения добиться с помощью молитв и жертвоприношений. Адепт находил опору в своей вере в благотворных защитников, которые, не ведая покоя, сражались с силами зла[48].

К сожалению, гимны, воспевавшие подвиги богов, почти полностью утрачены, и их этнические традиции известны нам лишь по памятникам, которые служат иллюстрациями к ним. Тем не менее, характер этой сакральной поэзии все же дает себя знать в дошедших до нас фрагментах. Так, деяния Веретрагны, этого маздеистского Геркулеса, были воспеты в Армении — в этих гимнах говорится о том, как он подавил драконов и помог Юпитеру победить чудовищных исполинов[49], и римские адепты так же, как почитатели Авесты, сравнивают его с воинственным и сокрушающим все вепрем[50].

Тем не менее, героем, игравшим наиболее значительную роль в этих воинских сказаниях, был Митра. Ему приписывались подвиги, которые в зороастрийских сочинениях были отнесены на счет других божеств. Вокруг него сложился целый цикл легенд, которые только и служат объяснением той первостепенной роли, которая признавалась за ним в культе. Именно в честь совершенных им славных деяний, имя этого бога, вовсе не занимавшего в небесной иерархии высшего положения, послужило названием для распространившихся на Западе персидских мистерий.

Как мы уже могли видеть, Митра считался у древних магов богом света, и поскольку свет распространяется через воздух, предполагалось, что этот бог обитает в средней зоне, между небом и преисподней, благодаря чему его называли *μεσίτης* (посредник)[51]. С тем, чтобы обозначить это его качество в ритуале, ему посвящали шестнадцатый день каждого месяца, то есть день в его середине. Когда Митра был отождествлен с Шамашем, то, соотнося с ним данное имя «посредника», несомненно, принимали во внимание и то, что согласно учениям халдеев, солнце занимало четвертую ступень, то есть среднее положение, в хоре семи Планет[52]. Однако это срединное положение не рассматривалось как чисто пространственное, — ему придавали также нравственное значение. Митра являлся «посредником» между непознаваемым и недостижимым богом и родом человеческим, пребывающим тут, на земле[53]. Шамаш уже обладал в Вавилоне аналогичными функциями, и даже греческие философы признавали в сияющем своде, несущем нам свет, вечно явленный образ[54] невидимого Божества, чье бытие постигается лишь силою разума[55].

Митра был известен на Западе по большей части именно в этом своем случайном качестве солнечного божества, и его изображения часто напоминают о таком характере его восприятия. В обычай вошло изображать его между двумя фигурками детей, один из которых держал поднятый вверх факел, а другой — факел опущенный. Этим детям были даны загадочные наименования (*Cautes*) и (*Cautopates*)[56], и они являлись не чем иным, как двойным воплощением самого Митры (рис. 16).

Эти два факелоносца и тавроктонный герой образовали триаду, и такой «тройной Митра»[57] рассматривался либо как образ дневного светила, об утреннем приходе которого возвещает петух, который в полдень победно шествует в зените, а вечером утомленно склоняется к горизонту, либо как солнце, которое, набирая силу, входит в созвездие Тельца и отмечает начало весны, это — то солнце, чей всепобеждающий жар оплодотворяет природу в середине лета, и то, что, ослабев, приходит через знак Скорпиона и возвещает приход зимы[58]. С другой точки зрения, в одном из факелоносцев видели символ тепла и жизни, а в другом — символ холода и умирания. Точно также существовали различные трактовки этой группы во главе с тавроктонным героем, использовавшие астрономическую символику, — скорее, более наду-

манные, нежели рациональные[59]; однако такие «звездные» интерпретации оказываются не более чем игрой ума, которой забавлялись неопитов, прежде чем посвятить их в эзотерические доктрины, восходившие к древней иранской легенде о Митре. Само это сказание ныне утрачено, но барельефы могут поведать нам некоторые его эпизоды, и его содержание, как представляется, было примерно следующим[60].

В мифологии магов свет, изливающийся с неба, которое представлялось в виде твердого купола, сделался Митрой, родившимся из скалы, и его называли «богом, вышедшим из скалы» (*)[61]. Сохранившаяся традиция утверждает, что эта «Родящая скала»[62], изображению которой поклонялись в храмах, произвела его на свет на берегу реки, в тени священного дерева, и лишь пастухи, спрятавшиеся на горе по соседству, наблюдали чудо его явления в мир[63]. Они видели, как он отделился от скалистой груди, — голову его украшал фригийский колпак, он уже был вооружен ножом и держал факел, освещавший темное пространство[64] (рис. 16а). Тогда, поклонившись божеству-ребенку, пастухи принесли ему в дар первый приплод от своих стад и первые плоды от своего урожая. Но юный герой был наг, и ему нечем было прикрыться от яростных порывов ветра; он укрылся в ветвях смоковницы, затем, срезав своим ножом плоды с нее, он добыл себе пропитание, а оборвав с нее листву, сделал себе одежду[65]. Так, снарядившись для битвы, он мог теперь потягаться с другими силами, населявшими чудесный мир, в который он вышел. Ибо, хотя пастухи уже пасли свои стада, все это происходило еще до появления на земле людей.

Первым богом, с которым Митра померился силами, было Солнце (рис. 17).

Этот последний был вынужден признать превосходство своего соперника и получил от него вознаграждение. Его победитель надел на его голову украшенную лучами корону, которую тот стал носить с этого момента, совершая свой каждодневный путь. Затем Митра велел ему подняться и, взяв его за правую руку, заключил с ним торжественный договор о дружбе. С этих пор оба героя-союзника верно помогали друг другу во всех предприятиях[66].

Наиболее удивительным из всех этих эпических приключений был поединок Митры с быком, первым живым существом, созданным Юпитером-Оромаздом[67]. Действие этого наивного сказания относит нас к самым истокам цивилизации. Оно могло возникнуть лишь среди народа пастухов и охотников, для которых скот, — источник всех богатств, — сделался объектом религиозного поклонения, и укрощение дикого быка представлялось столь славным подвигом, что даже бога не могла унижить такая охота. Такой вот неукротимый бык ходил по горным лугам; герой, совершив отважный маневр, схватил его за рога и вскочил на него верхом. Свирепое четвероногое животное припустило галопом, пытаясь сбросить своего наездника в неистовой скачке, но этот последний, хотя и сорвался с его спины, но не ослабил своей хватки; он потащился за быком, повиснув на рогах животного, которое вскоре изнемогло и было вынуждено покориться. Тогда его победитель, схватив его за задние ноги, понес в пещеру, которая служила герою жилищем, встречая на пути всевозможные препятствия (рис. 18).

Митра приобрел странное прозвище «бога, крадущего быков» (βοῦκλόπος θεός)[68]. Этот трудный «Переход» (Transitus)[69] бога, несущего быка, по-видимому, стал аллегорией людских испытаний. Но быку, конечно же, удалось вырваться из своей тюрьмы и убежать в поля[70]. Тогда Солнце отправило своего посланца — ворона — передать своему союзнику приказ убить беглеца[71]. Митра с неохотой исполнил эту жестокую миссию, однако, подчинившись велению небес, он, со своей резвой собакой, пустился в погоню за беглым животным, настиг его в тот момент, когда оно пыталось скрыться в покинутой им пещере, и, схватив его одной рукой за ноздри, другой вонзил ему в бок свой охотничий нож.

Тогда произошло небывалое чудо: из тела умирающей жертвы родились все полезные травы и растения, которые покрыли своей зеленью всю землю. Из спинного мозга быка произрастала пшеница, дающая хлеб, а из его крови — виноградная лоза, которая родит священный напиток, употребляемый в мистериях, — чудесное цветение, о котором художники скромно напоминают, изображая на конце хвоста быка пучок колосьев. Злой дух вознамерился выпустить против мучительно умиравшего животного своих нечистых тварей, чтобы отравить в нем источник жизни; скорпион, муравей и змея безуспешно пытались пожрать родильные органы и выпить кровь быка-прародителя: они не смогли помешать чудесному творению. Семя быка, собранное и очищенное Луной, дало рождение всем видам полезных животных, а его

душа, охраняемая собакой, верным спутником Митры, поднялась в небесные сферы, где, обожествленная, под именем Сильвана, стала защитником стад. Так, смиренно покорившись повелению, тавроктонный герой сделался творцом всех благих существ, и из смерти, причиной которой он стал, родилась новая, более богатая и плодородная жизнь [72].

Тем временем к жизни была вызвана первая пара людей, и Митре было поручено заботиться об этом привилегированном роде. Тщетно Дух тьмы вызывал всяческие бедствия, чтобы погубить их, — бог всегда умел разрушить его роковые замыслы. Сперва Ахриман опустошил поля, настав на них постоянную засуху, и их жители, измученные жаждой, воззвали к помощи его всегда торжествующего противника. Божественный лучник пустил стрелы в отвесную скалу, и из нее забил источник живой воды, к которому взывавшие пришли, чтобы глотнуть влаги пересохшим горлом [73]. Далее на мир обрушился еще более страшный катаклизм, угрожая погубить всю природу. Всемирный потоп опустошил Землю, нахлынув на нее волнами морей и рек, вышедших из берегов. Но один человек, предупрежденный богами, построил лодку и спасся вместе со своим скотом в ковчеге, плававшем по водным пространствам. Вслед за тем огонь принялся опустошать мир, пожирая хлевы и дотла сжигая жилища [74]; но творения Оромазда все же избежали этого нового бедствия благодаря небесной защите, и отныне род человеческий смог плодиться и возрастать в мире.

Героический период истории завершился, и земная миссия Митры была исполнена. Он вместе с Гелиосом и другими своими помощниками в делах отметил окончание их совместных битв величайшим пиром, в память о котором посвященные устраивали мистические трапезы. Затем боги вззошли на небо. Митра, увозимый Солнцем на лучезарной квадриге, преодолел Океан, которому не удалось его поглотить (рис. 19) [75], и отправился жить к другим бессмертным; но и с высоты небес он должен был непрестанно защищать тех, кто ему поклонялся и благочестиво служил.

Это мифологическое сказание о начале мира позволяет нам более ясно увидеть ту роль, которую играл в культе тавроктонный бог, и лучше понять, что желали выразить языческие теологи, именуя его посредником. Митра является творцом, которому Юпитер-Оромазд доверил все труды по устройству и поддержанию природного миропорядка. Говоря философским языком того времени, он — Логос, эманация бога, сопричастная его всемогуществу [76], которая, сотворив мир в качестве демиурга, продолжает хранить его. Первоначальное поражение Ахримана не сделало его бессильным. Борьба добра и зла продолжается на Земле между посланниками олимпийского владыки и повелителя демонов; она не утихает и в небесных сферах, выражаясь в противостоянии благоприятных и враждебных светил, и отражается в сердце человека, как малого подобию вселенной.

Жизнь есть испытание, и чтобы выйти из него с победой, должно соблюдать Закон, данный древним магам самим божеством. Выполнение какого же долга предписывал митраизм своим адептам, каковы были его «заповеди» [77], которым верующие должны были следовать, чтобы получить вознаграждение в мире ином? Наша чрезвычайная неуверенность по данному поводу остается на прежнем уровне, поскольку мы не имеем никаких оснований сопоставлять содержащиеся в мистериях предписания с теми правилами, которые сформулированы в Авесте. Тем не менее, кажется несомненным, что нравственные постулаты, разделяемые магами Запада, не дрогнули под натиском вольнодумства вавилонских культов, и что они сохранили в себе возвышенный характер морали древних персов. Совершенная чистота осталась для них той целью, к которой должно быть устремлено все существо верующего. Их ритуал включал в себя постоянные обряды очищения и омовения, которые призваны были выводить из души все нечистое [78]. Такая очистительная функция вполне соответствовала традициям маздеизма и отвечала в то же время общим тенденциям эпохи. Уступая этим тенденциям, митраисты даже доводили свои принципы до крайности, и их идеал совершенства начал склоняться в сторону аскетизма. Они считали похвальным воздержание от некоторых видов пищи и абсолютное целомудрие [79].

Соппротивление чувственности было одним из аспектов борьбы против злого начала. Служители Митры должны были неустанно вести эту борьбу против приспешников Ахримана, которые самыми разнообразными способами пытались оспаривать у богов их власть над миром. Эта дуалистическая система была весьма приспособлена для того, чтобы поощрять инди-

видуальные усилия и развивать человеческую энергию. Митраисты не погрязали, подобно прочим сектам, в созерцательном мистицизме; для них добро заключалось в действии. Они ставили силу выше смиренной кротости, и предпочитали храбрость мягкосердечию. От долгого соприкосновения с варварскими культами в их морали, возможно, остался даже некоторый запас жестокости. Будучи религией солдат, митраизм более всего прославлял воинские доблести.

Митра поддерживает ревнителя благочестия в борьбе, которую тот непримиримо ведет против зловредности демонов. Митра — это приходящее на помощь божество, которое никогда не призывают всуе, он — надежное убежище, якорь спасения для смертных в их душевных терзаниях, сильный соратник, в минуты слабости поддерживающий их в испытаниях[80]. Как и у персов, он всегда является защитником правды и справедливости, охранителем святости, самым грозным противником сил преисподней[81]. Вечно юный и могучий, он безжалостно преследует их; его, «всегда бодрствующего, всегда бдительного», ничто не в состоянии обмануть[82], и он всегда выходит победителем из своих беспрестанных поединков. Эта мысль без конца повторяется в надписях, употребляющих его персидское прозвище Набарз (рис. 20)[83], греческие и латинские эпитеты (*invictus*, *insuperabilis*)[84]. Как бог воинства, Митра дарует своим подопечным победу над их противниками-варварами, и даже в моральной сфере он помогал им восторжествовать над порочными побуждениями, внушенными им Духом лжи, и обеспечивал им спасение в этой жизни и в мире ином[85].

Как и все восточные секты, поклонники персидских мистерий вплетали в свои космогонические сказания и теологические построения идеи освобождения и искупления[86]. Они верили в сознательное бытие после смерти божественной сущности, заключенной в человеке[87], в загробное возмездие и вознаграждение. Души, нескончаемое множество которых населяло горние обители, нисходили на землю, чтобы одухотворить людское тело, побуждаемые к тому либо горестной необходимостью падения в этот материальный и извращенный мир, либо своим собственным стремлением прийти в него для сраженья с демонами. Когда после смерти дух разложения захватывал тело, и душа покидала свою телесную темницу, дэвы тьмы и посланники небес оспаривали друг у друга право на нее. Их суд решал, была ли она достойна вознестись в рай. Если душа была запятнана нечистой жизнью, посланцы Ахримана утаскивали ее в бездну преисподней, где ее подвергали бесчисленным мучениям, либо, в знак ее унижения, ее иногда приговаривали к вселению в тела нечистых животных[88]. Если, напротив, ее заслуги перевешивали ее провинности, она поднималась в высшие сферы. Небеса подразделялись на семь сфер, соотносившихся каждая со своей планетой. Своего рода лестница, состоящая из восьми наложенных друг на друга дверей, из которых первые семь были отлиты из семи разных металлов, служила в храмах символическим напоминанием о том пути, которым надлежит следовать, чтобы достичь высшей области незыблемых звезд[89]. Фактически, чтобы перейти с одного этажа на другой, следовало всякий раз преодолеть врата, охраняемые одним из ангелов Оромазда. Только посвященные в мистерии, которые были обучены соответствующим формулам, знали, как смягчить этих непреклонных стражей. По мере того как душа проходила через эти различные зоны, она, словно одежды, сбрасывала с себя страсти и другие свойства, полученные ею во время ее сошествия на землю: она оставляла Луне ее жизненную и питающую энергию, Меркурию — его корыстные наклонности, Венере — ее любовные вожделения, Марсу — воинский пыл, Юпитеру — его честолюбивые стремления, Сатурну — склонность к лени. Нагая, сбросившая с себя бремя всех пороков и всякой чувственности, она, возвышенное существо, всходила на восьмое небо, дабы в вечном свете, где пребывают боги, наслаждаться бесконечной красотой[90].

Именно Митра, охранитель истины, является главным вершителем суда над душой после кончины человека, именно он, посредник, ведет своих адептов по опасному пути их восхождения на небеса, он же — небесный отец, принимающий их в свою сияющую обитель как вернувшихся из дальнего странствия детей[91].

Блаженство, предназначенное для утонченных монад в мире духа, было трудно доступным для понимания посулом, и, вероятно, представлялось не слишком соблазнительным профанному рассудку. Иное вероучение, которое являлось своего рода распространением первого, предлагало ему перспективу наслаждений более материального характера. Доктрина о бес-

смертии души была дополнена учением о воскресении тела[92].

Борьба между началами добра и зла не должна была длиться до бесконечности; когда истекут назначенные для нее века, насланные Ахриманом бедствия возвестят о конце света[93]. Чудесный бык, подобный быку первобытных времен, вновь появится тогда на земле, и Митра снова убьет его и воскресит людей. Все тогда восстанут из своих могил, и обретут свой прежний облик, и узнают друг друга. Все человечество объединится в одно великое собрание, и бог истины отделит дурных от благих. Затем он произведет заклание высшей жертвы — божественного быка, смешает его тук с освященным вином и даст праведным выпить этого чудесного напитка, который дарует им бессмертие. Тогда Юпитер-Оромазд, уступая мольбам снискавших блаженство, заставит пасть с небес всепожирающий огонь, который уничтожит всех злобствующих. Поражение духа тьмы свершится окончательно во всеобщем пожаре. Ахриман и его нечистые демоны погибнут, и обновленная вселенная вкусит вечное наслаждение совершенным блаженством.

Нас, ни в коем мере не затронутых этой милостью, могла бы привести в замешательство непоследовательность и абсурдность этого свода доктрин в том виде, в каком он был нами реконструирован. Наивная и в то же время надуманная теология соединила в нем первобытные мифы, в которых еще просвечивают следы натуралистического мировоззрения, с астрологической системой, чары рационализма которой могут лишь выдать ее исконную фальшь. Все несуразности древних политеистических верований сосуществуют в нем рядом с философскими теориями о развитии вселенной и предназначении человека. Здесь совершенно явно видна несогласованность между традицией и рефлексией, и вдвойне очевидной ее делает антиномическое противоречие между доктриной фатализма и верой в действенную силу молитвы и в необходимость культовых отправок[94]. Но эту религию, не более чем любую другую, следует рассматривать с точки зрения ее метафизической истинности. И препарировать этот окоченевший труп с тем, чтобы констатировать внутренние изъяны его организма, было бы неподобающим делом в наши дни. Смысл для нас состоит лишь в том, чтобы понять, как существовал и развивался митраизм и каким образом ему чуть было не удалось завоевать мировую империю.

Своим успехом он, безусловно, в значительной мере обязан нравственной стороне своего учения, в высшей степени располагавшей к постоянной активности. В эпоху идейного разброда и расслабленности посвященные в мистерии находили в ее предписаниях и опору, и действенный стимул. Убежденности в том, что адепт этого учения вступает в ряды священного воинства, облеченного миссией вместе с благим началом вести борьбу с силами зла, было вполне достаточно для того, чтобы вызвать в нем благочестивое рвение и превратить его в горячего сторонника.

Мистерии обладали и еще одним мощным средством воздействия на людские чувства, подпитывая некоторые из наиболее возвышенных человеческих устремлений: жажду бессмертия и восстановления окончательной справедливости. Надежды на загробную жизнь, которые эта религия внушала своим посвященным, являлись одним из секретов ее могущества в эти смутные времена, когда душу всякого человека снедал страх потустороннего.

Однако многие секты открывали перед своими адептами достаточно утешительные перспективы будущей жизни. Особая привлекательная сила митраизма заключалась в еще одном качестве его вероучительной системы. Последнее вполне отвечало чаяниям просвещенного ума и доходило до сердца простого народа. Апофеоз Времени, как первичной Причины, и обожествление Солнца, его осязаемого воплощения, которое поддерживает тепло жизни на Земле, являлись концепциями в высшей степени философскими. Культ почитания Планет и Созвездий, чье движение определяло ход земных событий, четырех Стихий, бесконечные формы сочетаний которых образовывали все природные феномены, сводился в целом к поклонению началам и перво двигателям, познанным античной наукой, и теология мистерий в этом отношении служила лишь формой религиозного представления римской физики и астрономии[95].

Такое теоретическое соответствие догматов, открываемых в посвящении, идеям, принятым в науке, способно было прельстить просвещенный разум, но они ничем не могли пленить невежество души простого народа. Напротив, в последней должно было создаться впечатление о них, как об учении, бросающем вызов всей видимой и осязаемой действительности. Боги были повсюду, и они вмешивались во все дела повседневной жизни. Огонь, на котором приготавливалась пища верующих, и который подогревал ее, вода, которой они утоляли жажду, и

которая их очищала, даже воздух, который они вдыхали, и день, дававший им свет, были объектами их поклонения. Вероятно, ни одна религия в такой степени, как митраизм, не давала своим adeptам множества поводов для молитвы и богочитания. Когда посвященный отправлялся вечером в священный грот, скрытый в глуши лесов, с каждым его шагом новые ощущения пробуждали в его сердце мистическое волнение. Сиявшие на небе звезды, ветер, волнующий листву, источник или ручей, стекавший с горы, даже сама Земля, по которой он ступал, — все было божественным в его глазах, и вся окружающая его природа внушала ему почтительный страх перед бесчисленными силами, действующими во вселенной.

Глава V. БОГОСЛУЖЕНИЕ, ДУХОВЕНСТВО И ПАСТВА

Во всех религиях классической античности существовал один аспект, в свое время занимавший весьма значительное место, а для основной массы верующих, возможно, наиболее важный, который ныне почти полностью недоступен нашему взору, — это богослужение. Мистерии Митры не составляют исключения из этого печального правила. Священные книги, содержащие молитвы, которые читали или пели во время служб, посвятельные обряды и ритуалы праздников, — все это было утрачено почти без следа[1]. Один плохо сохранившийся стих, взятый из неизвестного нам гимна, — вот приблизительно все, что осталось нам от когда-то весьма обширного собрания текстов[2]. Древние гатха, сложенные в честь маздеистских богов, в эпоху Александра были переведены на греческий язык, который долгое время, даже на Западе, оставался языком митраистского культа. К священному тексту примешивались слова-варваризмы, непонятные для несведущих, но они лишь внушали еще большее почтение к этому древнему своду формул и повышали доверие к их действенной силе[3]. Таковы были эпитет Набарз, «побеждающий», прилагаемый к Митре[4], или неясные молитвенные призывы Nama и Nama Sebesio, высеченные на обнаруженных барельефах, которые никто еще не сумел разъяснить[5]. Тщательное и точное соблюдение всех традиционных ритуалов культа, которым отличались маги Малой Азии, сохранилось в обычае и у их преемников — римлян. В конце эпохи язычества эти последние еще славилась тем, что почитали своих богов в соответствии с древними персидскими обрядами, ради установления которых некогда явился Зороастр. За счет этих обрядов их культ сильно отличался от всех прочих, отправляемых одновременно с ним в Риме, и подобный ритуал никогда не позволял своим adeptам забывать об иранском происхождении собственной религии[6].

Если бы в один прекрасный день судьба подарила нам какой-либо митраистский молитвенный сборник, мы смогли бы изучить по нему эти древние обряды и мысленно поприсутствовать на церемонии богослужения. Но, будучи лишенными такого необходимого руководства, мы отлучены от святилища и можем судить о внутреннем распорядке мистерий лишь по некоторым просочившимся слухам. Текст святого Иеронима, подтверждаемый рядом надписей[7], сообщает нам о том, что существовало семь степеней посвящения, и что участник мистерий (μύσθηρ, *sacratus*) последовательно принимал наименования Ворона (*corax*), Скрытого (*cryphius*), Воина (*miles*), Льва (*leo*), Перса (*perses*), Гонца Солнца (*heliodromus*) и Отца (*pater*). Эти странные обозначения не были простыми эпитетами, не имевшими практического значения. В некоторых случаях участники богослужений переодевались в костюмы, соответствующие присвоенному им званию. Их можно видеть на одном из барельефов, где на них надеты искусственные головы животных, воина и перса[8]. «Одни хлопают крыльями, как птицы, подражая голосу ворона, другие рычат, подобно львам, — рассказывает один христианин IV века[9]; — вот как позорно осмеяны те, кто называет себя мудрецами».

Эти священные маскарады, которые церковный автор выставляет на посмешище, интерпретировались языческими теологами в качестве аллюзии на знаки Зодиака или даже на метемпсихоз[10]. Такие расхождения в толковании свидетельствуют лишь о том, что истинный смысл этих переодеваний к тому времени уже не осознавался. В действительности они представляли собой пережиток первобытных обрядов, оставивший следы во многих культах. Посвященные в различные мистерии Греции и Малой Азии носили звания Медведей, Быков, Жеребцов и другие[11]. Они восходят к тем историческим или доисторическим временам, когда

сами божества представлялись в облике животных и когда верующий, принимавший имя и обличье своего бога, отождествлял себя с ним. Львиноголовый Кронос, ставший воплощением Времени (с. 141), заменил собой львов, которым поклонялись предтечи митраистов, так же, как маски из холста и картона, которыми римские участники мистерий покрывали свои лица, служили заменителем звериных шкур, в которые изначально переодевались их предшественники-варвары, — либо затем, чтобы вступить в общение с чудовищными идолами, которым они служили, либо потому, что, заворачиваясь в шкуры, снятые с туш, добытых на охоте, они приписывали этим кровавым облачениям очистительные свойства[12].

К первобытным наименованиям «Ворон», «Лев» впоследствии были добавлены другие, чтобы довести их перечень до священного числа семь. Семь степеней посвящения, через которые участник мистерий должен был пройти, чтобы достигнуть совершенной мудрости и чистоты, соответствовали семи планетарным сферам, которые проходила душа, добираясь до обители снискавших блаженство. Получивших звание Вóрона переводили затем в степень Скрытых (крύφιος). Представители этой категории, по-видимому, прятались под какое-то покрывало, скрывавшее их от глаз остальных присутствующих: их обнаружение (ostendere) являло собой торжественную церемонию[13]. Воин (miles) состоял в священном воинстве непобедимого бога и под его командованием сражался с силами зла[14]. Звание Перса напоминало об изначальном происхождении маздеистской религии; предполагалось, что получивший это звание принадлежит к тому единственному народу, который некогда был допущен к священным церемониям[15], и в качестве такового он переодевался в восточный костюм и надевал на голову фригийский колпак, который, по преданию, носил также Митра. Те, кого отождествляли с Солнцем, его служители, выступали под названием Гонцов Гелиоса (*)[16]. Наконец, титул «Отцов» был заимствован из греческих процессий, в которых таким почетным наименованием часто обозначали руководителей собрания[17].

В рамках этого семиуровневого деления верующих были установлены и некоторые другие различия. Из одного отрывка из Порфирия[18] можно заключить, что принадлежность к первым трем степеням посвящения не давала права участия в мистериях. Эти посвященные, которых можно сравнить с христианскими оглашенными, являлись Служителями. Для того чтобы получить этот статус, достаточно было принять посвящение в Вóроны, которых называли так, безусловно, потому, что в мифологии ворон был служителем Солнца. Только посвященные, получившие титул Львов, становились Участниками, и именно по этой причине звание Льва упоминается в надписях гораздо чаще всех остальных. Наконец, на вершине иерархии помещались Отцы, которые, видимо, возглавляли священные церемонии (pater sacrorum — отец, руководящий таинствами) и руководили остальными категориями верующих. Глава всех Отцов носил имя Pater Patrum (Отец над Отцами)[19], которое часто переделывали в Pater patratus (главный Отец)[20], вводя в иерархию закрепившейся в Риме секты официальный священнический титул. Эти главные владыки адептов до самой смерти сохраняли права руководителей всего культа. Почтение и любовь, которую должны были испытывать верующие к этим уважаемым сановникам, выражены в их наименовании «Отцы», а участники мистерий, которыми они руководили, называли друг друга «братьями», поскольку такие посвященные в одну веру (consacranei) должны были проявлять взаимную привязанность[21].

Принятие (asceptio) в ряды посвященных нижних рангов допускалось даже для детей[22]. Нам неизвестно, обязаны ли были посвящаемые оставаться на каждом уровне в течение определенного периода времени. Вероятно, сами Отцы решали, когда новичок был уже достаточно подготовлен к тому, чтобы принять более высокое посвящение, которое они производили (tradere) лично[23].

Эта торжественная церемония, по-видимому, носила название «таинства-присяги» (sacramentum)[24], поскольку неопита приводили к присяге, и он приближался по статусу к завербованному в армию новобранцу. Прежде всего, кандидат брал на себя обязательство не разглашать учение и обряды, которые должны быть ему открыты, но от него требовали и других, особых зарок. Так, члену секты, добивавшемуся титула Воина, подносили венец на мече. Он отводил его рукой к себе на плечо, говоря при этом, что Митра — его единственный венец[25]. С этого момента он более никогда не носил его, ни на пиршествах, ни даже если ему присуждали его в качестве военной награды, и отвечал тем, кто ему предлагал его: «Он при-

надлежит моему богу», то есть непобедимому божеству[26].

Мы так же плохо знаем богослужение семи митраистских посвящений, как и догматические наставления, которыми они сопровождалось. Тем не менее нам известно, что, в соответствии со старой иранской обрядовой системой, неофитам предписывалось совершать многочисленные омовения, своего рода крещение, которое призвано было смыть с них нравственную нечистоту[27]. Так же, как и в некоторых гностических сектах, очищение, несомненно, оказывало различное воздействие на каждой ступени посвящения, и оно, в зависимости от ситуации, могло представлять собой либо простое окропление освященной водой, либо настоящее омовение, как в культе Изиды.

Тертуллиан также сопоставляет христианскую конфирмацию с церемонией, в которой «воину ставили знак на лбу»[28]. Тем не менее, знак, или печать, которую налагали на чело, по-видимому, представлял собой не помазание, как в христианской литургии, а метку, вырезанную на куске раскаленного железа[29], подобную той, которую прикладывали рекрутам в армии, прежде чем привести их к присяге. Такой неизгладимый отпечаток увековечивал память о торжественной церемонии, посредством которой адепт принимал на себя обет служения своему богу в своего рода рыцарском ордене, каковым являлся митраизм. При переходе в разряд Львов требовались новые очистительные процедуры, но поскольку этот зверь служил эмблемой огненного начала (с. 154), во время совершения этого обряда не пользовались водой — элементом, враждебным огню, и, дабы предохранить посвящаемого от всякого порока и греха, ему на руки лили мед и смазывали им язык[30], подобно тому как по обычаю поступали с новорожденным. Тот же самый мед, ценимый за его предохранительные свойства, предлагался и Персу, как сообщает Порфирий[31]; и этому продукту, по-видимому, действительно приписывали чудесные свойства, так как считалось, что он возникает под влиянием Луны. Согласно древним представлениям, он был пищей блаженных, и употребление его неофитом делало того равным божеству[32].

В маздеистском богослужении жрец освящал хлеба и воду, которую смешивал с приготовленным им пленительным соком Хаома, и использовал эту пищу в ходе жертвоприношения[33]. Эти древние обряды сохранились и в митраистских церемониях посвящения; с той единственной разницей, что Хаома, растение неизвестное на Западе, заменялся виноградным соком[34]. Перед участником мистерии клали хлеб и ставили чашу, наполненную водой, над которой жрец произносил священные формулы. Такое причащение хлебом и водой, к которой, несомненно, примешивали затем вино, сравнивается церковными писателями с христианским причастием[35]. Как к таковому, к нему допускали только после длительного периода ученичества. Возможно даже, что только посвященные, достигшие степени «Львов», имели право принять его, и именно по этой причине им давали наименование «Участников». Один любопытный барельеф из Далмации демонстрирует нам эту священную трапезу (рис. 21).

Перед двумя персонажами, простершимися на ложе с подушками, стоит тренога с четырьмя маленькими хлебцами, на каждом из которых проведены две перекрещивающиеся бороздки, чтобы их можно было разломать[36]. Вокруг вышеупомянутых персонажей толпятся посвященные разных уровней, и один из них, Перс, подает им рог для питья, в то время как другой ритон находится в руках одного из приглашенных. Эти трапезы очевидно являлись ритуальным воспоминанием о пиршестве, которое Митра устроил совместно с Солнцем перед своим вознесением[37]. От этих мистических пиров, в особенности от принятия освященного вина, ожидали сверхъестественного результата: хмельной напиток не только давал телесную крепость и материальное процветание, но и даровал духовную мудрость; он придавал неофиту силы, необходимые для сражения со злыми духами и даже более того — обеспечивал ему, подобно его богу, славное бессмертие[38]. Благодаря таинственному свойству божественной пищи, верующий возвышался над своим человеческим состоянием, и по ту сторону роковой черты смерти ему было обеспечено блаженство[39].

Это вкушение святынь сопровождалось или, скорее, ему предшествовали другие обряды различного характера: это были подлинные испытания, которым подвергался кандидат. Последний для того, чтобы принять богослужebное омовение и священную пищу, должен был подготовиться к ним не только длительным воздержанием и многократным самоистязанием; ему приходилось претерпеть ряд драматических искупительных процедур особого рода, число

и последовательность которых остаются нам неизвестными. Если можно в этом отношении верить описанию христианского автора IV века[40], то неофиту завязывали глаза, стягивали ему руки цыплячьими жилами и затем заставляли прыгать через ров, наполненный водой; вслед за этим к нему приближался «освободитель» с мечом в руке и разрубал эти отвратительные путы. При других обстоятельствах доведенный до ужаса адепт, если не как действующее лицо, то по крайней мере как зритель, принимал участие в разыгранном убийстве, которое изначально, без сомнения, было реальным[41]. В конечном счете стали ограничиваться представлением меча, окрашенного кровью человека, умершего насильственной смертью[42]. Жестокость этих церемоний, которые в среде воинственных племен Тавра должны были превращаться в дикие оргии, была смягчена влиянием западной цивилизации. Они, несомненно, сделались, скорее, внушающими страх, чем опасными, и в них испытывалось, по всей видимости, моральное мужество посвящаемого, нежели его физическая выносливость. Идеалом, которого он должен был достигнуть, являлась стоическая апатия, отсутствие всякой чувственной эмоции[43]. Жестокие истязания, неисполнимые обеты умерщвления плоти, к которым слишком самонадеянные или, наоборот, слишком изобретательные авторы приговаривают адептов мистерий[44], следует отнести к области небылиц, так же, как и предполагаемые человеческие жертвоприношения, якобы совершавшиеся в полумраке священных склепов[45].

Тем не менее, не следует полагать, что митраизм, наподобие древнего франкмасонства, увлекался лишь безобидными фантасмагориями. В его богослужебных действиях всегда сохранялись остатки изначального варварства тех времен, когда во глубине мрачной пещеры или в лесах корибанты, завернутые в шкуры зверей, окропляли жертвенники их кровью. В римских городах затерянные в горах пещеры были заменены сводчатыми подземельями (*spelaea*), с виду гораздо менее впечатляющими (рис. 22).

Но даже в этих искусственных гротах обряды посвящения должны были приводить неофита в глубокое волнение. Когда, пройдя через паперть храма, он спускался по ступеням в склеп, — пред ним в святилище, блистающем украшениями и огнями, возникало установленное в апсиде священное изображение тавроктонного Митры, затем ужасающие статуи львиноголового Кроноса со всевозможными атрибутами и мистические символы, значение которых было еще скрыто для него. По обеим сторонам в полумраке коленопреклоненные или распростертые на каменных скамьях верующие молились или пребывали в глубоком сосредоточении. Фонари, расставленные вокруг хоров, бросали более яркий свет на изображения бога и на его служителей в странных костюмах, которые приветствовали новообращенного. Умело построенные неожиданные световые эффекты поражали его взор и его душу[46]. Охвативший его существо священный трепет придавал в действительности самым невинным изображениям впечатление грозного величия; незамысловатые фокусы, которые проделывались перед ним, представлялись ему серьезными опасностями, которые преодолевал его мужество. Забродивший напиток, который он выпивал, заставлял его чувства прийти в крайнее возбуждение, а разум — помутиться; он бормотал действенные заклинания, и перед его расстроенным воображением возникали божественные образы[47]. В экстазе ему казалось, что он уносится за пределы мироздания, и даже очнувшись, он все еще твердил, подобно участнику мистерий у Апулея[48]: «Достиг я пределов смерти, переступил порог Прозерпины и снова вернулся, пройдя все стихии, видел я пучину ночи, видел солнце в сияющем блеске, предстоял богам подземным и небесным и вблизи поклонился им»[49].

Традиция всего этого оккультного церемониала тщательно сохранялась жрецами, обученными богослужению и занимавшими обособленное от всех категорий посвященных положение. Первыми основателями этого жреческого сословия, безусловно, были восточные маги, но нам почти совершенно неизвестно, из кого они вербовались, и каким образом это сообщество организовывалось впоследствии. Было ли звание жреца наследственным, давалось ли пожизненно или они избирались на определенный срок? В этом последнем случае, кто был вправе избирать их, и каким условиям должны были удовлетворять кандидаты? Ни один из этих вопросов не исследован достаточно. Мы можем заключить лишь, что жрец, по-видимому, безотносительно ко всем остальным носивший звание жреца (*sacerdos*) или «главного жреца» (*antistes*), часто, но не всегда, являлся одним из «Отцов»[50]. В каждом храме обнаруживается один, иногда несколько таких служителей. Можно с полным основанием предположить, что в

этом «жреческом сословии»[51] была установлена определенная иерархия. Но мы не располагаем никакими данными, особо указывающими на подобную организацию, которая, вероятно, была устроена не менее основательно, чем организация магов сасанидского царства или манихеев Римской империи[52].

Роль жречества здесь, несомненно, была более значительной, нежели в древних греческих и римских культах. Жрец являлся по долгу служения посредником между людьми и божеством. Эти функции, очевидно, предполагали руководство священнодействиями и ведение службы. Надписи сообщают нам, помимо того, что жрецы возглавляли торжественные церемонии, связанные с посвящением богу различных приношений, или даже вместе с Отцами представляли в них сделавшего приношение верующего[53]; однако это было лишь малой частью той посреднической деятельности, которую они были призваны осуществлять. По-видимому, они были полностью поглощены возложенным на них религиозным служением. Жрец, разумеется, должен был следить за тем, чтобы на жертвенниках горел вечный огонь[54]. Три раза в день, на заре, в полдень и на закате дня, они возносили молитву Солнцу, обращаясь по утрам на Восток, в полуденное время к Югу и вечером — на Запад[55]. Ежедневное богослужение часто сопровождалось особыми жертвоприношениями. Совершающий его жрец, облаченный в священнические одежды, имитирующие одеяния магов, приносил небесным и подземным богам различные жертвы, кровь которых собиралась в чашу[56], либо совершал им жертвенное возлияние, держа в руке священный пучок прутьев, известный нам из Авесты[57]. Эти бескровные приношения совершались, безусловно, в честь небесных божеств, тогда как жертвоприношения живых существ, или, по крайней мере, диких зверей, предназначались демонам[58]. В этом проявлялись отличительные особенности этого богослужения и его дуалистический характер, в основе которого лежала практика поклонения и духам преисподней[59].

Продолжительные псалмодии, песнопения с музыкальным сопровождением перемежались с ритуальными действиями[60]. Одним из торжественных моментов службы, который, несомненно, отмечали звоном колоколов[61], был момент открытия посвященным изображения тавроктонного Митры, до тех пор скрытого завесой. В некоторых храмах имелась вращающаяся плита со скульптурным изображением, наподобие наших дарохранительниц, что позволяло по очереди скрывать и показывать изображения, украшавшие обе ее стороны[62].

В каждый день недели в определенном месте склепа совершалось моление Планете, которой этот день был посвящен, и наиболее священным почиталось воскресенье, которым правил Солнце[63]. Возможно, в течение месяца молились даже знаку Зодиака, которому этот месяц соответствовал[64]. Помимо того, богослужебный календарь отмечал некоторые дни празднествами, о которых мы, к несчастью, очень плохо осведомлены. Вероятно, шестнадцатый день, средний в месяце, продолжал, как и в Персии, пребывать под покровительством Митры. Напротив, на Западе никогда не упоминается о справлении Митракан, праздников, весьма популярных в Азии. Они, безусловно, были перенесены на 25 декабря, поскольку по всеобщему обычаю возрождение Солнца (*Natalis invicti* — день рождения непобедимого Солнца), которое начинало подниматься выше после зимнего солнцестояния, отмечалось священными торжествами[65]. Мы имеем некоторые основания полагать, что праздничными днями считались и дни равноденствий, когда определенными торжествами приветствовали приход обожествляемых Времен года. Посвящения совершались преимущественно в начале весны, в марте или в апреле[66], примерно в пасхальное время, когда христиане подобным же образом совершали таинство крещения над оглашенными. Однако мы остаемся почти в полном неведении в отношении обрядовой стороны этих торжеств, равно как и в отношении всего, что касается системы праздников в мистериях.

Митраистские общины представляли собой не просто сообщества, объединяемые духовными интересами, но обладали также юридическими правами и правами собственности. Для распоряжения делами и своевременной защиты своих интересов они избирали в своей среде должностных лиц, которых не следует смешивать ни с посвященными, ни со жрецами. Встречающиеся в надписях наименования этих членов храмовых советов свидетельствуют о том, что организация коллегий почитателей Митры не отличалась от организационной структуры других религиозных сообществ, копировавших структуру администрации муниципиев или по-

селков. Эти корпорации вели официальный список своих сторонников, «альбом» посвященных[67], в котором их имена располагались по степени значительности их звания. Во главе их стоял совет декурионов[68], распорядительный комитет, назначаемый, безусловно, общим собранием, своего рода миниатюрный сенат, первые десять членов (*decem primi*) которого[69] обладали, как и в городах, особыми привилегиями. У них имелся свой глава (*magister*), или председатель, избираемый ежегодно[70], свои попечители (*curatores*), в чьем ведении были финансовые вопросы[71], свои адвокаты (*defensores*)[72], обязанные представлять их дела перед правосудием или перед общественной администрацией, наконец, патроны (*patroni*)[73], весьма значительные лица, от которых ожидали не только действенного покровительства, но и денежных вспомоществований, позволявших общинам сбалансировать свой бюджет.

Поскольку государство не предоставляло им никаких дотаций, их достаток зависел исключительно от щедрости частных лиц. Добровольные взносы, составлявшие постоянный доход коллегий, с трудом могли покрыть издержки на отправление культа, и даже самый малый непредвиденный расход ложился тяжелым бременем на эту общественную кассу. Сообщества бедняков не могли и думать о том, чтобы со своими скромными средствами построить пышный храм. Обычно они получали от какого-нибудь благосклонно настроенного к ним крупного собственника участок земли, на котором могли возвести или, скорее, вырыть себе часовню[74], а какой-либо другой благотворитель нес расходы на строительство[75]. Иногда богатый горожанин передавал в распоряжение адептов мистерий подвал, в котором они художественно устраивались[76]. Если у первых жертвователей не хватало средств на оплату внутреннего убранства склепа и на изготовление священных изображений[77], другие братья собирали необходимые суммы, и почетная надпись увековечивала собой память об их щедрости. Три посвященные надписи из Рима сообщают нам о создании одной из таких конгрегаций митраистов[78]. Один вольноотпущенник и один простец построили вскладчину жертвенник из мрамора, два других посвященных подарили святилищу еще один, и точно также один раб внес свое скромное приношение. Щедрые покровители в отплату за свои дары получали самые высокие звания в этой маленькой храмовой общине. Благодаря им храм постепенно обзаводился внутренним убранством и, наконец, мог позволить себе даже некоторую роскошь. Постепенно обычный камень в нем заменялся мрамором, вместо мраморной штукатурки появились скульптуры, и мозаика сменила росписи[79]. В конце концов, когда первоначальный храм стал рушиться от ветхости, разбогатевшая община зачастую даже могла перестроить его с гораздо большим великолепием[80].

Обнаружено значительное количество таких сооружений. В независимости от того факта, что они в своей конструкции имитировали первобытные пещеры, они носили названия *spelaeum*, *spesus* (грот, склеп, пещера), иногда *spelunca*, *antrum* (грот, пещера) или более общие — *templum*, *aedes*, *sacrarium* (храм, святилище)[81]. Можно в точности восстановить их традиционное расположение, которое повторяется везде почти без отклонений (рис. 23).

Над общественным входом высилась колоннада, державшая фронтон (*porticus*)[82]. Переступив порог, прихожане попадали сперва в открытое с фасада помещение, расположенное на уровне земли, — преддверие храма (А)[83]. Оно замыкалось в глубине воротами, дававшими доступ в другое, меньшее по размерам помещение, которое, несомненно служило ризницей (ВС). В эту ризницу или, реже, прямо к преддверию храма выходила лестница, по которой спускались собственно в святилище — в крипту. Это подземелье, которое считали символом мироздания[84], должно было нести над собой свод, имитировавший свод небес. Когда не было возможности сложить такой свод каменной кладкой, вид свода придавали сводчатому потолку, образованному переплетениями и покрытому штукатуркой[85]. При входе в это подземелье прихожане сперва попадали на площадку, занимавшую все пространство по ширине помещения (D); далее оно делилось на три части — центральный коридор (F), представляющий собой помещение шириной в среднем 2 м 50 см, являвшееся хорами, предназначенными для служителей, и два сложенных из камней возвышения, тянувшихся вдоль боковых стен, верхняя поверхность которых шириной примерно в 1,5 метра была наклонной: именно на ней стояли на коленях или возлежали прихожане, следившие за службой и принимавшие участие в священных трапезах[86]. В глубине храма обычно находилась апсида с экседрой[87], где была установлена священная композиция с изображением тавроктонного Митры, иногда допол-

нявшаяся образами других богов. Перед нею стояли жертвенники с горящим на них священным огнем.

Обилие даров, о которых упоминают эпиграфические тексты, свидетельствует о преданности верующих тем сообществом, в которые они входили. Именно благодаря постоянной приверженности к культу многочисленных его последователей эти сообщества, органические клетки, составлявшие большое тело религии, имели возможность жить и развиваться далее. Орден подразделялся на множество мелких групп, тесно связанных между собой, отправлявших те же ритуалы в тех же святилищах. Незначительная вместимость храмов, в которых они собирались, свидетельствует о том, что число их прихожан всегда было очень ограниченным. Даже если предположить, что в подземное святилище допускались одни лишь Участники, а посвященные низшего ранга могли только вступать в преддверие храма, все равно не представляется возможным, чтобы эти собрания насчитывали более сотни членов секты [88]. Когда число их превышало этот предел, строилась новая часовня и группа разделялась. В этих закрытых храмовых сообществах, где все знали друг друга и оказывали друг другу помощь, царили близкие отношения, как в большой семье. Здесь стирались различия, существовавшие в аристократическом обществе; служение единой общей вере делало раба равным декуриону и знатному мужу, а иногда даже возвышало над ними. Все подчинялось единым правилам, бывали приглашены на одни и те же празднества, и после смерти все, несомненно, находили упокоевание в одном общем месте погребения. Хотя до сих пор не было обнаружено ни одного митраистского кладбища [89], особенный характер верований секты относительно будущей жизни и ее специфические обряды делают очень правдоподобным предположение о том, что, как и большинство римских сообществ, она образовывала в своей среде не только религиозные, но и погребальные коллегии [90]. По-видимому, она осуществляла погребения, и ее адепты должны были испытывать самое активное желание быть преданными земле как с человеческими, так и с религиозными почестями, обрести себе «вечное пристанище», в котором они в покое могли дожидаться дня воскрешения. Если имя «братьев», которым нарекали друг друга посвященные, не было для них пустым звуком, они считали себя обязанными отдать друг другу хотя бы этот последний долг.

Та весьма неполная картина внутренней жизни митраистских общин, которую мы можем воссоздать в своем воображении, тем не менее помогает нам лучше осознать причины их быстрого разрастания. Униженные плебеи, составлявшие вначале основную массу их адептов, находили себе помощь и поддержку в братствах этих объединений. Присоединяясь к ним, они получали возможность покончить со своим одиноким положением отверженных и стать частью мощного общества, общества — чрезвычайно иерархизированного, ответвления которого, словно сеть, покрывали все пространство империи. Кроме того, звание, которые присваивались им, вполне отвечали естественному желанию всякого человека выполнять в мире определенную роль и приобрести некоторую значимость в глазах себе подобных.

К этим чисто мирским устремлениям прибавлялись более мощные стимулы веры. Члены этих маленьких кружков считали себя избранными обладателями древней мудрости, пришедшей с далекого Востока. Атмосфера тайны, окружавшая ее непостижимые премудрости, еще усиливала то чувство почтения, которое она им внушала: «Все таинственное служит великолепию». Система последовательных посвящений заставляла неопита надеяться на раскрытие перед ним еще более возвышенных истин, а необычные обряды, которыми они сопровождались, оставляли в его наивной душе неизгладимое впечатление. В этих мистических церемониях адепты ожидали найти и, придавая своим чаяниям черты реальности, в самом деле находили для себя побудительный мотив и утешение; или ощущали себя очищенными от грехов ритуальными омовениями, снимавшими с души бремя тяжелой ответственности; им придавали силы священные трапезы, несшие в себе возможность обретения лучшей жизни, в которой они были бы вознаграждены за все страдания в этом мире. В удивительном распространении митраизма в значительной мере сыграли роль эти великие иллюзии, которые показались бы смешными, если не были бы столь глубоко человеческими.

Тем не менее в борьбе церковей-соперниц, которые при цезарях оспаривали друг у друга власть над империей душ, низкий социальный статус приверженцев персидской секты ставил ее в неравное рядом с другими положение. В то время как большинство восточных культов

признавало за женщинами значительную, иногда даже преобладающую роль, находя в них ревностных своих почитательниц, культ Митры запрещал для них участие в мистериях и тем самым отнимал у себя возможность конкурировать с проповедью других сект. Строгая дисциплина ордена не позволяла женщинам завоевать себе звания в священных когортах и, как и в маздеистской секте Востока, они занимали лишь подчиненное место в обществе верующих[91]. Среди сотен дошедших до нас надписей, ни в одной нет упоминаний ни о жрице, ни о какой-либо посвященной, ни даже о сделавшей пожертвование женщине. Но религия, стремившаяся сделаться всеобщей, не могла отказывать в познании божественного половине рода человеческого, и для того чтобы дать пищу религиозным устремлениям женской части общества, она заключила в Риме союз, несомненно, способствовавший ее успеху. И мы не сможем понять истории митраизма на Западе, если не станем принимать во внимание ее политику в отношении остальных языческих сект.

Глава VI. МИТРА И РЕЛИГИИ ИМПЕРИИ

Случаи мученичества на Востоке красноречиво свидетельствуют о религиозной нетерпимости национального духовенства в сасанидской Персии, и маги этой древней империи, если сами не являлись гонителями, то, во всяком случае, образовывали особую в своей исключительности касту, возможно, даже привилегированное национальное сообщество. Жрецы Митры никогда не выказывали подобной непримиримости. Точно так же, как иудаизм в эпоху Александра, маздеизм в Малой Азии был смягчен влиянием эллинской цивилизации. Будучи перенесен в чужую среду, он был вынужден примириться с царившими в ней обычаями и мировоззрением, а благосклонность, с которой он здесь был принят, побудила его остаться в русле такой примиренческой политики. Иранские боги, сопровождавшие Митру в его странствиях, стали почитаться на Западе под греческими и латинскими именами, авестийские язаты приобрели облик бессмертных богов, пребывающих на Олимпе, и эти факты уже в достаточной мере свидетельствуют о том, что азиатская религия, никак не выказывая своей враждебности по отношению к старым греко-римским верованиям, во всяком случае с внешней стороны, стремилась приспособиться к ним. Благочестивый адепт мистерий мог, ни в чем не предав своей веры, сделать посвящение капитолийской триаде — Юпитеру, Юноне и Минерве[1]. Хотя он придавал этим божественным именам иной, по сравнению с общепринятым, смысл. Если даже посвященных действительно предостерегали против участия в других мистериях[2], то такой древний запрет не мог сохраниться надолго, устояв против синкретических тенденций язычества империи: в IV веке «Отцы Отцов» исполняли роль высшего духовенства в самых различных храмах[3].

Эта секта повсюду сумела ловко приспособиться к той среде, в которой была вынуждена существовать. В придунайской низменности она оказала на местный культ такое влияние, которое может свидетельствовать только о длительном контакте между адептами этих культов[4]. В прирейнских областях кельтские божества почитались в священных подземельях наравне с митраистскими, во всяком случае, бок о бок с ними[5]. Персидский бог выказал свое гостеприимство всем чужакам, среди которых он обосновался, и его храмы сделались местом встречи божеств всего языческого пантеона. Соответственно, в зависимости от страны своего распространения, маздеистская теология оказалась расцвечена всевозможными оттенками, чьи переходы лишь смутно различимы для нашего глаза, однако эти догматические нюансы касались исключительно вспомогательных, внешних различий в деталях, относящихся к внешнему образу религии, никак не угрожая ее фундаментальной целостности. Совершенно не заметно, чтобы эти отклонения гибкого учения могли вызвать в нем появление ересей. Делавшиеся им уступки были чисто формальными. В действительности, митраизм, пришедший на Запад в полном расцвете сил, вскоре был настигнут упадком, в результате чего он смог воспринять лишь те элементы, которые он заимствовал из окружающей жизни. Единственным влиянием, глубоко изменившим его характер, было то, что он испытал во времена своей молодости в среде азиатских народов.

Тесные связи, соединившие Митру с некоторыми богами этой страны, были вызваны не

только естественным родством, сплотивавшим всех этих пришельцев с Востока в противовес греко-римскому язычеству. Древняя религиозная вражда египтян и персов проявлялась даже в императорском Риме, и иранских поклонников мистерий, по-видимому, долгое время разделяло с почитателями Изиды глухое соперничество, если даже не открытое противостояние[6], до тех самых пор, пока возобладавший повсеместно синкретизм не признал имена Митры и Сераписа двумя синонимичными наименованиями Солнца, единого господина мира. Без всякого труда, напротив, они были соотнесены с сирийскими культами, вместе с ними перекочевывавшими из Азии в Европу. Их учение, насквозь пропитанное халдейскими теориями, должно было представлять большое сходство с верованиями семитских религий. Юпитер Долихен, уже почитаемый одновременно с Митрой на своей родине в Коммагене, и всегда остававшийся, как и тот, преимущественно армейским божеством, обнаруживает свое присутствие рядом с последним во всех странах Запада. В Карнунте в Паннонии и в Штокштадте в Германии святилища Митры и Юпитера Долихена даже прилегают одно к другому или расположены в близком соседстве[7]. Ваал, господин небес, был с легкостью отождествлен с Оромаздом, ставшим Юпитером — Небом (Ураном), а Митра без особого труда смог слиться с солярным божеством сирийцев[8]. Даже обряды обеих богослужебных систем, по-видимому, не были лишены ряда общих черт[9].

Так же, как в Коммагене, маздеизм и во Фригии искал почву для сближения с местной религией этой области. Союз Митры с Анахитой рассматривался в качестве эквивалентной связи, существовавшей между великими местными божествами Аттисом и Кибелой[10], и эти священные пары остались в такой же согласии и в Италии[11]. Самое древнее из известных святилищ Митры в Остии прилегал к святилищу Великой Матери; также в Заальбурге оба храма отстояли друг от друга всего на несколько шагов[12], и мы имеем все основания полагать, что тесный союз между культами иранского бога и фригийской богини оставался неизменным на всем пространстве империи. Несмотря на глубокое различие в их характере, их сближение было вызвано политическими мотивами. Придя в согласие с жрецами Великой Матери, adeпты Митры получили поддержку сильной, официально признанной организации духовенства и отчасти заручились тем покровительством, которое оказывало ей государство. Помимо того, поскольку в тайных церемониях персидского богослужения могли принимать участие только мужчины, другие мистерии, к которым допускались и женщины, должны были в каком-то смысле дополнять первые и тем самым поддерживать их. Так Великая Мать пошла по стопам Анахиты; в общине ее почитателей имелись свои «Матери», как «Отцы» — в общине Митры, и посвященные называли друг друга «сестрами», подобно тому, как верные ее сотоварищи именовали друг друга «братьями»[13].

Этот весьма плодотворный альянс оказался особенно полезен для древнего культа, пришедшего из Пессинунта и получившего римское гражданство. Шумная пышность его празднеств плохо могла скрыть за собой слабость учения, которое уже не отвечало потребностям его adeптов. Его грубо выделанная теология пережила новый подъем, восприняв некоторые маздеистские верования. Никто не усомнился бы в том, что ритуал тавроболии, перекочевывавший при Антонинах из восточных храмов в храмы Великой Матери, заимствовал из персидской теологии присущие ей идеи очищения и бессмертия. Варварский обычай, состоявший в том, чтобы, положив посвященного в яму, дать стечь на него крови жертвы, которой перерезали горло на решетчатом настиле над ним, вероятно, практиковался в Азии с глубокой древности. Согласно поверью, очень распространенному среди первобытных народов, кровь является местом сосредоточения жизненной энергии, и испытываемый, чье тело она заливала и язык которого она смачивала, верил в то, что на него перейдет отвага и сила жертвенного животного. Такое священное омовение, по-видимому, производилось в Каппадокии и в Армении в очень многих святилищах и, в частности, в храмах Ма, великой местной богини, и в святилищах иранской Анахиты. Обеим богиням посвящали быка и, по весьма древнему обычаю, на это дикое животное охотились и ловили его с помощью лассо, — таков, видимо, смысл термина «тавроболия» (ταυροβόλιον), — а затем убивали с помощью рогатины, орудия псовой охоты. Но под влиянием маздеистского вероучения о будущей жизни, кровавому крещению стало придаваться более глубокое значение. Подвергаясь ему, adeпты более не надеялись снискать себе силу быка; оно не рассматривалось более как обновление физических сил за счет той жидко-

сти, которая поддерживает жизнь живых существ, но производилось ради временного, либо вечного обновления души[14].

Когда в эпоху Империи тавроболия была введена в Италии, вначале было неясно, какое латинское имя следовало дать богине, в честь которой устраивался этот ритуал. Одни видели в ней Небесную Венеру[15]; другие отождествляли ее с Минервой по причине ее воинственного характера[16]. Но вскоре жрецы Кибелы ввели эту иноземную церемонию в свое богослужение, очевидно, с согласия официальных властей, поскольку никакая деталь в ритуале этого признанного культа не могла быть изменена без позволения жреческой коллегии квиндецемвиров. Как можно видеть, даже императоры давали особые привилегии тем, кто в их честь приносил эту отвратительную жертву, хотя никому еще не удалось прояснить причины такой их необычной благосклонности[17]. Действенная сила, признаваемая за этим кровавым очищением, ожидаемое вслед за ним вечное обновление, оказались близки чаяньям поклонников мистерий Митры, которые те возлагали на жертвоприношение мифического быка. Сходство этих доктрин вполне естественно объясняется общностью их происхождения. Тавроболия, как и большинство обрядов восточных культов, являлась пережитком дикости былых времен, который спиритуалистическая теология приспособила к своим нравственным задачам. Что характерно, первые жертвоприношения такого рода, совершаемые жрецами фригийской богини, начали осуществляться в Остии, где, как мы уже говорили, святилище Великой Матери располагалось в непосредственной близости к подземному святилищу митраистов.

Символика мистерий, несомненно, восприняла Великую Мать в качестве кормилицы Земли, каждый год оплодотворяемой Небом. Точно также другие греко-римские божества, допущенные в их пантеон, должны были изменить свой характер, чтобы соответствовать их догматической системе. Иногда их отождествляли с маздеистскими героями, и в этом случае совершенные ими новые подвиги, как правило, прославлялись в варварских легендах. Иной раз в них видели олицетворение сил, производящих все изменения в природе. Тогда во главе этого пантеона, приобретшего снова свойственное ему изначально натуралистическое толкование, помещали Солнце, верховного правителя мироздания.

Поклонение Солнцу, порожденное чувством признательности за каждодневно подаваемые им блага и усилившееся благодаря осознанию той значительной роли, которую оно играет в системе мироздания, вполне логично вытекает из всей истории развития язычества. Когда научная мысль попыталась дать объяснение священным традициям и признала в наиболее почитаемых божествах естественные силы или природные стихии, она неизбежно должна была отвести главное место тому светилу, от которого зависит самое существование нашего мира. «Прежде чем религия пришла заявить о том, что Бог должен быть возвышен до идеи абсолюта, то есть в нечто надмирное, существовал только единственный рациональный и научный культ, — культ Солнца»[18]. Со времен Платона и Аристотеля греческая философия рассматривала небесные тела в качестве одушевленных и божественных существ; стоицизм предоставил новые аргументы в пользу этого мнения; неопифагорейцы и неоплатоники в еще большей степени настаивали на священном характере света космических тел, извечно воплощающегося в образе явленного нам умопостигаемого бога. Эти верования, подтвержденные мыслителями, широко распространялись литературой и, в частности, теми трудами, в которых романтические вымыслы скрывали в себе подлинное теологическое содержание[19].

Однако почитание дневного светила в качестве главного бога язычества было вдохновлено не только философскими теориями греков; оно основывалось на особой догматике, первыми авторами которой явились те жрецы-астрономы с Востока, за которыми закрепилось древнее название «халдеев»[20]. Согласно их воззрениям, Солнце, находящееся на четвертой ступени в ряду планет и занимающее между ними срединное положение, подобно царю («царь-Солнце»), окруженному своими подчиненными, управляет движением этих блуждающих планет и даже вращением самого неба. Его пламенный шар, наделенный силой притягивать, определяет прохождение других звездных тел. Оно является «сердцем космоса», оживляющим своим теплом весь его огромный организм.

Эта механистическая теория, в которой словно бы уже содержится предчувствие закона всемирного тяготения и гелиоцентрической системы, неизбежно вела к признанию Солнца верховным богом вселенной. Действительно, для астрологов, полагавших, что сочетания звезд

в их круговращении определяют ход всех физических и психических явлений, светило, управляющее сложной игрой взаимовлияний небесных тел, должно было стать вершителем судеб и господином всей природы. Уже Плиний провозглашал его «главным правителем и божеством природы» [21].

Но это Всё, столь строго упорядоченное, не могло быть руководимо слепой силой. Солнце, умственный свет (φως νοερόν), должно было сознаваться в качестве управляющего миром разума [22], и, следуя дальнейшей логике, этот вселенский разум становился бы создателем человеческого разума — искры, выделившейся из космического огня. Точно так же, как это пылающее светило отстраняет и привлекает к себе по очереди планеты, оно, как считалось, посылает души для рождения их в телах, которые они оживляют, и после смерти заставляет их вернуться в его недра [23].

Таким образом, «халдеи» вывели целое религиозное учение, скомбинировав астрономические теории с древними семитскими верованиями. Этот астрологический пантеизм, безусловно, сделался доктриной, проповедуемой в мистериях Митры [24], но в то же время он распространился в латинском мире благодаря теологам, сторонникам астрологии, самым известным из которых был Посидоний из Апамеи. Литературная пропаганда, принимаемая римлянами со все возрастающим интересом, подготовила их духовно к принятию вероучения, которое проповедовали наставники из Азии, и такое совместное воздействие философских систем и восточных культов смогло обеспечить «непобедимому Солнцу» неоспоримое господство.

Если гелиолатрия вполне соответствовала духу научных теорий своего времени, то ничуть не менее она согласовалась и с его политическими тенденциями. Мы уже пытались показать, какая тесная связь существовала между доктринами поклонения императору и почитания «непобедимого Солнца». Когда цезари в III в. начали выдавать себя за божества, сошедшие с небес на землю, необходимым следствием их претензий на свои мнимые права стало учреждение общественного культа поклонения тому божеству, эманацией которого они себя представляли. Гелиогабал заявил о верховном положении своего Ваала из Эмезы во всем языческом пантеоне [25]. Эксцентричность и насильственный характер такого перекоса обусловили плачевный провал его попытки, однако она отвечала требованиям времени и вскоре вновь была предпринята с большим успехом. Аврелиан повелел воздвигнуть близ Фламиниевой дороги, к востоку от Марсова Поля, колоссальное строение, посвященное богу-охранителю, позволившему ему одержать победу в Сирии [26]. Введенную им государственную религию не следует смешивать с митраизмом: ее грандиозный храм, пышные церемонии, проводимые раз в четыре года спортивные игры и ее верховные жрецы напоминают, скорее, об огромных святилищах Востока, но никак не о тех сумрачных подземельях, в которых справлялись мистерии [27]. Тем не менее, на «непобедимое Солнце», которое император желал почитать с доселе небывалой пышностью, вполне могли заявить свои права поклонники Митры.

Политика, проводимая империей, первое место в официальной религии отдавала Солнцу, чьей эманацией признавался монарх, точно так же, как в халдейском мировоззрении, проповедуемом митраистами, царственная планета господствовала над другими звездами. И с той и с другой стороны в сияющем светиле, озаряющем вселенную, стремились видеть ни с чем не сравнимое божество, или, по крайней мере, зримый образ единого бога, и установить на небесах монотеизм, подобный правившей на земле монархии. Макробий в своих «Сатурналиях» со всей основательностью ученого утверждает, что все божества сводимы к одному Богу, познаваемому в его различных аспектах, и что все те многочисленные имена, под которыми его почитают, равнозначны имени «Гелиос». Теолог, отстаивавший это радикальное смешение идей, Веттий Агорий Претекстат, являлся не только высоким имперским сановником, но и одним из тех последних, кто возглавлял персидские мистерии [28].

Таким образом, по крайней мере в IV в., перед митраизмом стояла задача объединить в едином широком синтезе всех богов и все мифы, создав новую религию, которая должна была согласоваться с господствующей философией и с правовым духом империи. Эта религия, пожалуй, оказалась столь же далека от древнего иранского маздеизма, сколь и от греко-римского язычества, отводившего в своей системе лишь незначительное место космическим силам. Она в каком-то смысле вернула идолопоклонничество к его истокам и в смутно уже понимаемых мифах возродила обожествление природы [29]. Порвав с римским принципом поддержки

национальных культов, она установила всецелое господство Митры, олицетворяющего непобедимое Солнце. Ее сторонники, сконцентрировав все формы поклонения на одном объекте, надеялись заново сплотить воедино все разрозненные вероучения. Солярный пантеизм являлся последним прибежищем консерваторов, над которыми уже нависла угроза революционной проповеди, добивавшейся разрушения старого порядка вещей.

К тому времени, когда этот языческий монотеизм пожелал воцариться в Риме, уже давно шла борьба между митраистскими мистериями и христианством. Распространение обеих религий примерно совпало по времени и проходило в сходных условиях. Обе они пришли с Востока и пропаганде их способствовали одни и те же общие факторы — политическое единство и нравственная анархия империи. Распространение и той и другой свершилось с почти одинаковой быстротой, и к концу II в. обе уже имели в равной мере немало сторонников в наиболее отдаленных областях римского мира. Члены секты Митры с полным правом могли отнести к себе гиперболу Тертуллиана: «Мы вчерашние заняли все ваше» [30]. Если принять во внимание обилие памятников, которые оставил нам персидский культ, может даже возникнуть вопрос о том, не являлись ли его сторонники в эпоху Северов более многочисленными, чем почитатели Христа. Еще одним сходством между этими противоборствующими церквями послужило то, что на начальной стадии они обращали прозелитов, главным образом, из низших слоев общества. Их проповедь изначально была, по сути своей, обращена к народу; в противоположность учению философских школ, они в большей степени предназначались для черни, нежели для просвещенных умов и, следовательно, более взывали к чувствам, чем к разуму.

Но помимо этих сходных аспектов, в образе действий обоих противников можно заметить значительные отличия. Первые завоевания христианства приветствовались еврейской диаспорой, и в первую очередь оно распространилось в областях, заселенных еврейскими колонистами. Поэтому его общины развились прежде всего в странах, омываемых Средиземным морем; они не простирали сферу своей деятельности за пределы городов, и увеличение их происходило в значительной мере за счет работы миссий, предпринимавшихся с целью «просвещения народов». Напротив, распространению митраизма способствовали, в первую очередь, социальные и политические факторы: ввоз рабов, перемещения войск, перевод с места на место государственных чиновников. Наибольшее число своих ревнителей митраизм вербовал именно в администрации и армии, то есть в тех кругах, в которых христиане встречались крайне редко по причине общей приверженности этих кругов официальной языческой религии. За пределами Италии он получил распространение, главным образом, в районах, расположенных вдоль границ, и утвердился одновременно и в городах, и в сельской местности; наибольшей поддержкой он пользовался в придунайских провинциях и в Германии, тогда как Церковь быстрее всего развивалась в Малой Азии и Сирии [31]. Таким образом, сферы влияния этих религий не совпадали, и обе долгое время имели возможность распространяться далее, не вступая в прямой конфликт. Лишь в долине Роны, в Африке и особенно в Риме, где обе они уже прочно утвердились, в III веке возникло наиболее острое соперничество между коллегиями почитателей Митры и сообществом верующих-христиан.

Борьба между религиями-соперницами оказалась тем более упорной, что они имели весьма сходный характер [32]. Их adeпты одинаково образовывали тайные сообщества, тесно сплоченные внутри, члены которых называли друг друга «братьями» [33]. Практикуемые ими обряды также представляли немало сходства: члены секты персидского бога, как и христиане, очищали себя водным омовением, благодаря своего рода конфирмации обретали силы для сражения с духами зла и принимали причастие ради спасения души и тела. Подобно христианам, митраисты освящали воскресный день и праздновали рождение Солнца 25 декабря, в день, когда, по крайней мере, с IV в. начали справлять Рождество. Они также проповедовали строгую мораль, поощряли воздержанность и целомудрие и в число основных добродетелей включали самоотречение и умение властвовать над собой. Их представления о мире и о назначении человека были похожи: и те и другие признавали существование небесного блаженства в высших сферах и населенной демонами преисподней, заключенной в подземных глубинах; начало своих традиций они возводили к древним откровениям, а начало истории — к потопу; наконец, они верили в бессмертие души и в будущее вознаграждение, в окончательный суд и в Воскресение умерших при конечном пожаре вселенной.

Мы уже видели, что теология мистерий делала Митру-«посредника» подобным александрийскому Логосу. Христос также являлся посредником между своим небесным Отцом и людьми, и так же, как и Митра — одной из ипостасей триады. Разумеется, языческая экзегеза установила между ними и другие связи подобия, и образ тавроктонного бога, против своей воли смиренно приносящего жертву ради создания и спасения рода человеческого, несомненно, сравнивался с образом Спасителя, принесшего себя в жертву во спасение мира.

С другой стороны, церковные авторы, воспроизводя метафору пророка Малахии, противопоставляли «непобедимому Солнцу» «Солнце правды», и были согласны видеть в подающем людям свет ослепительном шаре символ Христа, «света мира». Стоит ли удивляться тому, что толпа богомольцев не всегда была расположена вдаваться в эти тонкие богословские различия и по языческому обычаю отдавала лучистому светилу ту дань поклонения, которую ортодоксия относилась лишь к Богу? В V веке не только еретики, но и истинные верующие кланялись еще огненному диску в тот момент, когда он появлялся над горизонтом, и шептали молитву: «Будь милостив к нам»[\[34\]](#).

Сходство между двумя враждующими церквями было столь велико, что поражало все умы даже в античности. Начиная со II в., греческие философы занялись установлением параллелей между христианством и персидскими мистериями, и это явно должно было дать преимущества последним[\[35\]](#). Апологеты, со своей стороны, настаивают на аналогиях, существовавших в этих двух религиях, и объясняют их как сатанинскую подделку под самые священные обряды их религиозной практики[\[36\]](#). Если бы сохранились полемические труды митраистов, мы, несомненно, нашли бы в них те же обвинения, обращенные против их противников[\[37\]](#).

Мы не можем сегодня надеяться разрешить тот вопрос, который в свое время разделял этих современников, и который, разумеется, так и останется неразрешенным. Нам слишком мало известно о догматах и богослужении римского маздеизма, равно как и о развитии первоначального христианства, чтобы мы смогли установить, какие взаимные влияния сказались на их совпадавшем по времени росте. Тем не менее сходство еще не предполагает с необходимостью подражания. Многие соответствия между митраистским учением и католической верой объясняются общностью их восточного происхождения[\[38\]](#). Некоторые идеи, ряд церемоний, должно быть, все же перешли из одной религиозной практики в другую, но мы чаще можем лишь предполагать о таких заимствованиях, нежели ясно их видеть.

Вероятным представляется то, что легенду об иранском герое пытались уподобить истории жизни Иисуса, и что последователи магов пожелали противопоставить митраистские эпизоды поклонения пастухов, вечерней трапезы и вознесения евангельским событиями[\[39\]](#). Родящую скалу, из которой явилось божество света, даже сравнивали с камнем нерушимым, который был эмблемой Христа, на котором была основана Церковь, а пещеру, где истек кровью бык, — с той пещерой, в которой родился Иисус в Вифлееме[\[40\]](#). Однако этот насильственный параллелизм мог выразиться только в карикатуре[\[41\]](#). Серьезная причина неполноценности маздеизма заключалась в том, что он верил лишь в мифологического спасителя. Тот неиссякаемый источник религиозного чувства, который открыли проповедь и страсти распятого на кресте Бога, был недостижим для поклонявшихся Митре.

Напротив, ортодоксальное или еретическое богослужения, постепенно сложившиеся в первые века нашей эры, могли найти не один источник вдохновения в этих мистериях, которые из всех языческих культов имели более всего черт, сходных с христианскими институтами. Мы не знаем, испытал ли ритуал церковных таинств и связываемые с ним чаяния в какой-либо мере влияние маздеистских обрядовых практик и догм[\[42\]](#). Возможно, обычай молиться Солнцу три раза в день, на рассвете, в полдень и на закате, был воспроизведен в ежедневных молитвах Церкви[\[43\]](#), и представляется очевидным, что празднование Рождества было установлено на 25 декабря, поскольку в день зимнего солнцестояния отмечался день рождения непобедимого бога, т. е. его возрождение[\[44\]](#). Выбором этой даты, повсеместно отмечаемой священными празднествами, церковные власти смогли в некотором смысле освятить народный обычай, который они не могли преодолеть.

Единственной областью, в которой мы могли бы в деталях установить объем заимствований, является область искусства. Митраистская скульптура, развившаяся в более древние времена, предоставляла ранним христианским мраморщикам множество моделей, которые и

были ими приняты или приспособлены. Так, в образе Митры, открывающего пущенными им стрелами источник живой воды, они почерпнули вдохновение для создания изображения Моисея, ударяющего жезлом по скале Хорив. Верные устоявшейся традиции, они воспроизводили даже те изображения космических божеств, таких, как Солнце или Ветры, и на саркофагах, в скульптурных миниатюрах и даже в порталах римских церквей можно обнаружить следы влияния тех обширных композиций, которые украшали собой священные подземелья[45].

Не следовало бы, однако, преувеличивать значения этих сближающих факторов. Пусть даже христианство и митраизм обнаруживали черты глубокого сходства, главными из которых были вера в очищение души и упование на счастливое Воскресение, но их разделяли и не менее существенные различия. Важнейшим из них являлась полная противоположность их отношения к римскому язычеству. Культ маздеистских мистерий ценой всевозможных сделок и компромиссов стремился привлечь его на свою сторону; он пытался установить монотеизм, всецело при этом признавая политеизм, в то время как Церковь, если не всегда на практике, то по своим принципам была непримиримым противником всякого идолопоклонства. Первый из них с виду занимал более выгодную позицию. Эта позиция придавала персидской религии большую гибкость и лучшую возможность к приспособлению, и она привлекала на сторону тавроктонного божества всех тех, кто страшился мучительного разрыва с античными традициями и современным им обществом. Многие, несомненно, должны были отдать предпочтение догмам, отвечавшим их стремлению к более совершенной чистоте и к лучшему миру, но не вынуждавшим их порвать с верой своих отцов и с государством, гражданами которого они являлись. В то время как Церковь возрастала, зажата в круг гонений, митраизму эта политика уступок обеспечивала сперва вполне терпимое к нему отношение, а впоследствии — покровительство публичной власти. Но она же мешала ему также освободиться от грубых или смехотворных суеверий, осложнявших собой ее ритуал и теологию; несмотря на свою строгость, она вступила в сомнительного рода союз с оргиастическим культом возлюбленной Аттиса и была принуждена тащить на себе весь груз его былых гнусностей или химер. Если бы этот романизированный маздеизм взял верх в борьбе, он увековечил бы не только все эти извращения языческого мистицизма, но и заблуждения лжефизики, на которых основывалась его догматика. Христианское учение, порвавшее с культом поклонения природе, сумело остаться свободным от этих нечистых примесей, и эта свобода от всех компрометирующих связей явилась залогом его величайшего превосходства. Сила его отрицания, его борьба против вековых предрассудков завоевала ему не меньше душ, чем те позитивные надежды, которые оно могло в них вселить. И в то время, как оно свершало чудо победы над древним миром, несмотря на законы и имперские карательные органы, мистерии митраизма были очень скоро упразднены, едва лишь государство сменило свое благосклонное отношение к ним на враждебность.

К середине III в. они достигли апогея своей мощи, и в какой-то момент могло показаться, что весь мир должен был стать митраистским[46]. Но первые вторжения варваров и, в частности, окончательная потеря Дакии (275 г. н. э.), за которой последовало отторжение Декуматских Полей, нанесли тяжелый ущерб маздеистской секте, доминировавшей главным образом на периферии римского мира. Во всей Паннонии и вплоть до Вирунума на границах Италии были разорены ее храмы[47].

Всякое поражение империи было крахом и для «непобедимого бога», поскольку подрывало веру в его помощь. Чтобы взять реванш, официальные власти, напуганные быстрым разрастанием христианства, со все возрастающей энергией поддерживали самого опасного соперника, какого только могли ему противопоставить. Армия оказалась единственной силой, которая устояла в этом всеобщем разгроме, и возведенные на престол легионами цезари неизбежно были вынуждены искать опоры в религии, распространенной главным образом среди солдат. В 274 г. Аврелиан, помимо мистерий тавроктонного бога, учредил щедро снабжаемый средствами общественный культ в честь «непобедимого Солнца». Диоклетиан, двор которого со всей его сложной иерархией, его раболепством перед властителем и с его толпой евнухов, являлся, по признанию современников, копией с царского двора Сасанидов, естественно, был склонен к принятию учений персидского происхождения, потакавших расцвету его деспотических задатков. Этот император и его соправители, встретившись в 307 г. в Карнунте, восстановили там храм небесного защитника возрожденной империи. Христиане не без некоторых ви-

димых оснований даже сочли митраистское духовенство инициатором великих гонений, начатых Галерием[48]. Неотчетливо-монотеистическая гелиолатрия, похоже, готова была стать в Римской империи, как и в Иране, единой и нетерпимой религией государства. Именно под защитой Солнца войска Лициния выступали против Константина[49]. Победа этого последнего разрушила те надежды, которые внушала почитателям Солнца политика его предшественников. Хотя он никогда не подвергал преследованиям унаследованные его семьей старые верования и даже сам разделял их[50], но отношение к ним, как к признанному культу, сменилось лишь терпимостью. Преемники Константина проявляли к ним решительную враждебность. За скрытым недоверием последовало открытое гонение. Христианская политика не ограничивалась более высмеиванием легенд и ритуальной практики маздеистских мистерий, ни даже обвинением их в том, что их основателями были непримиримые враги Рима; она в полный голос заявила о тотальном разрушении идолопоклонничества[51], и ее призывы не замедлили обратиться в действие[52]. Когда один из ораторов заявлял, что при Константине никто не осмеливался созерцать восхода и заката Солнца, что даже крестьяне и моряки воздерживались от наблюдения светил и, трепеща, не отрывали взора от земли[53], эти высокопарные выражения можно считать преувеличенным отголоском тех опасений, которые переполняли в то время всех язычников.

Провозглашение императором Юлиана привело к внезапному перевороту. Философ, которого несла на троне галльская армия, с детства втайне поклонялся Гелиосу[54]. По его убеждению, этот бог охранял его и позволил избежать тех опасностей, которые угрожали ему в юности[55]; он верил, что божество облекло его священной миссией, и рассматривал себя в качестве его служителя или, скорее, его духовного сына[56]. Он посвятил этому небесному «царю» речь, в которой холодное теологическое рассуждение под влиянием его веры переходит местами в пламенный дифирамб[57], и до самого смертного часа он оставался верен своей пылкой приверженности к почитаемому им светилу[58].

Молодого правителя должна была привлечь к мистериям, в частности, его суеверная тяга ко всему сверхъестественному. Еще до своего вступления на престол, возможно, даже в юности, он был тайно посвящен в члены одного из митраистских сообществ философом Максимом Эфесским[59]. Посвятительные церемонии чрезвычайно глубоко задели его чувства. Отныне он считал, что находится под покровительством Митры как в этой жизни, так и в жизни иной[60]. Едва ему удалось скинуть с себя маску и открыто провозгласить себя язычником, он призвал к себе Максима и, разумеется, тогда прибегнул к совершению омовений и очистительных обрядов, совершавшихся при чрезвычайных обстоятельствах, для того, чтобы смыть всю нечистоту, которую принял на себя от крещения и христианского причастия[61]. Стоило ему взойти на трон, он поспешил ввести этот персидский культ в Константинополе, и даже во дворце устроил храм, в котором «постепенно посвящаемый и посвящавший сам», он участвовал со своим ближайшим окружением в оккультных церемониях[62]. Почти в то же самое время в Афинах были совершены первые тавроболлии[63].

Члены секты магов поднимали голову по всей империи. В Александрии патриарх Григорий захотел построить церковь на развалинах митраистского храма, и это вызвало кровавый мятеж. Когда власти арестовали его, чернь вытащила его из тюрьмы и жестоко расправилась с ним 24 декабря 361 г., в канун дня рождения непобедимого бога[64]. Император удовольствовался лишь тем, что сделал городу Сераписа отеческое внушение[65].

Но вскоре Отступник погиб в том самом своем походе против персов, в который его вовлекло, вероятно, тайное желание завоевать ту страну, которая дала ему его веру, и уверенность в том, что бог-охранитель предпочтет его поклонение тем почестям, которые воздавались ему стороной неприятеля. Так эта краткая попытка реакции потерпела неудачу, и окончательно победившее христианство постаралось исправить ту ошибку, которая стоила ему столь мучительных тревог. Еще даже до того, как правители издали запрет на поклонение идолам, их эдикты, направленные против астрологии и магии, стали тем оружием, которым оно могло косвенно поразить жрецов и почитателей Митры[66]. В 371 г. многие из тех, кто предавался оккультной практике, были обвинены в участии в некоем мнимом заговоре и преданы смерти[67]. Сам наставник в мистериях Максим пал жертвой такого рода обвинения[68].

Вскоре целый ряд императорских постановлений прямым ударом поразили отверженную секту. В провинциях народные волнения нередко опережали собой действия магистратов [69]. Толпа разоряла храмы и предавала их огню с согласия властей [70]. Руины святилищ Митры несут на себе следы жестокости этой опустошающей ярости. Даже в Риме в 377 г. префект Гракх (Gracchus), пожелавший принять крещение, представил свидетельство искренности своего обращения, «сокрушив, разбив и разворотив» [71] одну из крипт со всеми находившимися в ней статуями. Часто, чтобы спасти от разграбления свои оставшиеся гроты, жрецы замуровывали вход в них [72], либо укрывали в надежных потайных местах свои священные изображения [73], убежденные в том, что разразившаяся над ними буря будет преходящей, и после дней испытаний их бог заставит воссиять для них день окончательного торжества. Напротив, христиане, чтобы сделать то или иное место негодным отныне для отправления культа, осквернив его присутствием трупа, иногда подвергали казни непокорного закону жреца (sacrificateur), совершавшего жертвоприношения, и погребали его в развалинах навсегда проклятого святилища (рис. 24) [74].

Надежда на реставрацию была все еще жива, главным образом, в Риме, остававшемся столицей язычества. Аристократия, оставшаяся верной традициям предков, поддерживала ее своим богатством и авторитетом. Представителям ее нравилось украшать себя титулами «Отца Отцов» или «Священного глашатая непобедимого Митры» и увеличивать количество жертвоприношений на строительство и приношений [75]. Они даже удвоили свою щедрость, когда Грациан разорил находившиеся в их владениях храмы (382 г. н. э.). Один крупный аристократ в весьма слабых стихах говорит о том, как он восстановил великолепный храм, построенный его дедом близ Фламиниевой дороги, и сумел обойтись без всяких общественных вспомоществований [76]. Захват власти Евгением, казалось, должен был принести с собой долгожданное возрождение. Префект претория, Никомах Флавиан, совершил торжественные ритуалы тавроболии и возобновил в священной пещере отправление мистерий «бога-союзника» (deum comitem) претендента на власть [77]. Но победа Феодосия (394 г.) вскоре окончательно разрушила все надежды запоздалых приверженцев древних верований.

Какие-то подпольные сообщества могли еще упорствовать, собираясь в подвалах дворцов [78]; культ персидского бога мог сохраниться до V в. в некоторых кантонах, затерянных в Альпах или Вогезах [79]. Так, приверженность митраистским обрядам долгое время сохранялась в племени анавнов, завладевшего цветущей долиной, проход в которую замыкается узким ущельем [80]. Но мало-помалу даже эти последние верующие в странах латинского мира отказались от религии, лишенной как моральных, так и политических прав на существование. С большей стойкостью она продолжала удерживаться на Востоке, на своей настоящей родине. Изгнанная из всех остальных частей империи, она нашла себе прибежище в тех областях, где когда-то зародилась, и медленно угасала там [81].

Однако тем представлениям, которые митраизм распространял в империи в течение более чем трех веков, не суждено было умереть вместе с ним. Некоторые из них, даже наиболее специфические, те, что касались мира преисподней, действительной силы жертвоприношений, воскрешения тела, были приняты и противниками, и бывая их пропаганда лишь ускорила процесс их всеобщего признания. Некоторые из этих священных обрядов также продолжали жить в ритуале христианских праздников или в народных обычаях. Тем не менее ее основополагающие догмы оказались несовместимы с ортодоксией, и смогли удержаться лишь вне ее. Ее теорию о влияниях звезд, которую то осуждали, то терпели, астрология донесла до самого порога современности. Но эту лженауку, со всей ненавистью к ней Церкви, с ее основными идеями и влиянием на массы, персидским мистериям пришлось передать по наследству более мощной религии.

Манихейство, хотя оно и являлось творением одного человека, а не продуктом длительной эволюции, было связано с мистериями множеством сходных черт. Традиция, согласно которой первые ее основатели когда-то вели в Персии беседы со жрецами Митры [82], может быть расплывчатой по своей форме, посредством которой, однако, выражается не менее глубокая истина. И тот и другой культ сложился на Востоке из смешения древней вавилонской мифологии с персидским дуализмом, оба они впоследствии смешались с элементами эллинизма. Секта Мани особенно распространилась в империи в IV в., во время угасания митраизма, и

была призвана принять от него наследство[83]. Все адепты мистерий, против которых, в частности, была направлена антиязыческая политика Церкви, сумевшая поколебать их веру, но не обратившая их в свою, были соблазнены примиряющим вероучением, позволявшим соединить в едином акте поклонение Зороастру и Христу. Та широкая популярность, которую получили маздеистские верования, окрашенные халдейскими доктринами, подготовили умы к принятию этой ереси; последняя шла по проторенному пути, и именно в этом заключается секрет ее внезапного распространения. Митраистским воззрениям в таком обновленном виде суждено было устоять на века против всех гонений и, возродившись к жизни в новом обличье в разгар средневековья, — вновь потрясти древний римский мир

МИТРАИСТСКОЕ ИСКУССТВО

Митраистские памятники, в немалом количестве найденные в провинциях Запада и даже на Востоке, представляют собой однородную группу, значение которой в истории римского искусства было бы бесполезно охарактеризовать. Говоря по правде, их художественное достоинство во многом уступает их документальной важности, и главная их ценность состоит не столько в эстетическом, сколько в религиозном их аспекте. Позднее время их создания лишает нас надежды на то, что мы можем найти в них выражение подлинной творческой силы их создателей и проследить по ним ход первоначального развития. Тем не менее, было бы несправедливо подойти ко всем памятникам с равно пренебрежительной оценкой, ограничивая свой взгляд узкими рамками аттицизма. При всем видимом в них недостатке творческой изобретательности, искусство приспособления древних мотивов, мастерство исполнения и все иные достоинства воплощения, которые временами они несут на себе, могут оказаться вполне достаточными для того, чтобы привлечь к ним наше внимание. Некоторые из композиций в скульптуре и ряд барельефов — поскольку сохранившиеся росписи и мозаики столь немногочисленны и заурядны в своем исполнении, что можно воздержаться от их обсуждения[2], — занимают вполне почетное место в той массе скульптурных изображений, которую оставил по себе период империи, и заслуживают того, чтобы мы остановились на них подробнее.

Можно с очевидностью показать[3], что все изображения тавроктонного Митры, священный образ которого приобретает установленный характер со времени распространения мистерий на Западе, являются более или менее точным воспроизведением образца, созданного скульптором пергамской школы в подражание изображению приносящей жертву Победы, украшавшему балюстраду храма Афины Nike в Акрополе. Некоторые мраморные рельефы, открытые в Риме и в Остии[4] и восходящие, несомненно, к началу II в., еще несут на себе отблеск величия этой блистательной композиции эпохи эллинизма. После яростной погони бог настигает ослабевшего быка. Упираясь коленом ему в крестец и ступню в копыто, он придавливает быка к земле и, захватив одной рукой его ноздри, другой вонзает нож в его бок. Горячее напряжение этой полной движения сцены позволяет оценить ловкость и силу непобедимого бога. С другой стороны, боль жертвы, хрипящей в предсмертной муке, со сведенными в страшной агонии членами, смесь горячего возбуждения и сожаления, в равной мере отразившихся в чертах ее победителя, подчеркивают патетический характер этой священной драмы и передают зрителю то чувство, которое должно было живейшим образом овладевать верующими.

Облик бога[5], каким его изображают лучшие из скульптурных фрагментов, представляет собой внешность молодого человека, почти по-женски красивого: густые вьющиеся волосы, высоко поднятые над челом и обрамляющие его своеобразным ореолом, голова, слегка откинута назад, так, чтобы взгляд был направлен к небесам, сведенные брови и сжатые губы придают его лицу необычайное выражение скорби. Все эти черты обнаруживают себя в знаменитой статуе с Капитолийского холма, в которой можно узнать идеализированный портрет Александра, представленного в роли солнечного бога[6]. Если сравнить с нею голову из Остии, являющуюся лучшим и одним из наиболее древних изображений Митры, имеющихся в нашем распоряжении[7], мы будем поражены неоспоримым сходством, сближающим два эти произведения. Иногда эти изображения более приближены к другому прообразу того же рода, так называемому Александру, принимающему смерть во исполнение своего долга[8]. Оба эти знаменитые мраморные изображения восходят к оригиналам эпохи диадохов, и второе из них

может быть отнесено к ваятелям пергамской школы. Следует заметить, что, по всей вероятности, именно в этой школе сложился замысел приспособления данного образа к изображению тавроктонного Митры. Поскольку динамика и патетический характер композиции в целом, скорбная и почти болезненная красота черт героя соответствуют манере и духу того времени и той области.

Традиционный образ факелоносцев, или дадофоров (с. 169–170), был мало пригоден для передачи столь же ярких страстей. Все, чем могут быть примечательны лучшие их образцы, — это удачное решение ваятеля в передаче объема фригийских одежд, в схваченных им чувствах надежды и печали, отразившихся на лицах стоящих друг против друга молодых людей. Мы располагаем замечательным образом этой божественной пары, воспроизведенным в двух статуях, найденных близ Тибра, которые Дзоэга относит к времени правления Адриана и которые, вероятно, были привезены в Италию с Востока[9]. Можно видеть, как их автор удачно избежал нарушения симметрии, возникающего вследствие того, что у обоих этих персонажей, которым надлежит быть парными, ниспадающий с правого боку плащ закреплен на левом плече.

В более поздних памятниках в более или менее удачном воплощении проглядывает внимание к детали, характерное для произведений эпохи Антонинов. Среди них интереса заслуживает композиция из Остии, датируемая временем правления Коммода, или барельеф с Виллы Альбани, по-видимому, соответствующий по датировке первому[10]: художник счел нужным увеличить количество складок одежды и более круто завить локоны волос, чтобы показать свое умение справиться с трудностями, которые сам же себе и создал, тем не менее этот любопытный маньеризм не способен превозмочь общего впечатления застывшей статичности группы. Из числа фрагментов небольшого размера, выявленный в этом изображении метод тщательной отделки деталей все же представляется наиболее удачным. Небольшой мраморный рельеф, найденный и воспроизводящий нашу сцену с фронтиписиса, отличается в этом смысле «потрясающим техническим мастерством исполнения». Тонко выделанные фигуры почти полностью отделены от массивного блока, к которому они прикрепляются лишь за счет тонких опор. В этом фрагменте скульптор стремится выставить напоказ свое искусное умение добиться в крайне хрупкой конструкции того же технического эффекта, который резчик производит в работе по ковкому металлу[11].

Но такие выполненные с относительным совершенством произведения редко встречаются в Италии и особенно в провинции, и следует признать, что огромное большинство митраистских памятников носят прискорбно посредственный характер. Их исполнители, или гранильщики камня, — они не заслуживают иного названия, — которым эти творения обязаны своим появлением на свет, часто довольствовались лишь тем, что несколькими ударами резца эскизно прорисовывали ту сцену, которую намеревались воспроизвести. Рельеф иногда выполнен столь обобщенно, что в нем хорошо видны лишь очертания контуров, как у иероглифов, и вся работа не менее похожа на рисунок, чем на скульптурное изображение[12]. На самом деле, достаточно было лишь набросать черты изображений, смысл которых был известен верующим, и которые они дополняли своим воображением, и только наше неведение заставляет нас более остро воспринимать недостатки неловкой и неотчетливой манеры их исполнения. Тем не менее, некоторые небольшие барельефы подлинно нельзя назвать иначе чем карикатурами, персонажи которых приближены к гротеску и напоминают своей бесформенностью те прятные фигурки, которые продают у нас на ярмарках.

Извинением той небрежности, с которой выполнены эти плитки, может послужить их предназначение. Поклонники Митры имели обыкновение не только посвящать их храмам, но также украшать ими молельни в своих скромных жилищах. Такое их домашнее использование может служить объяснением огромному числу этих памятников, находимых повсюду, куда сумел проникнуть данный культ. Чтобы удовлетворить неиссякаемый спрос на них верующих, скульптурные мастерские должны были изготавливать их массово и с большой скоростью. Создатели этой малоценной продукции заботились лишь о том, чтобы максимально удовлетворить потребности своих клиентов из числа богомольцев, чей художественный вкус был не слишком взыскателен. Древние фабриканты производили сотни одинаковых изображений тавроктонного Митры[13], наподобие того, как наши промышленники в изобилии изготавли-

вают одни и те же распятия или образки Пресвятой Девы. Эта торговля религиозными изображениями своего времени столь же мало заботилась об эстетике, как и в наши дни.

Эти производители не ограничивались постоянной выделкой копий с одного и того же традиционного образца, они умели разнообразить свой ассортимент применительно ко всем вкусам и всем размерам кошелька. Рассмотрим серию посвященных изображений, собранных в святилище Митры в Сармизегетусе в Дакии [14]. Мы обнаружим среди них образцы всех моделей, которые воспроизводились мастерскими этой области. Мастера избегали скульптурных рельефов, слишком дорогостоящих и трудных для исполнения. Точно также они отказались от техники ажурной вырезки частей мрамора, позволяющей выделить группу, изображающую тавроктонного бога.

Но при этом столь велико разнообразие этих маленьких барельефов, которые укрепляли на стенах святилища! За минимальную цену можно было купить, вероятно, квадратную пластинку с одним только изображением заклания быка. Иногда цена ее повышалась за счет добавления к ней своего рода обрамления, разделенного на три или четыре мелкие композиции. В других случаях изображение дополняется верхним рядом, украшенным дополнительными сценами. Наконец, последние могли располагаться и по боковым краям, обрамляя, таким образом, с четырех сторон основное изображение. Кроме того, когда мастер давал волю своему воображению, он мог поместить тавроктонного бога в центр круга, украшенного знаками Зодиака, либо окружить его венком из листьев; он мог добавить или вовсе убрать обрамление; он мог приложить всю изобретательность, чтобы придать своей скульптурной пластине новую форму; по своему желанию он мог сделать ее квадратной, продолговатой, дугообразной, трапециевидной или даже круглой. Среди этих пластинок не найдется двух абсолютно одинаковых по виду.

Если даже эти коммерческие изделия, выполненные по заказу, имеют весьма отдаленное отношение к искусству, они тем не менее дают нам немало полезных сведений о камнерезном промысле в древности. Мы имеем множество свидетельств тому, что значительная часть скульптурных изображений, предназначенных для провинциальных городов, в эпоху Империи изготавливалась в Риме [15]. Вероятно, именно так дело обстояло с некоторыми нашими памятниками из Галлии и даже с двумя из них, украшавшими святилище Митры в Лондоне [16]. Напротив, некоторые статуи, найденные в столице, могли быть привезены сюда из Малой Азии [17]. Подобным же образом прекрасные барельефы из Вирунума были привезены извне, несомненно, по Аквилейской дороге. Благодаря пристрастию Четырех Венценосцев мы можем судить о значении в III в. каменоломен Паннонии [18], в которых сотни рабочих не только добывали, но и обрабатывали мрамор. Эти разработки, по-видимому, являлись важным центром изготовления митраистских посвященных изображений. По крайней мере многие из них, найденные в раскопках в храмах Германии, безусловно, были произведены на берегах Дуная [19]. Эти факты проливают любопытный свет на торговлю храмовыми украшениями во времена язычества.

Тем не менее большинство из наших памятников, без всякого сомнения, производились на месте. Это очевидно в отношении тех рельефов, которые были вырезаны в сглаженных стенах скал, — они, к сожалению, дошли до нас в крайне поврежденном виде, — но и в отношении многих других можно говорить об их местном производстве с уверенностью, проистекающей из исследования характера использованного камня [20]. Впрочем, фактура этих фрагментов достаточно ясно указывает на то, что они не были изготовлены ни иноземными мастерами какого-нибудь крупного азиатского центра, ни даже странствующими скульпторами, которые обходили страну в поисках прибыльных или достойных их славы заказов [21], но обязаны своим появлением скромным камнерезам, обосновавшимся в каком-нибудь соседнем городе.

Наиболее значительные памятники также входят в число тех, чье местное происхождение установлено наилучшим образом, поскольку перевозка их повлекла бы за собой как чрезмерные расходы, так и немалый риск. Таким образом, собрание крупных митраистских барельефов представляет собой наиболее интересную серию памятников для изучения провинциального искусства в период Империи. Безусловно, эти скульптуры, предназначенные для установки их в апсидах храмов для поклонения верующих, являются шедеврами ничуть не в большей степени, нежели вся масса сделанных по обету табличек, но все же с ними обращались не

столь бесцеремонно, и можно заметить, что их авторы прилагали старание, чтобы сделать их как можно лучше. Если даже они не могли проявить должной изобретательности в том, что касалось их сюжета, то демонстрируют свою находчивость в расположении фигур и в умелом исполнении их в материале.

Впрочем, рассматривая эти фрагменты, не следует забывать о том, что на помощь скульптору приходил художник, и его кисть могла дополнить то, что лишь едва наметил резец. На голый мрамор или оштукатуренный камень наносились яркие цвета: зеленый, синий, желтый, черный и все оттенки красного сочетались здесь без всяких ограничений. Цветовые контрасты подчеркивали крупные контуры и выделяли второстепенные детали. Часто детали изображались только кистью. Наконец, некоторые участки выделялись позолотой. В полумраке подземных храмов скульптурный рельеф оказывался почти неразличим без яркой полихромной окраски. Впрочем, такая окраска соответствовала традициям восточного искусства, и уже Лукиан противопоставляет простые и изящные формы эллинских богов яркой пышности божеств, пришедших из Азии [22].

Самые примечательные среди таких произведений были извлечены на свет на севере Галлии или, точнее говоря, на рейнской границе: это большие барельефы из Нойенгейма, Остербюркена, Геддернгейма и Саарбурга [23]. По-видимому, всю эту группу памятников следовало бы отнести к той любопытной скульптурной школе, которая процветала в Бельгии во II и III веках, и произведения которых выгодно отличаются от продукции мастерских юга [24]. Взглянув на барельеф из Остербюркена [25], наиболее полный из всей серии, нельзя не поразиться богатству и общей гармоничности этой обширной композиции. Неясность впечатления, возникающая от скопления персонажей и их групп, — недостаток, который так же присущ митраистским памятникам, как и многим другим творениям той эпохи и, в частности, саркофагам с обычно чересчур перегруженной композицией, — сглаживается здесь за счет разумного использования резных ободков и обрамлений. Если бы мы пожелали дать критическую оценку всем этим творениям, их легко было бы упрекнуть в нарушении пропорции некоторых фигур, угловатости их движений и, в некоторых случаях, в напряженности поз и неестественном положении одежд, но эти изъяны не должны поглотить наше внимание настолько, чтобы мы забыли о тонкости работы в рыхлом материале и, в особенности, о том, что в этих произведениях с очевидным успехом нашел свое воплощение поистине грандиозный замысел. Попытка исполнения в камне не только самих божеств, но и всей космогонии мистерий и эпизодов легенды о Митре, вплоть до великого жертвоприношения быка, представляет собой весьма рискованную задачу, осуществление которой, пусть даже несовершенное, уже заслуживает всяческого уважения. Уже в более ранние времена можно обнаружить, в частности, на саркофагах, применение техники, состоявшей в изображении последовательных сцен того или иного действия на наслаивающихся друг на друга плитках [26], либо на параллельных плоскостях, однако мы тем не менее не могли бы привести в пример ни одного памятника римского язычества, который мог бы в этом отношении сравниться с нашими барельефами, и аналогичной попытки мы могли бы дожидаться лишь в произведениях христианских мозаистов, украшавших обширными композициями внутренние стены церквей.

М. Ф. Дрексель [27] в недавнее время попытался вновь и с большей, чем я, точностью представить развитие и распространение скульптурных типов, преемственность которых можно проследить в митраистских памятниках. Мы вслед за ним можем выделить различные стадии их развития:

I. Наиболее простая группа — группа тавроктонного Митры, изображающая его приносящим жертву в честь победы и лишенная всяких дополнительных фигур. В такой первоначальной форме, как форма скульптурного рельефа, этот тип сохранился в серии изображений, обнаруженных в Риме и ближайших его окрестностях. Он совершенно не представлен в провинциях [28].

II. Промежуточные этапы, где к простому изображению тавроктонного бога добавлены либо изображения факелоносцев [29], которые до сих пор представлялись отдельно от основной группы, либо бюсты Солнца и Луны [30], и где вся композиция помещается среди скал [31], привели к созданию наиболее распространенного типа барельефов. Этот последний изображает Митру, приносящего в жертву быка, между двумя факелоносцами, в пещере, над которой

находятся изображения Солнца и Луны (с. 111). Такой тип встречается повсюду, где нашел распространение культ персидского бога, в Египте и в Африке, равно как и в северных странах. В массе барельефов этого наиболее общего типа можно выделить серию находок, занимающих промежуточное положение между прирейнской и придунайской группами, о которых мы скажем немного ниже [32], и распространенных в Италии, Норике и в части Паннонии. Здесь культ из Италии проникал далее вдоль Аквилейской дороги (с. 90), и этот его путь подтверждается данными археологии [33].

Добавим, что еще сравнительно простым вариантом этого типа является композиция, в которой Митра, солнечный бог, предстает в окружении одних только знаков Зодиака, бюстов Ветров и Времен Года, то есть космических символов. Два наиболее примечательных памятника такого рода были, что любопытно, открыты в двух крайних точках римского мира, один — в Сидоне в Финикии (с. 161), а другой — в Лондоне (с. 79). Но этот тип был, без сомнения, также распространен, во всяком случае, в некоторых промежуточных областях [34].

III. Композиция усложняется добавочными сценами, взятыми из божественных легенд, которыми иногда дополняются космические изображения. Такие второстепенные картины лишь крайне редко встречаются в Риме и в Италии (пам. 31, 114). В этой категории следует различать две группы памятников — придунайскую и прирейнскую.

Придунайская группа характеризуется наличием под традиционным изображением тавроктонного Митры своего рода обрамления, содержащего изображения трех сцен в сводчатых рамках: Митра, стоящий на коленях перед Солнцем, затем — трапеза и вознесение обоих союзников (с. 182). Наиболее ранняя композиция сохранилась, как видно, на одном из памятников (№ 163), где эти второстепенные группы помещаются на цоколе, поддерживающем тавроктонного бога, выполненного в форме рельефа. Это древний обычай, присущий греческой традиции искусства, — изображать на пьедестале или на троне статуи божеств и рельефы, дабы прославить их великие деяния. Этот обычай, вероятно, уже применялся в изображениях Митры, созданных пергамской школой (с. 273), которая, как известно, часто имитировала некоторые техники классического искусства. В придунайские области она, должно быть, проникла именно из Малой Азии. Этот первоначальный тип вскоре был дополнен здесь другими фигурами — сперва по верхнему краю скульптурной пластины, затем на поверхности рельефа рядом с тавроктонным Митрой и факелоносцами.

В прирейнской группе в построении памятников прослеживается иная модель. Нижнее обрамление отсутствует полностью. Напротив, основная группа располагается под своеобразными монументальными вратами, косяки и перемычка которых украшены небольшими прямоугольными пластинами (с. 72). Выбор и последовательность изображений на них сильно отличается от добавочных сцен на придунайских барельефах. Дрексель не без оснований сопоставляет такую особую композицию с некоторыми восточными традициями: памятники в форме ворот часто встречаются в эллинистическом искусстве Малой Азии. Статуи богов помещают в своеобразную рамку — внутрь сооружения, образованного двумя стояками и колоннами с архитравом [35]. Но, возможно, такие врата являются входом в храм, сквозь который виднеется божество. В митраистском искусстве они одновременно обозначают пещеру, в которой, согласно легенде, было совершено заклание быка, и священный грот, в котором ему поклонялись верующие. Помимо того, косяки и перемычку украшают сцены, изображающие весь сюжет священной легенды, об эпизодах которой часто напоминали независимые изображения внутри гротов. Таким образом, большие барельефы прирейнской группы представляют своего рода отображение всего содержимого святилища Митры.

Придунайская и прирейнская группы не происходят одна из другой: обе они, по видимому, восходят к азиатским моделям, имитировавшимся, вероятно, в Паннонии и в Германии со времен введения там митраистского культа, принесенного солдатами, около 70 г. н. э. В Риме и в Италии, как и на юге Галлии, где экзотическую религию проповедовали рабы и иноземные торговцы, сложилась художественная традиция, независимая от традиции приграничных областей.

Мы здесь не ставим себе задачей выяснение происхождения каждого из изображений, возникающих на митраистских памятниках. Тем не менее мы хотим показать, что, несмотря на их разнообразие, все они распадаются на два или даже три хорошо очерченных класса. Ряд фи-

гур был в низменном виде заимствован из традиционных типов греко-римского искусства. Ахура-Мазда, сокрушающий выступивших против него демонов, — это эллинистический Зевс, расправляющийся с титанами (с. 149); Веретрагна трансформировался в Геракла; Солнце — это Гелиос, длинноволосый юноша на своей квадриге. Нептун, Венера, Диана, Меркурий, Марс, Плутон, Сатурн предстают перед нами в своем обычном облике, в одеждах и с атрибутами, издавна признаваемыми за ними. Точно также персонифицированные образы Ветров, Времен года и Планет сложились задолго до распространения митраизма, и этот культ лишь воспроизвел в своих храмах давно ставшие обыденными модели.

Напротив, по крайней мере один персонаж преобразовал в себе азиатский архетип: это львиноголовый Кронос. Как и большинство ему подобных, это чудовище с головой животного создано воображением Востока. (Рис. 26–27)

Его генеалогия, несомненно, заставляет нас обратиться к ассирийской скульптуре[36]. При этом художники Запада, имея перед собой задачу представить божество, чуждое греческому пантеону, и, не будучи связаны традицией какой-либо школы, дали полную волю своей фантазии. Различные преобразования, которые претерпел его облик, обусловлены, с одной стороны, религиозными соображениями, — тенденцией к все большему усложнению символики этой обожествленной персонификации и, соответственно, к умножению его атрибутов, — с другой стороны, эстетическими потребностями — желанием по возможности смягчить чудовищный образ этого варварского персонажа и постепенно придать ему человеческие черты. Это привело даже к тому, что его львиная голова была вовсе устранена, и взамен ее довольствовались изображением льва у его ног, либо маску этого зверя помещали ему на грудь[37].

Этот львиноголовый бог Вечности является наиболее оригинальным творением митраистского искусства, и даже если он совершенно лишен привлекательности и изящества, то необычность его облика, внушительный корпус приписываемых ему атрибутов вызывали любопытство и возбуждали работу мысли. Помимо этого божества Времен, можно с достаточной уверенностью установить восточное происхождение лишь некоторых эмблем, таких, как фригийский колпак, повешенный на жезл, или возвышающаяся над орлом сфера, изображающая Небо[38]. Так же, как и Митра, приносящий в жертву быка, и другие сцены, в которых действует этот герой, безусловно, представляют собой в большинстве случаев лишь преобразование сюжета, популярного в эллинистическую эпоху, хотя не всегда возможно обнаружить первоначальный образец, которому следовал римский мраморщик, или те элементы, которые он соединил в своей композиции. Впрочем, художественная ценность этих интерпретаций в целом очень невелика. Если сравнить лишенную всякой жизни композицию, являющую собой сцену появления Митры из скалы, с живой картиной рождения Эрихтония, каким представляют его росписи на керамике, можно видеть, до какой степени греческие керамисты имели превосходство в изображении похожей темы. Недостаток новизны в митраистской иконографии вступает в странное противоречие с тем значением, которое приобрело представлявшее ее религиозное движение. В очередной раз можно сделать заключение о том, насколько обновление в скульптуре сделалось невозможным ко времени распространения персидских мистерий в империи. Если в эллинистический период можно было с успехом сотворить некие небывалые образы египетских божеств, удачно отразившие их характер, то в эпоху Империи большинство маздеистских божеств, несмотря на свою совершенно особую природу, должны были волею-неволей принять облик и одеяние жителей Олимпа, и хотя была сделана попытка изобрести новые типы для некоторых необычных сюжетов, вся она свелась к жалкой банальности. Обильная роскошь, унаследованная от прежних поколений, подорвала творческие силы искусства, и, привыкшее жить за счет заимствований, оно само по себе сделалось бесплодно.

Но мы были бы несправедливы к адептам митраизма, требуя от них то, чего они никогда и не стремились сделать. Проповедуемый ими культ не был культом красоты, и пристрастие к пластической форме, несомненно, представлялось им бессмысленным, если не предосудительным. В их глазах имело значение лишь религиозное чувство, и для пробуждения его они обращались, главным образом, к разуму. Несмотря на многочисленные заимствования, вынесенные из сокровищницы образов, созданных греческой скульптурой, митраистское искусство, по существу своему, осталось азиатским, как и те мистерии, выражением которых оно явля-

лось. Создание эстетического впечатления вовсе не было его главной задачей, оно не стреми-лось очаровать, но рассказать и преподать наставление — и сохраняло в этом верность тради-циям Древнего Востока. Нагромождение персонажей и групп, тесно заполняющих простран-ство некоторых барельефов, масса атрибутов, которыми перегружены изображения вечного Кроноса, указывают на то, что вместе с новой формой религии родился и новый идеал. Эти неуклюжие или бесцветные символы, применявшиеся во множестве, о чем свидетельствуют наши памятники, совсем не пленяют своим благородством или изяществом, но чаруют ум вол-нующим соблазном неведомого, и возбуждают в душе почтительный трепет перед высшей тайной.

Главным образом этим объясняется то, что данное искусство, весьма изощренное, не-смотря на свои недостатки, способно было произвести неотразимое впечатление. Оно было связано с христианским искусством сходством по сущности, и символика, введенная им на За-паде, не ушла в небытие вместе с ним. Даже аллегорические образы космического цикла, кото-рыми изобилуют творения адептов персидского бога, обожествлявших полностью всю приро-ду, были восприняты христианством, хотя на самом деле противоречили его духу. Таковы изображения Неба и Земли, и Океана, Солнца, Луны, Планет и знаков Зодиака, Ветров, Времен года и Стихий, столь часто встречающихся на саркофагах, в мозаиках и в миниатюрах.

Посредственные композиции, передающие, по замыслу художников, эпизоды легенды о Митре, оказались вполне достойными для подражания в христианские века, и они не могли не учитывать сложившиеся традиции в технологии изготовления. Когда после победы Церкви перед скульпторами встала задача передать до тех пор не знакомые им сюжеты, и они столк-нулись с трудностью изображения в камне библейских персонажей и повествований, их чрез-вычайно вдохновила возможность принять за образец те формы, которые уже вошли в обиход благодаря персидским мистериям. Некоторые изменения в одежде и позе превращали языче-скую сцену в христианский сюжет: Митра, стреляющий из лука в скалу сделался Моисеем, за-ставившим забить родник из скалы Хорив [\[40\]](#); Солнце, возносящее своего союзника над Океа-ном, послужило образом для выражения сцены вознесения Илии на огненной колеснице [\[41\]](#), и до самого средневековья тип тавроктонного бога сохранялся в изображениях Самсона, разры-вающего пасть льву.